

ТАТЬЯНА
ПЛАНЕТАНОВА

НЕОБЫЧНЫЙ
ПАЦИЕНТ

Я обычная медсестра, хоть и работаю в не совсем обычной больнице. А он — мой пациент, хоть и тоже не совсем обычный. Слишком импозантный и загадочный мужчина для простого психа.

И как бы это ни было глупо и против всех правил, я позволяла себе иногда общаться с ним. Вот только не могла предположить, что этот пациент — совсем не тот, за кого себя выдаёт.

И чем грозит мне такая дружба... Моя жизнь поменялась в один миг, и больше никогда не станет прежней.

Необычный пациент
Татьяна Планетанова

Без десяти двенадцать. Мой обход почти завершён. После четырёх уколов милым старичкам и ещё нескольких инъекций для слегка отрешённых разновозрастных дамочек, в моём лотке для препаратов остался ещё один небольшой шприц для последнего восьмого пациента.

Он поступил в наш районный психоневрологический диспансер около недели назад, и, заступив сегодня на ночную смену, я отчего-то испытывала лёгкое волнение от вновь предстоящей встречи с ним.

Смуглый молодой брюнет с идеальной рельефной фигурой и чертовски выразительными карими глазами. Он совсем не напоминал человека, у которого есть какие-то проблемы со здоровьем.

Каждый раз, когда я приходила к этому мужчине делать процедуры, он то и дело пытался как-то очаровать меня — не то я ему действительно так понравилась, не то он это делал просто от скуки.

Хоть и было время сезонных обострений, палаты в этом году отчего-то почти все пустовали, и самому последнему поступившему к нам в этот понедельник пациенту как раз досталась одна из них. «Номер восемь» лежал уже почти неделю совсем один. Как это ни странно, за всё это время его никто так ни разу не навещил и даже не оставил передачку.

И сам он был какой-то странный, но не в плане того, что у него были какие-то проблемы с психикой. Пусть хоть и понемногу, но общаясь с ним при каждой встрече, я однозначно поняла, что каких-либо отклонений в этом плане у брюнета нет совсем. У мужчины был острый ум, очень интересный богатый внутренний мир и достаточно необычное для среднестатистического человека мировоззрение.

Я старалась не выдавать своего интереса, всякий раз, когда он между делом рассказывал мне о разных занятых географических местах, в которых уже успел побывать за свои молодые годы, и о том, какие знания и опыт он приобрёл в этих путешествиях.

Пациент номер восемь действительно много всего повидал, и это так обогатило мужчину, что даже просто слушать его во всех отношениях грамотно построенную речь для меня было своеобразным наслаждением. Я такую слышала только во время учёбы от приезжающих к нам на семинары профессоров из медицинской академии.

В общем, для меня пациент номер восемь был самой что ни на есть загадкой, и с самой нашей первой встречи меня не покидало ощущение, что он здесь оказался совсем случайно.

В его личной карточке практически ничего не было указано, почему-то не было даже диагноза. «Ерохин Данияр Амирович, двадцать семь лет, мужчина». И внизу назначение нашего главного врача: сколько, чего и в какое время ставить.

Поставить ему инъекцию сегодня придётся чуть позже обычного, так как недавно кто-то очень некстати задел мою машину, и мне срочно пришлось выйти, чтобы проверить её. Диспансер находился на отшибе цивилизации, и в эту округу нередко заносило разных подозрительных личностей.

Совсем забыв переобуться обратно, я аккуратно, чтобы сильно не натоптать, ступала по гулко-отзывающемуся кафелю. Хорошо, что санитарка появлялась здесь только в стандартные рабочие часы. Она была очень ответственным сотрудником и довольно прямолинейным человеком, и сейчас бы точно отчитала меня, не скупясь на нелестные

выражения.

Ночами здесь в принципе было пусто, так как дежурный врач со второй медсестрой в основном всегда наблюдали тяжело больных в левом закрытом крыле нашего диспансера, что был расположен почти в отельном здании неподалёку, соединённый с этим одним длинным коридором, которым персонал пользовался лишь в холодные зимние дни.

Шагая по пустынному коридору, я размышляла о том, что работа здесь в целом неплохая, хоть и далеко от города. Но это была вынужденная мера — после училища мне надо было где-то практиковаться. Здесь заработная плата была выше, чем во многих центральных городских клиниках подобного рода. А значит и своя машина со съёмной квартирой, пусть хоть и в пригороде, уже не проблема — совсем не хотелось в свои двадцать три жить с родителями. Доказала всем, что могу быть самостоятельной, но за последний год изрядно загрустила. Хоть я и проработала здесь всего ничего, местная не самая благоприятная атмосфера давала о себе знать и отражалась на мне не самым лучшим образом. Плюс ко всему все мои подруги и родственники жили в городе, и из-за частых ночных смен, выбраться куда-то погулять у меня получалось крайне редко.

Подойдя к нужной двери, я поправила слегка съехавший вверх халат и плотнее затянула пояс на своей стройной талии.

— А постучаться? — донёсся приятный мужской голос, стоило мне войти внутрь.

Пациент решил встретиться со мной с юмором, а я в свою очередь, едва увидев его силуэт в полутьме больничной палаты, почувствовала, как необъяснимое волнение вновь дало о себе знать, отчего в этот раз решила не поддерживать его настрой, став максимально безучастной к его попыткам вывести меня на очередную беседу.

— Это медицинское учреждение, а не гостиница. — Я щёлкнула выключателем, и стоящий у окна мужчина приставил руку к глазам, закрываясь от заставшего его врасплох яркого света.

— Да уж, точно не курорт, — слегка разочарованно проговорил мужчина, видимо, уже привыкший к тому, что до этого я всегда заходила к нему с приветливой улыбкой, как обычно встречала любого своего пациента.

— Присядьте и приготовьтесь, пожалуйста.

Вымыв руки, я подошла ближе к самому освещённому участку комнаты и проверила не осталось ли ненужных пузырьков в шприце.

Заметив, что пациент в этот раз никак не реагирует на мою просьбу, я попросила уже более настойчиво.

— Данияр Амирович, я к вам обращаюсь? Руку готовим, что в первый раз?

— Я просто зачарован твоей красотой, — сделал стандартный комплимент, наконец, послушно засучив рукав на левом предплечье.

— Поработайте кулачком.

Надо сказать, что «кулачок» у него был что надо, настоящий кулачище, что разжимаясь, демонстрировал длинные чувственные пальцы.

Провожу одноразовой спиртовой салфеткой по точёным венам, что так мужественно подчёркивают силу его рук, и лёгкая полоска спирта тут же исчезает на его горячей смуглой коже.

— Вот и всё. — Я отбросила использованный шприц на лоток. — Завтра процедуру нужно будет повторить.

Пробыв рядом с ним всего несколько минут, в этот раз я поймала себя на мысли, что

буквально жду, что он вновь мимоходом мне расскажет ещё что-нибудь интересное из своей жизни.

— С тобой я не прочь повторить что угодно, сестричка.

Ещё и эти всё учащающиеся заигрывания. Нет, надо как-то раз и навсегда пресечь это уже панибратское общение. Беру лоток в руки и, собираясь уходить, делаю максимально серьёзное выражение лица, на которое только способна.

— Перестаньте со мной заигрывать, пациент.

Мужчина явно недоумевает, что стало причиной моего резко изменившегося отношения к нему.

— Сейчас я для тебя пациент, а завтра кто знает? — делает ещё одну попытку удержать меня для нового небольшой диалога.

— Вы что легли сюда лечить свою гиперуверенность? — зачем-то язвлю и тут же краснею от совсем несвойственного мне поведения.

— С чего ты вообще взяла, что меня надо лечить?

— Пациент Ерохин, не забываетесь. Вы находитесь в психоневрологическом диспансере и проходите курс терапии. Не усложняйте себе жизнь, разве вы не хотите вернуться поскорее домой?

Кажется, я совсем перегнула палку. Кто я вообще такая, чтобы решать быстрее он поедет домой или будет заточён здесь в «башню»? Хах, охраняемую нашим тучным драконом Фёдором, что ещё полчаса назад, сделав обход двух частей больницы, сладко посапывал на своём дежурном посту охранника.

Я работала в правом крыле здания только с адекватными и небуйными пациентами, у которых были в основном лёгкие невротические расстройства, да разного рода депрессии.

— Мой дом везде и нигде одновременно.

Чёрт, всё-таки заинтересовал.

— Простите, не поняла вас?

— «Весь мир мой храм, любовь моя святыня, Вселенная отечество мое...»

— Красиво сказано, — я взяла лоток в руки, собираясь уйти.

— Постой, — более глубоким тихим голосом попросил мужчина. — За всё время, что я тут, впервые услышал, как на улице сработала сигналка...

— Не переживайте вы так из-за простой автомобильной сигнализации, — не дав ему договорить поторопилась успокоить я пациента.

— Я тут скорее всего ненадолго. А ты мне очень понравилась. Не оставишь мне свой номер телефона?

— Пациент Ерохин, я на дежурстве, и на работе личных отношений не завожу, тем более с людьми с нестабильной психикой, уж извините.

— Я тебе тоже понравился, Лина. Я же вижу. Что, если моя психика стабильней северокорейского политического режима, а нахожусь я здесь по вынужденному стечению обстоятельств?

Прогнав волнительную дрожь, окутавшую меня от его первых слов, и едва сдержав смех от последних, я наиграно прицокнула, оставив его вопрос без ответа.

— А, понял. Вот дурак, сразу не догадался, что у такой красавицы наверняка ведь парень есть.

Нет у меня парня, рассталась с этим бабником прямо на выпускном из мед-училища. Но тебе, загадочный красавчик, об этом знать совсем ни к чему.

— Добрых снов, пациент, и не вздумайте меня сегодня снова беспокоить по пустякам.

Подойдя к двери, я выключила свет в палате и, услышала, как в коридоре начался какой-то переполох.

Казалось, кто-то выбивал ногой дверь за дверью, после чего перепуганные пациенты издавали разные звуки, вплоть до криков ужаса. Не смотря на охвативший меня страх, я уже хотела выйти, чтобы узнать в чём дело, как сильная рука со всё ещё задраным вверх рукавом схватила меня и потащила вглубь палаты, второй рукой показывая мне жест тишины.

От неожиданности я растерялась, но тут же придя в себя, замахнулась своим железным лотком, пытаясь сопротивляться. Очень ловко перехватив мою руку, мужчина обезоружил меня, и закрыв мне рукой рот, подвёл к окну, распахнув его створку. «Это что бунт пациентов? И он собирается меня похитить?!» — я намеревалась что есть сил замычать в его ладонь, но вовремя услышанные в коридоре грубые мужские голоса не дали мне этого сделать.

— Увидишь его, сразу же в ногу стреляй, — прозвучал бас прямо за дверью.

В моём горле тут же образовался непроглатываемый ком страха, а ноги обмякли, и моему пациенту без труда удалось затащить меня за выступ шкафа.

— Да поехали, он, уже по-любому удрал, — донёсся ещё один низкий неприятный мужской голос, и дверь с грохотом распахнулась под чьим-то сильным ударом.

— Езжай тогда за ним, если угнал, то ещё недалеко, — прозвучало указание теперь совсем отчётливо. — А я поищу медсестричку, местные говорят, они частенько ворковали. Значит, она может знать, где её пациент.

От этих слов вся похолодела и чуть не отключилась. Крепкие руки моего пациента тут же подхватили меня, плотней прижав к своему горячему телу, что сразу же привело меня в чувство.

Удары моего сердца, отдаваясь где-то в самой макушке головы, отсчитали долгих три секунды, пока палату ещё топтали чьи-то тяжёлые ботинки, а потом всё стихло.

Пациент осторожно выглянул из-за нашего укрытия и, убедившись, что в палате пусто, вытащил из шкафа небольшой серый рюкзак и стал снимать с себя вещи.

— Чт...Что происходит? — заикаясь, я решила прояснить ситуацию у единственного человека рядом, который, казалось, даже малость не возмутился происходящему.

Пациент номер восемь оставался на удивление равнодушным и спокойным в текущей ситуации, довольно стрессовой как для меня, так и для всего нашего отделения. В коридоре до сих пор не стихали перепуганные голоса пациентов, и я вздохнула с облегчением, когда среди них, наконец, услышала Фёдора Михайловича.

— Они ищут меня, и я уйду. Если не хочешь сегодня же оказаться в плену у не очень хороших людей, то пошли со мной.

— Что?! Что ты такое говоришь? Наш охранник скорее всего уже вызвал полицию, сейчас они приедут, и во всём разберутся. А почему тебя кто-то ищет?!

Мужчина проигнорировал все мои вопросы и, на мгновение представ передо мной во всей своей обнажённой красе, спешно переоделся в спортивный чёрный костюм со значком молнии, что сверкнула серебром на его крепком плече.

— Точно остаёшься? — закинув рюкзак за спину, пациент резво запрыгнул на окно, перевалившись через него одной ногой, и замер в ожидании моего ответа.

Здание было одноэтажным, так что вот так сбежать, как оказалось, не составит для

любого пациента никакого труда. Я промолчала.

— Ну, как знаешь.

— Ангелина, — окликнул меня подоспевший встревоженный охранник. — Всё хорошо?

— Фёдор Михайлович! Что случилось? Вы вызвали полицию? — я тут же набросилась на него с тревожащими меня вопросами.

— Да, они уже едут. Какие-то бандиты ворвались в помещение, пока я, эм... кхм... В общем, я позвонил Игорю Степановичу в левый отсек, и у них там всё тихо, значит, искали кого-то здесь. А где новенький?

Я оглянулась, но моего необычного пациента в оконном проёме уже не было видно.

— Лина, ты давай пробегись по отделению, и заведи в палаты разбежавшихся пациентов, а я обойду периметр здания, проверю, не остался ли тут ещё какой незваный гость, — нервно потирая кобуру, давал указания наш тучный охранник, который явно проспал озвученное вторжение.

Вся эта ситуация вогнала меня в состояние стабильного фонового стресса, и лёгкий мандраж так и не отпускал меня.

На дрожащих ногах я вышла в полутёмный коридор, освещаемый лишь ночными боковыми лампами, что тускло подсвечивали слегка обшарпанные стены, и чуть не охнула, когда меня в очередной раз схватили сильные мужские руки, затащив в ближайшую палату.

На этот раз хватка была куда грубее, и, особо не церемонясь, меня швырнули на пустую кушетку, а следом раздался тот самый неприятный бас, что я уже недавно слышала.

— Во-первых, даже не вздумай кричать, пристрелю на месте. Во-вторых, либо ты говоришь мне всё здесь, либо нам с тобой придётся проехаться в одно место. Дважды повторять не буду. Вопрос такой, где Азиз Кан? — остервенело смотрел прямо мне в глаза устрашающего вида бугай, держа в руках настоящий пистолет.

— Я не знаю никакого Азиза... — от испуга мой голос сильно дрожал. — И у нас нет таких пациентов, можете проверить все карточки.

— Он недавно к вам поступил. Высокий брюнет, под психа косит, хотя сам здоровее любого быка. Ты такого бы точно не проглядела, красотка.

Понимая о ком идёт речь, внутри меня вновь всё похолодело.

— Я не знаю где он...

— Неправильный ответ! — Бандит схватил меня за руку и резко потянул на себя. — Поехали, шеф тебя точно разговорит.

Холодный липкий пот покрыл всё моё тело, от ужаса я не могла даже закричать. В это мгновение сзади бугая мелькнула знакомая фигура, и тут же раздался страшный глухой звук, после чего хватка на моей руке ослабла, а бандит плавно осел на пол.

— Пошли со мной. Быстро, — прозвучало строгое указание от мужчины, зачем-то разыскиваемого этими упырями.

На адреналиновом всплеске я поспешила за своим пациентом и, слишком бодро перелезая через окно, зацепила капроновые колготки, что сразу же дали широкую стрелку по всей длине ноги.

Пробираясь за своим ловким направляющим сквозь ещё острые заросли зеленеющих кустов я наделала ещё больше дыр в колготках и на ходу разорвав сцепляющие в поясе остатки, тут же их выбросила.

Стоило нам отойти подальше от здания, как мой покорный ступор резко сменился потоком истерических вопросов.

— Кто эти люди? Кто ты такой вообще?! Почему они тебя преследуют? Что им от тебя нужно?

Он молча развернулся и, достав из рюкзака тёмно-зелёную толстовку, дал мне её, заверив, что в белом халате я слишком заметная.

Скинув с себя рабочую одежду, я осталась в одном бюстгальтере и чёрной трикотажной юбке-миди. Благо на улице начинался май месяц, и я не успела подмёрзнуть. Мой пациент

не постеснялся облюбовать эту картину переодевания и, позволив себе бессовестно насладиться ею, отпустил очередной комплимент, о том, что я очень красивая.

Вот же невозмутимая груда мышц, меня то вот почему-то в этой страшной ситуации меньше всего занимают подобные мысли.

— Тебя ведь не Ерохин Данияр Амирович зовут? Ты Азиз Кан? И ты скрывался тут у нас от них, да? — Торопливо переодевшись, бешеным шёпотом я продолжала донимать своего пациента мучившими меня вопросами.

Мужчина молчал, что-то проверяя в своём рюкзаке.

— Ты кто, преступник? Почему эти бандюки тебя ищут? Я что теперь твоя заложница?

— Жить хочешь? — наконец ответил мне на всё своим единственным вопросом.

Нервно сглотнув, молча кивнула.

— Тогда выключи рот и включи голову. Если ты теперь знаешь моё настоящее имя, то, как ты думаешь, отстанут ли они от тебя теперь? Если и правда хочешь жить, то держись меня и не задавай лишних вопросов. От машины? — указал он на связку ключей, валяющуюся рядом с моим халатом на земле.

Чуть ли не стуча зубами от обуявшего меня с новой силой страха, я снова кивнула.

— Бензин у твоей крошки почти закончился, а нам ещё надо будет в город в одно место мотнуться, — спустя полчаса дороги поставил меня в известность негодяй и лжец Азиз Кан, из-за которого вся моя жизнь резко перевернулась с ног на голову.

Проехав на моей старенькой подержанной «тойоте камри» цвета вишни несколько километров по лесостепи, мы вновь вывернули на главную, чтобы немного подзаправиться, да и дико хотелось пить.

В этой местности единственным напоминанием цивилизации была лишь небольшая затёртая заправка и пристроенный к ней минимаркет, разрисованный стереотипными для неблагополучных районов граффити.

— У меня нет денег, — на всякий случай решила предупредить, — моя сумочка вместе с кошельком и телефоном остались в ординаторской.

— У меня тоже, — то ли шутил, то ли откровенничал Азиз, — нам за ними как раз и придётся ехать.

Мои брови поползли вверх, и негодяй поспешил меня успокоить.

— Да расслабься, сестричка, всё решаемо.

Что задумал этот псих, я не знала, и, кажется, находилась в состоянии аффекта, так как его непоколебимая уверенность отчего-то вызывала у меня полное доверие. Азиз сразу же направился в минимаркет, а я, выйдя из машины, первым делом выплеснула весь накопившийся во мне стресс, пнув со всей силы колесо, от которого ту же отвалился налипший кусок весенней грязи.

Сквозь стеклянную витрину Азиз жестом дал мне понять, что я уже могу заправить машину.

Заполнив бак до краёв, я пошла следом за ним, в надежде сделать хотя бы пару глотков живительной влаги. На камере видеонаблюдения у входа зачем-то висела спортивная куртка моего пациента. Ну, точно, негодяй.

— Оплатите, пожалуйста, за бензин, — встревоженно обратился ко мне из-за прилавка полноватый парень.

— Мы ещё не всё выбрали, — грудным голосом, будто успокаивая продавца, проговорил Азиз.

Пухлячок весь напрягся и слишком заметно потянулся рукой куда-то под стол.

Сердце ухнуло вниз, когда мой пациент вытащил из-за пояса пистолет, дуло которого ещё совсем недавно было направлено на меня тем бандитом.

Хотя, стоп — то оружие выглядело совсем иначе... Мне стало не по себе. С кем же я связалась?!

От догадок у меня чуть волосы дыбом не встали. А негодяй преспокойно подошёл к трясущемуся от страха бедолаге, и словно игрушкой помахал своей опасной железью прямо перед его лицом.

— Ну, ты чего, парень, мы же с тобой вроде договорились.

Зависнув у полки с бутилированной водой, я стояла, почти не дыша, совсем не зная, что мне делать. Всё приобрело совсем уж нехороший оттенок. В голове активизировалась программа «бей или беги». Вот только куда бежать?

Если Азиз прав, и меня действительно теперь не оставят в покое, пока не найдут его — то значит надо как-то так сдать им этого негодяя, чтобы он не понял раньше времени, что я вообще собираюсь это сделать. А то пришьёт меня из этого самого пистолета своей невозмутимой рукой и даже не поморщится.

Да нет. Не может он выстрелить ни в кого, я же его не первый день знаю. Он столько всего успел рассказать о себе, что образ, сложившийся у меня в голове сильно конфликтовал с тем, что я видела сейчас.

Азиз Кан подождал, пока продавец выставит руки вверх, чтобы их хорошо было видно, и неспешно подошёл ко мне.

— Сестричка, ну ты чего так долго? — Он приобнял меня за шею, и пистолет оказался прямо у моего правого уха, сбив напрочь мой дыхательный ритм. Да, это точно другой пистолет. — Давай уже определяйся с водой, и поехали. Ты ведь знаешь, что медлить нам совсем нельзя.

Как зачарованная, взяла пару литровых бутылок простой питьевой воды и, чувствуя небольшой напор руки пациента, что бесцеремонно прихватил меня за талию, двинулась вместе с ним. У выхода он немного отстал, чтобы забрать свою ветровку с камеры обратно.

— Эй, парень, спасибо! — обернувшись, поблагодарил продавца Азиз. — Я слов на ветер не бросаю, если пообещал, что всё оплачу, значит так и будет. Только придётся подождать какое-то время. И не вздумай ментам ничего говорить, а то совсем не чаевые получишь.

Оставив до смерти напуганного пухляша с поднятыми дрожащими руками, мы быстро вернулись в мою машину. Азиз без спросу сел за руль и так резко дал по газам, что я подумала, моя старушка не выдержит этого и заглохнет. Но она выжила и под его ловкими и бесстрашными руками даже неплохо разогналась.

Мы очень быстро добрались до первой черты города, что в глубокой ночи светился яркой мерцающей полосой.

— И что теперь? — немного придя в себя после всего пережитого, я впервые за всю поездку подала голос.

— Приключения, — неопределённо ответил мой пациент и, запустив руку в рюкзак, выудил небольшой телефон, став кому-то набирать.

Приоткрытая сумка лежала рядом, и моё природное любопытство заставило меня заглянуть внутрь.

— Нафига! — тут же вырвалось у меня острое негодование. — Зачем ты угрожал тому

бедному пареньку, когда у тебя на самом деле есть деньги?!

— Потому что это наши единственные средства, и они нам ещё пригодятся, если сейчас не получится попасть в одно место.

— Окей, допустим. Но откуда у тебя пистолет, кто ты такой и от кого мы бежим — ты мне всё равно не скажешь, да? Тогда спрошу у тебя то, что напрямую касается меня. Куда ты везёшь меня сейчас?

— Мы едем к моим ребятам в один мужской клуб.

— Зачем?

— Мне надо перехватить денег и понять, что делать дальше.

— А мне что делать дальше? Я что теперь не смогу вернуться на работу?

— Я бы тебе даже дома сейчас не рекомендовал показываться.

— Что всё так серьёзно? Да кто же ты, чёрт возьми, такой?!

Спустя час мы подъехали к невысокому зданию, отделанному чёрным матовым кафелем. Малопримечательное место, без каких-либо опознавательных надписей. С виду и не скажешь, что это какой-то клуб, а на входе стоит недвусмысленная охрана и фейс-контроль, что уже по-другому определяет статус заведения.

Моего пациента сразу же узнали, и, не задавая лишних вопросов, нас провели по узким внутренним коридорам, куда-то вглубь здания. Гулкие биты заводной электронной музыки раздавались всё громче, но когда мы спустились по небольшой лестнице вниз — стали едва различимыми, видимо здесь была хорошая звукоизоляция.

Сопровождающий охранник оставил нас с Азизом в небольшом помещении, что, по всей видимости, было приват-комнатой для особого вида танцев.

Здесь негромко играла более лёгкая музыка. Стены и пол, включая небольшой диван, встроенный в саму стену — всё было отделано нежно-розовым вельветовым покрытием, а в центре находилась мини-сцена.

Спустя пару минут к нам зашёл сурового вида широкоплечий мужчина средних лет и начал обсуждать непонятные мне вещи с моим пациентом. В общих чертах, можно было понять — речь шла о каких-то больших деньгах, что были на кону, и даже о чьей-то жизни. Мужчина предложил Азизу ещё на какое-то время залечь на дно.

— Ну и что, что он без сознания, я просто хочу его увидеть.

— Аз, ты же понимаешь, что больница давно уже под наблюдением. Тебя в первую очередь там будут высматривать. Сунешься, и всё пропало. У твоего отца должны ведь быть какие-то укромные места?

— Да, есть одно. Правда далековато. О том коттедже никто не знает, в большом радиусе вся земля выкуплена почти до береговой полосы.

— Может, и пересидите там какое-то время?

Какой такой коттедж? Это типа я с ним должна там «пересидеть»?

Недовольно побряхтев, я решила напомнить о себе:

— Я никуда не поеду, если что.

Крепыш бегло взглянул на меня и продолжил, как ни в чём не бывало:

— Ну а мы с парнями пока найдём возможность, чтобы решить вопрос без лишних проблем.

— Как можно что-то решить, если их цель убрать помеху? Давай я всё-таки сам поговорю с Рыковым? Объясню, что я ни на что не претендую и не стану потом ничего себе возвращать, лишь бы отца больше не трогали...

— Если они тебя поймают, то вряд ли поверят твоим речам, зато через тебя Олега точно разговорить сумеют, если в себя ещё придёт... И всё равно вас потом просто так не отпустят. Ну а если не придёт в сознание... Ты точно не в курсе, где твой батя хранит документы?

— Саха, да если б я знал, то давно бы уже всё отдал этим козлам. Но если их не было ни в одной из наших банковских ячеек, то, как знать, хранятся они где-то в другом месте, или же их Рыков успел прибрать к рукам. Тогда живой я им точно не нужен.

— Если бы документы были у них, отца в живых точно бы не оставили. Так что и тебя пока так просто не уберут, ты им ещё для шантажа годишься. Возможно в том местечке Олег их и припрятал. Ты точно знаешь, где оно находится?

— Однажды он нас возил туда вместе с матерью. Это был наш единственный совместный отдых, перед тем как её не стало... — последние слова Азиз произнёс слегка тише и далее уже уверенно продолжил, — только меня это всё порядком напрягает, последний раз вообще пришлось под психа косить... Не по мне все эти кошки-мышки, Саха, я бы лучше встретился с проблемой лицом к лицу.

— Послушай, — крепыш вновь обратился к Азизу, — я знаю, что ты бы хотел решить этот вопрос как можно скорее и ты совсем не из тех, кто в таких ситуациях прячет голову в песок. Но ты об отце подумай, он же не переживёт, если с тобой что-то случится! Хотя бы ради него езжай туда, да потеряйся ненадолго, не прыгай выше головы, прошу тебя. А твоя голова пока всё ещё — Олег. Мы же с ним, считай, что вместе тебя растили, и я тоже переживаю. Недалеко от моей малой родины у меня очень хороший внедорожник припрятан как раз на всякий пожарный, сейчас отправлю тебе координаты. Эту машину никто из Рыковских точно не знает, и на ней вы без проблем хоть куда доберётесь.

Да они рехнулись!

— Эй, я если что не при делах и никуда ехать не собираюсь! — снова вторглась в их душещипательную беседу.

— Кто эта девушка, Аз? — крепыш уже более подробно рассматривал меня, явно с интересом.

— Снял по дороге, — Азиз быстро взглянул на меня, заговорщически подмигнув. — Не удержался — давно в бегах, сам понимаешь, уже прижимает...

Не успела я возмутиться такому раскладу, как в комнату вошёл нахмуренный клубный охранник с предостережением:

— Шухер, пацаны. Парни Рыкова снова здесь.

— Так, шум не поднимаем, на конфликт не идём, на перестрелку не нарываемся, пусть делают что хотят, — крепыш стал сухо давать указания, — ну а мы делаем вид, что всё как всегда, а Азиза здесь и в помине не было. Баха, дай ему маску клиента, а девчонке шмотки наших танцовщиц.

— Что?! — опешив от услышанного, чуть ли не проорала я.

Моё непонимание, раздувшись до критических пределов, лопнуло, и я снова начала фонтанировать вопросами.

— Да что вообще происходит такое?! Зачем мне шмотки танцовщиц? Вы что хотите, чтобы я тут работала, что ли?! — кричала я вслед уходящему суровому дядьке.

— Тише, сестричка, — приобнял меня мой пациент, пытаясь успокоить, — помнишь, что я тебе говорил? Жить хочешь — тогда рот на замок и делай, что говорю.

В комнату вошёл охранник, которого крепыш называл Бахой, и оставил на мягком пуфике у входа какие-то блестящие куски ткани, полупрозрачные туфли на высоченном каблуке и венецианскую карнавальную маску.

— Шустрей, они уже на цокольный спускаются. Если что не так пойдёт, я буду неподалёку стоять, — Баха прикрыл за собой дверь, и Азиз тут же изменился в лице. Он стал таким серьёзным, будто готовился делать операцию, от которой зависела чья-то жизнь.

— Быстро переодевайся и танцуй так, словно хочешь меня соблазнить. Когда войдут подозрительные люди, не обращай на них внимания, продолжай молча двигаться. Чем лучше будешь это делать, тем больше шансов, что сегодня уйдём отсюда живыми. Всё поняла?

— Д-да... — Сильная дрожь вновь окутала всё моё тело, и я так быстро, как только могла начала снимать с себя одежду, со стеснением представляя, насколько вызывающе буду

выглядеть в этих двух нереально маленьких блестящих тряпочках.

— Скорее, Лина, — поторопил меня Аз, когда я осталась в одном нижнем белье, но руки совсем перестали меня слушаться и проклятый лифчик, зацепившись, никак не хотел раскрываться. Пока я мучилась с замком, пациент наскоро запихал мою юбку с толстовкой в свой рюкзак.

— Ну что ты там копаешься? Расслабься, я уже видел тебя полуголой.

— Закрой глаза! — чуть ли не визжа попросила я, чтобы хоть немного разрядить для себя обстановку.

Аз выполнил просьбу, но легче мне от этого нисколько не стало. Трясущимися руками быстро нацепила лежавшее рядом «карнавальные бикини», и моё сердце пропустило удар — я ощутила дежавю, так как двери в соседних комнатах снова стали громко распахиваться.

— Лина, живей, — вновь поторопил меня этот подлец, с ухмылкой закидывая в рюкзак моё нижнее бельё.

Адреналин опьянил меня и, понимая, что медлить ни в коем случае нельзя, разувшись, не без мстительного удовольствия зашвырнула в Азиза ботинками.

Торопливо нацепив вульгарную и крайне неудобную обувь, на удивление ловко запрыгнула на небольшое возвышение. И прямо перед пациентом номер восемь, что сидел как ни в чём не бывало передо мной на диване, я сделала пару пробных движений, стараясь игнорировать едва сдерживаемую довольную улыбку Азиза, что выглядывала из-под чёрной венецианской маски, скрывающей лишь половину его лица.

— Я же просила не смотреть, — чуть ли не прорычала я.

— Разве сюда приходят посидеть с закрытыми глазами? Всё должно быть естественно, сестричка. Тем более что как я ни старался, так и не смог больше этого сделать, больно уж ты красивая.

Его слова смутили меня ещё сильнее. Вот уж не думала, что когда-нибудь окажусь в такой постыдной ситуации!

Скованная под пристальным взглядом Азиза, что бесстыже разглядывал меня сквозь эту дурацкую маску, которая отчего-то очень шла этому психу, я смущённо замерла. В это же самое время дверь нашей приват-комнаты резко запахнулась. Вздрогнув, я вспомнила предостережения Аза, и тут же, не разворачиваясь, начала плавно двигаться в такт музыке.

Я не знала, сколько было позади меня людей, и куда они все смотрели, но шестое чувство трезвонило мне, что если я не смогу сейчас нормально сыграть женщину лёгкого поведения, то всё пропало.

Перебирая в голове все те немногие, что я успела посмотреть после своего совершеннолетия, взрослые фильмы, где показывали подобные танцы, я начала более активно двигать бёдрами, слегка приседая и периодически наклоняясь вперёд — благо растяжка у меня была хорошая, и выглядеть это должно было эффектно.

Игнорируя тревожные мысли о том, насколько опасно и не менее абсурдно было всё происходящее сейчас, моё тело продолжало воспроизводить разные неподобающие движения в танце, пока стыд не стал брать надо мной верх. С трудом поборов смущение, подняла взгляд на своего пациента, чтобы убедиться, что всё идёт как надо.

Азиз сидел, ещё больше развалившись на диване, и с нескрываемым желанием покусывал свою нижнюю губу. Я не поняла, было ли это атрибутом игры для зрителей позади или он и правда так заинтересовался моим танцем, но мне это было сейчас не так важно. Я очень устала и чувствовала себя буквально изнасилованной.

Больше всего на свете я хотела, чтобы всё это поскорее закончилось. А этот мерзавец вёл себя так расслабленно, будто ничего особенного не происходит!

Слишком уж хорошая стрессоустойчивость у него для пациента нашего-то диспансера. Видимо, действительно залётный и правда только косил под психа, или же бандитские погони и распутный образ жизни — привычное для него дело.

Я на мгновение сделала мученическое выражение лица, адресованное Азизу, что он должен был сразу всё понять.

— Можешь расслабиться уже, — донёсся слегка хриловатый голос моего пациента. — Они только заглянули и сразу же ушли.

Я резко обернулась и, убедившись, что в комнате действительно были только мы вдвоём, в праведном гневе накинулась с кулаками на этого ухмыляющегося негодяя.

— Значит давно уже ушли! Ах ты гад такой! — Я колотила его по всем частям тела, по которым только могла достать, а он, смеясь, ловко уворачивался, ставя блоки от моих ударов.

Слив таким образом добрую порцию скопившегося от последних событий негатива, я совсем выдохлась и неожиданно для самой себя заплакала.

— Сестричка, ты чего? — Мой пациент, переменившись в лице, предпринял попытку успокоить меня: — Всё хорошо, ты справилась на отлично. Эти бандиты ничего даже не заподозрили — ты будто создана для таких танцев!

Этот сомнительного содержания комплимент отчего-то развеселил меня и, вытерев слёзы, я взяла себя в руки.

Вот уж не хватало ещё непонятно перед кем да в такой ситуации совсем расклеиться. Мне нужно держаться огурцом, пока всё это не закончится.

Ну, ничего, мерзавец, я найду безопасный для себя способ выхода из этой задницы, в которую ты меня затащил.

В комнату, с большим пакетом в руках, вошёл Баха, и сказал, чтобы мы как можно скорее сваливали из этого района, пока они отвлекают преследователей лучшими местными танцовщицами. Затем передал Азу свёрток вещей, поверх которых лежали плотно скрученные пачки с купюрами и какие-то ключи от машины, по всей вероятности, от упомянутого крепьшом внедорожника. Перед тем как удалиться, выудив из пакета трикотажное ярко-красное платье, охранник молча всучил его мне.

— Оно очень короткое, я такие не ношу, — обратилась я к Азизу, — верни мне, пожалуйста, мои вещи.

— Тебя в них уже видели. Если не хочешь быть лёгкой мишенью для тех, кто нас разыскивает, лучше сменить экипировку.

Это прозвучало довольно убедительно, и не став спорить, решила последовать совету.

После только что пережитого опыта, я, должно быть, окончательно растеряла последние остатки стеснения и, забрав своё нижнее бельё обратно, начала переодеваться прямо перед мерзавцем.

В этот раз он на удивление не стал пялиться, и сам, сменил свой спортивный костюм на светлые джинсы и широкую бордово-клетчатую рубашку поверх простой белой футболки.

В комплекте с моими чёрными ботинками одолженная Бахой одежда смотрелась на мне как на эпатажной блогерше местного разлива. Для полной завершённости этого дерзкого образа не хватало только подвести губы красным или сделать «смоуки айз».

— У тебя телефон есть? — обратилась я к Азизу, когда, отъехав от клуба на безопасное расстояние, мы с ним вышли из машины, чтобы немного подышать и решить что делать дальше.

— Есть, но только для неотложных случаев.

— Одолжи? Мне надо позвонить родным.

Хоть время было ещё предрассветное, но если Фёдор Михайлович правда вызвал полицию, то они должны были уже оповестить мою семью о том, что я пропала прямо с рабочего места.

— Это не неотложный случай.

— Но они наверняка себе места не находят... Я просто быстренько им сообщу, что со мной всё хорошо, чтобы не беспокоились.

Нахмурившись, Аз выудил простенький телефончик из своего рюкзака и, прежде чем передать его мне, что-то внимательно просмотрел в нём, будто запоминая.

— Давай только быстро, нам пора ехать.

Набрала по памяти наш домашний городской номер и залипла на противно долго тянущиеся гудки.

— Слушаю? — из динамика донёлся взволнованный голос моей старшей сестры.

— Алён, это я.

— Лина! Что произошло?! Ты в порядке? Где ты вообще?! — посыпались на меня вопросы не на шутку встревоженной сестры.

— Всё в порядке! Не переживай, я просто взяла небольшой отпуск на работе...

— Что ты такое говоришь? К нам полиция недавно приезжала, сказали, что у вас там было настоящее нападение, после чего пропал один пациент и ты!

— Никуда я не пропала, просто перенервничала и уехала, никого не предупредив... Всё хорошо, правда! Да, там был какой-то переполох, я, конечно, немного испугалась и теперь мне просто надо немного отдохнуть от стресса, я вот даже думаю съездить куда-нибудь ненадолго... — Я совсем не умела врать, и мой голос выдавал нотки фальши. Хоть ехать с этим психом я никуда не собиралась, но точно понимала, что к семье пока тоже никак нельзя.

— Слушай, ты так говоришь, будто заложница! Куда ты так срочно собралась ехать? Да кто вообще себе отпуск среди ночи берёт?! Давай к нам дуй скорее. Родители тут на корвалоле сидят!

Мой пациент с суровым видом постучал пальцем по своим наручным часам, и я поняла, что если сейчас сама не закончу разговор, то он сделает это за меня.

— Алёна, послушай меня. Ты же умничка, да? Я вот в тебе не сомневаюсь, что поймёшь меня и поможешь. Я пока домой не могу, так надо. Ты уж успокой как-нибудь маму с папой, я на тебя рассчитываю. Ну ладно, пока. Мне пора!

— Лин, ты точно в безопасности? Мне на этот номер тебе звонить? Мы если что подали в розыск, ты... — отдаляющийся уже откровенно испуганный голос сестры оборвался, когда Аз, забрав у меня телефон, бесцеремонно растоптал его своей ногой.

— Всё поехали.

— Зачем ты это сделал? — с большим удивлением спросила я, предполагая, что у него, наконец, сдали нервы.

— Чтобы те, кто, скорее всего, сейчас прослушивали твой разговор, не смогли отследить наше с тобой дальнейшее перемещение.

— Наше?! Э, нет. Я с тобой больше никуда не поеду! — Прекрасно понимая, что другого выхода у меня, скорее всего, нет, я протестовала как маленькая, так как не могла просто взять и смириться с тем, что мне прямо сейчас вместе с моим пациентом вновь придётся отправиться непонятно куда.

— Твоё право. Счастливо оставаться, — ответил Азиз и на полном серьёзе собрался сесть за руль моей машины.

— Вот это наглёж! — громко возмутилась, и схватила его за край рубашки, пытаюсь оттащить назад.

А эта неподъёмная скала взяла и, развернувшись, без особых усилий перетянула центр тяжести на себя так, что я тут же впечталась в крепкую мужскую грудь.

— Мм, какая же ты нежная и мягкая, — поделился наглец впечатлениями, бесцеремонно прижав меня к себе.

— Отстань! — Мне и самой на удивление были приятны его объятия, но я, как можно скорее выпутавшись из его крепких ручищ, проворно заскочила на водительское сиденье.

— За руль хочешь? — следом на заднее пассажирское залетел Аз. — Так бы сразу и сказала. Ехать то знаешь куда?

— Уж найду дорогу к своей собственной квартире. А ты вымётывайся из моей тачки!

— Да без проблем, найду попутку. Куда я направляюсь, ты не знаешь, поэтому, не смею больше задерживать, тебя ведь дома гости ждут.

— Какие ещё гости? Это ты на своих друзей намекаешь?

— Бандиты мне не друзья. Но с такой красоткой как ты они точно захотят поближе познакомиться.

От его слов по моему телу пробежал неприятный холодок. А Азиз отчего-то

нахмурился, будто ему самому была неприятна такая перспектива.

Моя уверенность вмиг улетучилась, и сомнения вновь обуяли меня. Нервно ковыряя ногтем резиновое покрытие руля, я развернулась и посмотрела на своего пациента.

— Что-то ты не торопишься попутку ловить, боишься сесть не в ту машину? — с лёгким ехидством спросила я.

— Я ничего не боюсь, Лина. Но если ты всё же подкинешь меня до ТОЙ машины, буду очень благодарен.

— А как ты узнаешь, где она, если твой телефон безжалостно растоптан? — Совсем не представляя, как мне поступить дальше, я тянула время, продолжая задавать вопросы, которые первыми приходили мне в голову.

— Перед тем как дать его тебе, я успел посмотреть координаты и запомнил месторасположение.

Бесконечно долгая минута размышлений. И я решаю, что лучше мне постараться сдать этого гада, до того как он укатит очень далеко. Ведь если меня и правда потом найдут бандиты, то могут и не поверить, что я не знаю где он.

— Так уж и быть, довезу тебя до твоей тачки, и разъедемся каждый в свою сторону.

— Идёт.

Поглядывая в зеркало заднего вида, в надежде уловить хоть какой-то намёк на то, что нас снова преследуют, я старалась вести машину как можно медленней, но так, чтобы мой пациент ничего не заподозрил. Пару раз он просился за руль, но я решительно отказывала, напоминая Азизу о нашем уговоре.

Я не ожидала, что придётся ехать за границы соседнего города, да ещё и всевозможными окольными путями. И, объезжая разные деревни и посёлки, с моей скоростью мы так протащились весь день, а наши скромные запасы воды практически закончились.

К тому же есть хотелось неимоверно, и когда стало смеркаться, я предложила Азизу заехать куда-нибудь перекусить.

— Сестричка, ты бы потерпела ещё немного, мне бы пересесть на другую машину, а дальше можешь делать всё, что тебе захочется.

— Но я очень хочу есть. Я последний раз ела почти что двое суток назад... И хватит меня называть сестричкой, меня это дико бесит!

— Я тоже голоден, но надо же уметь хоть немного контролировать своего внутреннего зверя.

— Контролируй сам кого хочешь, только меня не получится! Я остановлюсь у ближайшей забегаловки, и мы что-нибудь поедим, — взглянула на этого самодовольного мерзавца, чтобы оценить его реакцию на моё решение.

— Ты вроде говорила, что забыла прихватить свою сумочку. Как рассчитываться собираешься?

— А ты разве не оплатишь даме ужин? — вконец обалдела я от его наглости.

— Для такой дамы я целый ресторан куплю, только довези меня поскорее до места назначения, прошу.

Я не знала, чего бы ещё придумать, чтобы повод для остановки был достаточно убедительным.

— Мне надо в туалет, — соврала я, ведь по этой причине мы уже недавно останавливались.

— Что, опять? Потерпи, тут немного уже осталось.

— Не могу больше терпеть, вот опишусь прямо сейчас!

— Машина то твоя, делай тут что хочешь.

От злости я едва не зарычала. И почти сразу же на глаза снова навернулись слёзы бессилия.

— Да ладно тебе, Лина, я же пошутил, — смягчившись, начал Азиз, — я вообще-то итак виноватым себя чувствую, что втянул тебя в такое. Я обещаю, что когда всё закончится, найду способ возместить тебе весь моральный ущерб, — говорил он очень серьёзно, а для меня это звучало как очередная насмешка. — Смотри, вон впереди какая-то дорожная кафешка. Ну что насупилась? Тормози давай, так уж и быть, поужинаем.

Внутри всё выглядело убого. Обшарпанные стены говорили сами за себя, и что-то кушать здесь, скорее всего, было ещё более опасно, чем продолжить голодать.

— Ты уверена, что хочешь здесь что-то заказывать? — Азиз будто прочитал мои мысли.

— Давай хотя бы меню посмотрим, — я протиснулась за ближайший столик поближе к

окну, а пациент смиренно сел рядом, брезгливо раскрыв заляпанную чем-то жирным книгу со списком местных блюд.

Выбор был невелик, и мы остановились на большой порции картошки фри. Остальное содержало в составе либо какие-то соусы на сметане, либо колбасно-сырные изделия, а всё это, как известно, быстро портится, и мы не стали рисковать.

Азиз сделал заказ, и сразу же оплатив его, сообщил, что отлучится ненадолго в туалет. А я, в ожидании минеральной воды и хрустящих картофельных брусочков, бесцеремонно упёршись лбом о стекло окна, стала разглядывать проезжающие мимо машины, что светом фар редко рассекали уже темнеющую дорогу.

Мои глаза уловили на улице ещё какое-то резкое свечение, и я с тревогой обнаружила, что вокруг моей «тойоты», светя фонариком, ходит полицейский.

Меня тут же прошило двоякое чувство: мне и хотелось бежать к этому человеку, чтобы просить о помощи и одновременно спрятаться от него куда подальше, ведь если полиция вернёт меня домой к родителям, то бандиты действительно потом могут выследить меня. Я не знала, с кем связалась, и мне совсем не хотелось навлекать беду на своих родных... Лучше постараться как-то договориться с преследователями отдельно.

Интуиция подсказывала мне, что стоит поторопиться, и я незамедлительно встала и пошла в сторону уборной.

Встретившись с Азом в коридорчике, отделяющим основное помещение от подсобного, я торопливо поведала ему последние новости.

— Молодец, что ментам не показалась, среди них есть продажные. Если на такого нарваться, тебя бы точно домой не повезли.

Вот же... Значит у меня всё-таки был шанс прямо сейчас сдать этого мерзавца и, наконец, выпутаться из всей этой истории.

— Слушай, по твоим словам, так мне вообще теперь жизни не дадут, пока тебя не разыщут...

— Так и есть. Поэтому и предлагаю тебе поехать со мной, на то время пока мои люди не решат проблему.

— Поехать с тобой куда?

— К Каспию.

— Что? Аж к Каспийскому морю?!

— Ну, вообще-то это озеро, просто самое большое в мире.

Озеро не озеро... Хотела же отпуск? Бойся своих желаний, Ангелина!

— Ехать-то всего сутки, если вести нормально, а не черепашить, как ты. Сейчас бы найти тот внедорожник, и тогда без проблем доберёмся до надёжного укрытия.

— Всего?! У нас ведь даже воды с собой больше нет...

— Чего у нас точно нет, так это времени на нытьё. — Мы подошли к небольшому распахнутому окну, расположенному почти под самым потолком.

Если я прямо сейчас развернусь и пойду обратно к своей машине, Азиз вряд ли станет меня останавливать. Но вот что я этим решу? Негодяй побежит дальше и в итоге укатит в далёкие дали, и ни полиция, ни бандиты его потом не найдут, а спрашивать будут с меня...

А если приму его предложение, то, получается, мне придётся и днём и ночью находиться рядом с малознакомым человеком. И сколько его банда будет решать эту проблему? Около месяца притворяться под прикрытием сестры, что я в отпуске ещё правдоподобно, а если всё это затянется на более длительное время? Нет. Надо что-то

решать с этим психом. Ну не могу я допустить, чтобы из-за него мои родители посидели раньше времени.

Получается, что у меня снова нет выбора, как только подвигаться с ним ещё какое-то время, в надежде, что гада всё же удастся как-то сдать.

— Я тебя сейчас подсажу, сможешь подтянуться? — Аз кивнул головой в сторону единственного здесь выхода наружу.

«Потерпи, Лина, представь, что тебе просто снится кошмар, а ты скоро проснёшься, и всё это закончится», — мысленно утешала я себя, стараясь нормализовать дыхание, что снова участилось от тревожного осознания предстоящего.

— Не знаю, сейчас попробую. — Стоило мне довериться сильным рукам моего пациента, как он с лёгкостью приподнял меня и аккуратно подтолкнул к узкой оконной раме.

Благо здесь кроме нас сейчас больше никого не было, так как картина рисовалась смехотворная. Парень и девушка на ровном месте устроили «побег из курятника».

Расстояние до земли было не слишком большое, но приземление всё же оказалось достаточно жёстким, и, оказавшись на улице, похвалила себя за то, что впервые купила себе весеннюю обувь без каблука.

Следом за мной прыгнул Азиз, ему чтобы выбраться пришлось полностью распахнуть обе оконные створки.

Я осторожно выглянула из-за угла здания. Полицейского больше нигде не было видно, если он и правда искал меня, то должно быть сейчас зашёл в помещение.

Аз двинулся в противоположную от меня сторону, и я замахала ему рукой, показывая, что сейчас самое время быстро забрать мою машину.

— Ты же понимаешь, что теперь твою тачку придётся оставить? — Он быстрым шагом подошёл ко мне и, взяв за руку, потянул за собой. — Всё будет хорошо, пошли.

Его крепкая горячая ладонь мягко сжала мою, и, даже не предполагая сколько нам с ним вот так придётся пробираться сквозь заросли кустарников и по бездорожью, уже будучи абсолютно измотанными, без воды, еды и сна — я безропотно последовала за Азизом.

Хоть мои руки всё ещё продолжали немного трястись от пережитого за последние сутки, своим безобидным прикосновением, мой ещё вчерашний пациент, по какой-то необъяснимой причине, сумел вызвать во мне чувство некоего глубинного спокойствия и даже уверенности к неизвестности. Что было очень странно для меня, как для человека, который, чуть выходя из своей зоны комфорта, всегда очень глубоко и болезненно это переживает.

А в юности вообще, если что-то шло не по плану, или я понимала, что не могу контролировать ситуацию, то нередко даже ловила панические атаки. Может, ещё поэтому я без лишних раздумий устроилась в такое место, в котором не каждая медсестра отважится работать — чтобы помогать людям с подобными проблемами.

Но в этот раз ситуация оказалась настолько необычной и опасной, что, видимо, всё моё существо просто собралось, чтобы выжить.

— Мы что к морю пешком идти собрались? — Спустя полчаса быстрого шага, я совсем выдохлась и села на поваленное дерево, чтобы немного отдохнуть.

— Сестричка, тут до нужного места всего ничего осталось, сядем в новую тачку, а там уже сможешь отдохнуть и даже поспать.

— Это очень даже радует, но я правда уже не могу идти. — Сняв ботинки, я разминала

свои затёкшие ступни. — А в ней есть вода?

— Если только в системе охлаждения двигателя, — усмехнулся Аз. — И то вряд ли, машины сейчас почти все на антифризах. Хотя Саха может и припас чего, раз прятал внедорожник на всякий пожарный.

— И, кажется, я просила тебя не называть меня сестричкой, я Лина! — слегка повысив голос, вновь постаралась вернуть здоровую субординацию.

Уже порядком стемнело, и сквозь густые ветви деревьев небо казалось ещё более тёмным. С той стороны, с которой мы пришли, появился уже знакомый мне свет фонарика, и моё сердце вновь застучало быстрее.

Наскоро застегнула ботинки, готовая в случае чего бежать в сторону полиции. Но Азиз, молча взяв меня за руку, двинулся так тихо и быстро как только мог, а я поспевая за ним, старалась подловить подходящий момент, для того чтобы обмануть негодяя.

Делая вид, что стараюсь не шуметь, широко шагала, ступая по пушистому зелёному ковру недавно проклюнувшейся травы как дикая кошка, тем самым пытаюсь максимально затормозить Аза. Меняхватило ненадолго, и, не заметив выступающий корень, запнулась, чуть ли не клюнув носом в само дерево.

Кажется, я всё-таки нашумела, так как позади нас началась настоящая погоня, залаяли собаки...

«Это полиция за мной одной так гонится? Что-то и правда не верится... Значит это именно продажные», — рассуждала я про себя, в то время как моя решимость добровольно сдаться в руки преследователей стремительно таяла.

А что, если со мной никто не станет уважительно обращаться, даже учитывая, что я пошла на сотрудничество? Там сейчас явно было больше одного человека, и коли это именно бандиты в погонах, то кто им в густом тёмном лесу помешает устроить допрос с пристрастием, особенно, если моему пациенту всё же удастся удрать?

От этих мыслей мне стало совсем не по себе. Наверняка это отразилось на моём лице, или же я просто слишком подозрительно замедлилась, так как Азиз, без спросу подхватив меня на руки, при этом выдавив из меня глухое удивлённое «ох», стал двигаться ещё быстрее.

— До машины всего ничего, — выдыхая почти на каждом слове, чтобы не сбить ритм дыхания, Аз наставлял меня по поводу дальнейших действий, — как поставлю тебя на землю, сразу дам тебе пистолет. Если я ещё не успею завести тачку, а силуэты станут отчётливо мелькать сквозь деревья, сделай один выстрел в воздух и ложись. Это должно их ненадолго остановить. Всё поняла?

— Что?! Я не буду!

— Лина, нам лучше оторваться от них по-хорошему. Я за себя не переживаю, я им пока что живой нужен, а вот с тобой могут сделать всё что угодно...

Боже, неужели всё действительно настолько серьёзно?!

— Ладно-ладно, я поняла! Только я стрелять не умею!

— Я всё сделаю, тебе просто надо будет нажать на курок в случае необходимости.

Впереди был небольшой ров, и Аз, крепче прижав меня к себе, ловко перепрыгнул его.

Я чуть ли не впиалась ногтями в крепкую и слегка вспотевшую от бега шею Азиза, при виде теперь уже внушительных размеров обрыва, к которому мы стремительно приближались.

— Ну что готова? — на ходу спросил Аз.

«Нет!» — хотелось проорать во всё горло.

Но мой пациент прыгать в этот раз не собирался. Спустив меня на землю прямо у самого склона, он быстро достал из рюкзака пистолет и, зарядив его, аккуратно вложил в мою руку.

От дикого гормонального коктейля, что взбудоражил сейчас всё моё существо, у меня закружилась голова.

— Лина, соберись, я в тебя верю! — чуть встряхнув меня за плечи, подбодрил Азиз. — Держишь ровно, направляешь от себя, палец на курок, только если я дам сигнал или увидишь, что нас догоняют, — не смотря на спешку, довольно спокойно и размеренно проинструктировал меня он и поспешил прямо вниз по пригорку.

Трясущимися руками с трудом выставила перед собой от силы полкилограмма опасного металла, а по ощущениям тяжеленую гирю — так мне было страшно держать в руках пистолет!

Мой до смерти напуганный мозг очень быстро обрабатывал информацию, и время, казалось, совсем остановилось.

Мне казалось, что кто-то вот-вот выбежит из-за деревьев — мой взгляд бешено метался то в одну сторону, то в другую, но так и не выцеплял никого из темноты.

Фонарей тоже больше не было видно, только лай собак едва улавливался где-то вдалеке. Должно быть, мы неплохо оторвались — Аз и с пятьюдесятью килограммами дополнительного веса бегают очень быстро.

Рядом послышался какой-то шорох и, взвизгнув, я чуть ли не пальнула из пушки — мой палец уже был на курке, но Азиз вовремя обхватив меня сзади, ловко отобрал у меня пистолет.

— Тише, Лина. Это я. Пошли скорее, — взял меня за руку, помогая спуститься вниз. Он был уже без верхней рубашки, а его белая футболка была вся измазана чёрным, и руки у него тоже были все в грязи.

Спустившись, я увидела уже заведённый джип-внедорожник с огромными колесами-вездеходами, а возле него валялось полотно цвета хаки и гора всяких грязных сучьев, которые Аз, по всей видимости, и откидывал, чтобы откопать спрятанную здесь машину.

— Запрыгивай, — мой пациент открыл передо мной дверцу и помог забраться на переднее сиденье автомобиля, сам заняв водительское место. Не включая свет фар, осторожно надавил на педаль газа, и внедорожник медленно тронулся, без труда взобравшись на ближайший пригорок.

Выехав на ровную поверхность, Азиз увеличил скорость, объезжая едва различимые в темноте деревья.

Я судорожно оглядывалась, всё ещё переживая за то, что нас могут нагнать. Только спустя минут двадцать дороги, я немного успокоилась и позволила себе ровно сесть на сиденье, закрыв глаза от усталости.

Тёплые полоски заглянувшего в окно машины солнца яркими всплесками легли на мои закрытые веки. С трудом разлепив глаза, я поняла, что не заметила, как вчера уснула в дороге. Было уже утро, а по тому, что солнце светило очень высоко, можно было сказать, что даже и полдень. Неужели я столько проспала?

Повернув голову к Азизу, что одной рукой лишь слегка придерживал руль, при этом внимательно следя за дорогой, я обнаружила, что моя шея очень сильно затекла — по всей видимости, я действительно пробыла в одном положении очень долго.

— Проснулась, спящая красавица? — Он тоже повернулся ко мне и устало улыбнулся.

Наверное, мой пациент ехал всё это время без остановки и отдыха, и должно быть очень утомился.

— Сколько времени? — Забыв, что нахожусь совсем в другой машине, я покрутилась в поисках украденной на той автозаправке воды.

— Жизнь без гаджетов трудна, но увлекательна, — задумчиво проговорил Азиз и, взглянув на свои наручные часы, ответил мне, подтвердив мои догадки относительно времени.

Однажды, он мне рассказывал, про то, как отправился в дальний поход без каких-либо электронных помощников, и это действительно звучало захватывающе.

Нужно иметь большую смелость и уверенность в себе, чтобы решиться на такое, или же просто быть отморозком. Второе я ещё пока окончательно не исключила.

— Мы можем остановиться где-нибудь? Пить очень хочется.

— Вряд ли в этом есть смысл, — отозвался Аз, слегка зевая. — Мы уже давно съехали с главной дороги, и здесь по пути ничего подходящего уже не встретится. До места назначения осталось не так много времени, так что придётся потерпеть.

Машина дёрнулась, и, учитывая размеры шин, казалось, что мы наехали на какую-то довольно внушительных размеров кочку. Азиз тут же повернул руль вправо, остановив внедорожник на обочине.

Мы действительно были в какой-то глуши, вокруг виднелись лишь заросли кустарников и разрозненные лесные участки. Позади нас на простой землистой дороге я не увидела ничего примечательного, что могло бы так сильно потряхнуть этого железного монстра.

— Слушай, тебе бы тоже не помешало вздремнуть.

Аз растирал затёкшие от долгой дороги пальцы и хмуро смотрел вперёд себя.

— А ты сможешь сесть за руль? — Бегло взглянув на меня, оценил моё состояние, видимо, не доверяя моим рукам, что ещё не так давно дрожали, словно осиновый лист на ветру.

— Если объяснишь куда ехать, то без проблем.

Азиз сказал двигаться прямо до главной развилки, что должна была быть не раньше чем через триста километров, и если он тогда ещё не проснётся, то разбудить его, так как дальше придётся петлять по бездорожью, выискивая возможность проехать к нужному месту.

Справив нужду по очереди в кустах неподалёку, мы поменялись местами. Едва я завела машину, как Аз практически сразу же отрубился от усталости, весьма мило засопев.

Мне снова всё показалось нереальным. Будто я до сих пор пребывала во сне — вот я преспокойно работаю обычной медсестрой в районной больнице, а вот уже еду на

крутейшем внедорожнике по лесостепи непонятно где... Справа от меня спит не то псих не то отпрыск мафиози. И нас разыскивает вроде как полиция, но скорее всего бандиты в их обличье. Всё перевернулось с ног на голову, и я совсем не знала, что мне делать дальше.

Больше всего, конечно, я переживала за своих родителей. Мне было страшно представить, что в это же самое время творится у них в голове... Смогла ли Алёна понять меня правильно и придумать что-то убедительное, чтобы мама с папой ей поверили и хоть немного успокоились, или она вместе с ними сейчас хлещет успокоительные в надежде сомкнуть глаза хотя бы этой ночью?

Не на шутку расстроившись ото всех этих мыслей, я сначала было хотела развернуться и поехать обратно, по пути скинув этого спящего мерзавца где-нибудь на обочине, но что-то не дало мне это сделать.

А потом резко пришло чёткое понимание, что так я могу наломать ещё больше дров. Ведь если за Азизом открыта такая охота, то, значит, он действительно не так прост, а может и ещё опасней. Наверное, лучше мне его не обижать. А то потом и правда до конца своих дней придётся где-то скрываться...

В голове продолжали роиться разные мысли, а дорога тем временем становилась всё более неровной, и, вынужденно сбавив скорость, я так проплелась ещё несколько часов, когда увидела описанную Азом развилку. Он всё ещё не просыпался, и, повернув в нужном направлении, я съехала с проезжей части и на всякий случай остановила внедорожник как можно дальше от дороги.

Солнце уже садилось и, заглушив двигатель, я прикрыла глаза, чтобы немного отдохнуть. В голове ярко всплыла картинка аппетитно поджаренного картофеля фри, вынужденно оставленного в той дорожной забегаловке. От голода и жажды меня уже слегка подташнивало. Напряжение и усталость тоже давали о себе знать.

Просидев в тишине минут пятнадцать и чуть не уснув, я потёрла глаза, размазав остатки двухдневного макияжа, что оставил на руках чёрные разводы туши.

Попыталась разбудить Азиза, слегка потрепав его за плечо — он не реагировал. Я позвала его несколько раз по имени — снова ноль реакции. Видно шла глубокая фаза сна, и я решила дать моему пациенту ещё немного поспать.

Вышла из машины, вдохнув полной грудью невероятно свежий вечерний воздух.

Прожив практически всю свою жизнь в большом городе, мне всегда казалось, что в пригороде, куда я уехала жить и работать после выпуска из медучилища, самый чистый воздух, а, оказалось, что бывает ещё более приятного качества.

Небо было как живое: ветер разгонял облачные обрывки, сквозь которые, поблёскивая, словно подмигивая мне, мелькали звёзды. И вся окружающая меня природа, казалось, одним своим видом восполняла мои истощённые энергетические запасы. Засмотрелась вдаль, утопая в мыслях о том, как же непредсказуема бывает жизнь и её повороты.

Во рту совсем пересохло от жажды. Я не знала, есть ли в этой местности хоть какой-нибудь водоём, но не рискнула отправиться на его поиски одной, и заглянула в салон, чтобы проверить, не проснулся ли мой пациент.

Азиз всё ещё крепко спал, повернув голову на бок. Не смогла побороть своё природное любопытство и, воспользовавшись случаем, начала нагло рыться в его рюкзаке.

Отодвигая уже знакомые мне вещи, наткнулась на парочку небольших простых телефонов, подобных тому, что Азиз не так давно растоптал, и обнаружила паспорт с его фотографией, но на то же ненастоящее имя, что было указано в медицинской карточке

пациента номер восемь.

Куча телефонов, чтобы не отследить. Пистолет и поддельный паспорт. Кто же он такой...

Решила заглянуть ещё и в багажник. Обошла внедорожник по периметру, оценив его немалые габариты. Внутри было какое-то полотно из плотной чёрной ткани, застилающее что-то довольно объёмное внутри. Откинула подол, и покопалась внутри обнаруженного там сплошного пенопласта.

Небольшая аптечка, в которой почти ничего нет. Опять пенопласт. Так, а это что? А, ну теперь понятно, зачем здесь столько упаковки — чтобы не разбились бутылки дорогого английского скотча почти двенадцатилетней выдержки. Вот нельзя было воды лучше положить, а?

Я понимала, что это не самая хорошая идея, но я так сильно хотела пить, что мне было плевать сколько там градусов, главное что вода там тоже была. И, не позволив себе умереть от жажды, взяла одну бутылку и резво отвинтила крышку. Начала жадно глотать прозрачную жидкость, и алкоголь тут же обжёг моё горло. Я громко закашлялась.

Из машины вышел Азиз и, подойдя ко мне, спросил в порядке ли я.

Молча протянула ему бутылку скотча, и он не менее жадно приложился к её горлышку.

Затем покопался в уже разрытом мной пенопласте, достав ту небольшую сумку со средствами первой медицинской помощи. И разочарованно кинул её обратно.

— Не смотрела, в аптечке было что-то полезное?

— Стандартный набор. Спирт девяностопроцентный, так что уж лучше виски, — я протянула руку, чтобы забрать бутылку обратно. В голове итак уже всё шаталось и вертелось, но я сделала ещё несколько глотков, чтобы заглушить голод, жажду и стресс. Последний хотелось заглушить больше всего.

Редкие облака окончательно рассосались, и ярко-белые звёзды отчётливо выступили на тёмно-синем бархатном полотне.

— Красота... — Я вспомнила, как мой пациент увлечённо рассказывал мне про такие невероятно-захватывающие дух картины природы, что бывают лишь в большом отдалении от плотно-населённых городов.

— Да, невероятно красиво, — поддержал меня Аз. Подняв лицо кверху, улыбнулся, словно благодарил небо и немного покрутился так вокруг себя.

Немало наслышанная, теперь я воочию наблюдала его любовь к природе, свободе и путешествиям. Мечтатель. Искатель. Красивый такой. И почему я себя всё это время обманывала, что он мне не нравится?

Кажется, мы открыли уже вторую бутылку этого грёбаного скотча, и я сама не поняла, как проболталась Азизу, что всю жизнь мечтала о таком. А после того как услышала его рассказы, то даже фантазировала побывать в подобном путешествии, чтобы вот так вживую ощутить этот нереальный кайф от безумной свободы! Когда не знаешь, кто ты, где, и что ждёт тебя завтра. Ты просто есть. Здесь и сейчас. Ты дышишь. Ты живёшь. И любишь всё сущее за это...

— А мечты сбываются! — подвела я итог своему неожиданному для самой себя откровению и громко рассмеялась.

Судя по всему, я не хило так напилась — мне было так легко, оттого, что ничего из пережитого за эти последние двое суток теперь не воспринималось мной всерьёз.

Весенний вечер казался очень тёплым или же это нестандартная для меня обстановка

так раскалила моё восприятие. Прохладный ветер обдувал мои оголённые ноги, покрывая их мурашками.

Азиз сделал шаг мне навстречу, приблизившись настолько, что я уловила естественный аромат его кожи. Сделав последний глоток, он закинул пустую бутылку в багажник позади меня и захлопнул его крышку. Неужели мы столько выпили?

Сейчас он был так близко от меня, что, с удивлением поймав себя на резко возникшем желании прикоснуться к нему, я невольно отступила назад, уткнувшись задом в выступающий бампер машины.

— Когда я смогу вернуться домой? — задала отрезвляющий меня от чар Азиза вопрос.

— Переживаешь. Ну ещё бы, — он устало потёр переносицу. — Втянул тебя в такое... Я не хотел, Ангелина, ты меня прости за это.

— Может, расскажешь, по какой причине?

Аз так проникновенно посмотрел на меня. Его глубокие карие глаза лукаво блеснули — кажется, он не собирался мне ничего объяснять.

— Тебе лучше этого не знать.

— Меня что до конца жизни теперь преследовать будут?

— Если отвечу на твой первый вопрос, то всё может быть.

— Вот же влипла... — Я не часто пила алкоголь, а сейчас и вовсе с ним переборщила, и приходящие в голову мысли тут же неконтролируемо проговаривались вслух.

— Всё будет хорошо, Лина. Так уж вышло, что ты попала в эту ситуацию вместе со мной. Но я не дам тебя в обиду, ты только доверься мне. Ты такая красивая... Ты мне очень понравилась ещё с самого нашего знакомства, — говоря приятные моему слуху фразы, он приблизился ко мне почти вплотную.

— Мне сложно тебе верить, Азиз, я ведь тебя совсем не знаю... — Я хотела попятиться, но было уже некуда.

Кажется, он больше не слышал меня, в его глазах мелькнули отблески какого-то дикого внутреннего огня, что изрядно напугали меня.

Что если он и вправду псих? А мы тут совсем одни... Тогда кого мне следовало больше бояться: тех преследователей в лесу, которым я могла рассказать всё что знаю и хотя бы уйти живой или всё же моего пациента, который может просто сейчас оказаться каким-нибудь жестоким садистом-мафиози, которому ради своего удовольствия ничего не стоит убить человека?

— Хочешь узнать меня получше? — Азиз придвинулся в упор и недвусмысленно облокотил руки о выступ багажника по обе стороны от меня.

Я растерянно отвела взгляд, повернув голову слегка в сторону, и его горячее дыхание тут же обдало обнажившуюся его взору кожу моей шеи. Вздвогнув от неожиданности, я испытала невероятно приятное волнующее чувство, охватившее меня с ног до головы, и замерла, не в силах пошевелиться. Аз лишь слегка прикоснулся губами к нежной области возле уха, как внутри меня словно вспыхнуло пламя, в котором тут же сторели все мои страхи.

Не было даже мыслей, лишь чувство того, как горячая волна энергии, поднимаясь, распускается во мне прекрасным цветком с ароматом невероятно сильного желания. От его прикосновений я опьянела ещё сильнее, а его запах добавлял дурману моей голове.

— Аз, не надо... — С огромным внутренним усилием я всё же выставила перед собой руки, стараясь отодвинуть горячее мускулистое тело, что не поддавалось ни на миллиметр.

— Я хочу тебя, — на выдохе просто признался он, сказав довольно пошлую фразу, которая отчего-то ещё больше раззадорила меня.

Завораживающий блеск в выразительных глазах Азиза, что сейчас смотрели мне будто в самую душу, задевал какую-то очень глубинную струнку во мне, разжигая ответный огонь, распалюющий всю меня до самого основания.

Взяв мои руки, наглец уверенно развёл их в стороны, закрепив поверх своими. На этот раз я полностью упёрлась лопатками в высокий багажник позади, а Азиз очень осторожно прикоснулся губами к моим так, что всё окончательно перестало казаться мне реальностью.

Почувствовав резко сбившийся ритм моего дыхания, он без промедления подхватил меня под ягодицы, усадив себе на бёдра. Платье сильно задралось, обнажив моё нижнее бельё.

— Как же приятно держать тебя на руках, — горячо шепнул Азиз и плотнее прижал меня собой к машине. Его желание теперь отчётливо чувствовалось ещё и внизу.

Он стал целовать меня наглее, явно наслаждаясь крайне чувствительному отклику моего тела на каждое его движение. Крепче сжав меня одной рукой, вторую смело направил ниже, и только тут я поняла, что если немедленно не спрыгну, то прямо сейчас он возьмёт меня здесь.

Сползла одной ногой на землю, и резко вывернувшись в сторону, освободилась из его объятий.

— Ангелина, что не так? — В глазах Азиза отразилось непонимание, а его губы чувственно покраснели от поцелуев.

— Всё так, даже очень... — мой язык продолжал озвучивать то, что было у меня на уме. — Просто не могу я вот так с незнакомцем, да не пойми где...

— Ладно, извини меня.

— Да всё нормально. Просто не делай так больше, окей? — поспешно стягивала я как можно ниже задрвшуюся часть платья, стараясь тем самым спрятать предательскую дрожь в ногах.

— Не делать как? — Он едва заметно улыбнулся, довольный произведённым на меня эффектом.

— Ты знаешь как! — повысив голос, я позволила своим эмоциям вновь выплеснуться на него, понимая, что все мои попытки скрыть недвусмысленную реакцию своего организма на нашу близость выглядят довольно глупо.

— Вот так? — ловя момент, он снова опасно приблизился.

От безысходности я замахнулась, чтобы хлопнуть Азиза ладонью, но он, увернувшись, бодро подхватил меня на руки и слегка покружил, гася мой эмоциональный взрыв.

— Девушка, а вы, наверное, из палаты для буйных? Люблю диких кошечек.

Вот же мерзавец, ещё и издевается!

— Отпусти! — предприняв неудачную попытку слезть с его рук, отчаянно попросила гада.

Но теперь он держал меня куда крепче и, обойдя машину, одной рукой открыл дверцу.

— Ты это что серьёзно? — Я буквально разинула рот от изумления, когда он стал укладывать меня на разложенное сиденье автомобиля, забираясь следом.

Азиз явно веселился. С нескрываемым задором в глазах он смотрел на меня сверху вниз, делая вид, что предпринимает попытку за попыткой поцеловать меня.

Я понимала, что если бы он собирался сделать это по-настоящему, то уже давно бы уже прижал меня крепче, чуть больше ограничив мои и без того стеснённые его телом движения.

Но мои руки были до сих пор свободны, и, приняв игру, изворачиваясь как змея, я потянулась к валяющемуся недалеко от меня рюкзаку, который я совсем забыла закрыть после обыска.

— Думаешь только тебе можно в меня стволом упираться? — уткнула я в него на удивление просто выуженный пистолет.

— Хах! А ты мне нравишься всё больше, — совсем не испугался Азиз.

— Давай-давай, отвали! — Я сильнее вдавила металлическую трубу малогабаритного оружия в его не менее твёрдый торс, давая понять, что настроена очень серьёзно.

Шутливо охнув, Аз поднял руки вверх и послушно вылез из машины. Я вышла следом за ним, всё ещё держа его на мушке.

— Ты же вроде стрелять не умеешь? — Азиз уже откровенно смеялся.

Ох, наглец, не страшно тебе совсем? Ну, мы это сейчас исправим.

— А я быстро обучаюсь, — щёлкнула предохранителем, сняв с затвора.

Аз всего на мгновение замер, сразу же широко улыбнувшись. Казалось, он ловит настоящий кайф от происходящего.

— Ну так стреляй, — абсолютно спокойно предложил он, что в очередной раз заставило меня усомниться в его адекватности.

— Что-то я тебя совсем понять не могу... То ты бежишь от смерти, то готов прямо здесь и сейчас вот так просто взять и умереть.

— Не ищи во мне логику, Ангелина. Я сам хаос... — Он начал подходить ближе, и только сейчас я ощутила всю серьёзность ситуации. Игра зашла слишком далеко...

В голове вспыхнула опасная мысль: «А вдруг эта действительно моя единственная и последняя возможность спастись?»

Вопреки моему желанию в сознании пронеслись неприятные картины того, как я стреляю в него, а затем запрыгиваю в машину и быстро уезжаю отсюда.

От таких мыслей низ живота резко скрутило от дикого страха смешанного с каким-то ещё непонятным чувством, а Азиз всё приближался, и глаза его горели металлической уверенностью.

Я совсем не собиралась нажимать на курок, но когда Аз подошел вплотную и схватил

меня за руку, мои дрожащие от напряжения пальцы неожиданно для самой себя резко сжались. Прогремел выстрел.

Время снова замедлилось, когда я увидела, как багровеет белая футболка Азиза.

Он глухо замычал. Зажав одной рукой левый бок, второй облокотился о капот внедорожника.

Я молча открывала и закрывала рот, не в силах что-либо сказать, и даже пошевелиться. Пистолет выпал из моих трясущихся рук, которые от охватившего всё моё тело бессилья повисли словно плети.

— Кажется, аптечка всё-таки пригодится, ты не могла бы её мне подать? — слегка натужно, но не менее игриво попросил меня Азиз, своим уже неуместно шутливым настроением окончательно вогнав меня в ступор.

Я стояла и смотрела на него как полоумная, переваривая случившееся. Ну и кто ещё тут псих из нас... Чёрт, я же только что выстрелила в человека!

— Ангелина, солнышко, прошу тебя, подай мне, пожалуйста, бинты, — предпринял он ещё одну попытку вывести меня из состояния оцепенения.

— Бинты. Да. Сейчас принесу... — проговорила я вслух ближайшую цель, заставляя своё тело сдвинуться с места.

Голова была как в тумане. Нашарила в багажнике аптечку и неуверенно приблизилась к Азизу, чтобы осмотреть его рану.

— Лина, я сам. Иди приляг в машину, если тебе плохо. Только фары включи, чтобы мне видно было.

— Нет, что ты... Я же медик, — Сделала глубокий вдох и выдох, собирая себя в кучу, чтобы качественно оказать первую медицинскую помощь.

— Похоже, что ты меня теперь по жизни лечить будешь, — не очень хорошо пошутил Аз.

Включила свет в салоне и помогла Азизу осторожно устроиться с краю на сиденье машины. Осторожно отлепила намокшую футболку и обработала свои руки спиртом.

Рана кровоточила не слишком сильно. Несколько долгих секунд осмотра, и я с облегчением выдохнула — пуля пролетела по касательной, повредив только мягкие ткани и кожу.

Аккуратно промокнула спиртом область вокруг травмированного места и наложила асептическую повязку.

Закончив процедуры, я ощутила невероятную усталость. Азиз тоже выглядел измотанным, он молча сидел, отрешённо смотря в окно. На улице уже совсем стемнело.

Я предложила вздремнуть в машине и потом уже отправляться на поиски убежища.

Осторожно разложила второе сиденье, помогая пострадавшему лечь на здоровый бок. Сама устроилась на соседнем месте.

Глаза уже слипались, но я продолжала смотреть на крепкую спину Азиза, не без сострадания и чувства вины, задевая взглядом потемневшее багровое пятно на хлопчатой ткани футболки поверх забинтованной раны.

И зачем мы так напились? Алкоголь, да ещё и в таких количествах никогда не доводит ни до чего хорошего...

Так хотелось прикоснуться к его плечу, чтобы как-то подбодрить, да и вообще попросить прощения, но я боялась его разбудить, вероятно, он уже отрубился от усталости. Но Азиз едва слышно начал делать глубокие вдохи и ровные затяжные выдохи.

— Всё хорошо? — поспешила я поинтересоваться его самочувствием.

— Пойдёт. Просто пить очень хочется... — Его голос стал каким-то совсем потухшим.

Меня тоже мучила жажда. Оно и понятно, учитывая, сколько мы выпили того, чего совсем не надо было... А ведь Аз ещё и потерял немного крови, должно быть ему сейчас совсем было несладко.

Очень хотелось хоть как-то облегчить его страдания и, взбодрившись, я вернула своё кресло в сидячее положение.

— Ты чего? — он вопросительно повернул голову в мою сторону.

— Ты спи, а я довезу нас до места назначения. Только объясни куда ехать?

— Да я сам уже плохо помню. Но постараюсь накидать тебе приблизительную схему проезда, — не стал противоречить мне Азиз и попросил передать ему рюкзак.

Вынув из него небольшой блокнот и автоматическую ручку, стал уверенно что-то чертить.

— Тут всего несколько километров, правда придётся немного попетлять. — Закончив, он оторвал лист бумаги и передал его мне, объясняя путь следования.

Я ещё раз внимательно посмотрела на схему, запоминая намеченное на ней местоположение искомого дома.

— Ну что, разберёшься? — Кажется, Азизу реально было очень плохо.

— Думаю, справлюсь. Ты прости меня, пожалуйста... Я правда не хотела в тебя стрелять...

— Жить буду, не переживай.

Периодически сверяясь со схемой проезда, чтобы ненароком не пропустить в темноте нужный поворот, я вглядывалась в освещаемую фарами часть дороги, и вела машину как можно осторожнее, чтобы спящего Азиза не качнуло слишком сильно.

Деревьев становилось всё меньше, и спустя какое-то время вдали справа от нас стало виднеться каменистое побережье, тянущееся вдоль песчаного склона на уровень ниже просёлочной дороги, по которой ехали мы.

Впервые в своей жизни я видела море, но моё эмоциональное истощение не позволило мне сейчас в полной мере насладиться этим открытием.

Без каких-либо сильных переживаний, которые, как я всегда думала, захлестнут меня при виде подобной картины, я свернула в нужном направлении. Засмотрелась на наиболее полно открывшийся моему взору бескрайний водный горизонт, и практически сразу же чуть не въехала в сетчатое ограждение, похожее на то, каким обычно обносят природные заповедники.

Резко затормозила, а мой пассажир, дёрнувшись, проснулся. В забытьи попытался сесть, но тут же со стоном разогнулся обратно.

— Ой, Азиз, извини, пожалуйста! Тут просто неждан такой случился, — я виновато тыкнула пальцем вперёд себя.

Выйдя из машины, я подошла к преграде, мешавшей проехать дальше. Металлический забор оказался очень высоким, а по ширине терялся только ближе к обрыву.

Несмотря на то, что был уже поздний вечер, воздух здесь был даже теплее чем днём в наших краях в это время года.

Подошедший следом Азиз сказал, что нам придётся спуститься и вновь подняться, чтобы попасть на участок. И, оставив внедорожник, дальше мы пошли пешком.

Склон был хоть и внушительных размеров, но довольно пологим, и через несколько минут мы без труда спустились почти к самому берегу.

Азиз шёл медленно. И я не спеша насладилась дивной картиной непривычной для меня местности.

Море было невероятно красивое. Волны, нахлёстываясь друг на друга, прибивались к песчаному берегу, унося с собой ранее образованную пену. Песок местами усеивали камни разных размеров, встречались даже огромные валуны ростом с Азиза. Здесь явно была не пляжная зона, и это дикое природное место выглядело удивительно живописно.

Вдохнув необычного для меня запаха местный морской воздух, на выдохе я оценила обстановку:

— Как же здесь здорово!

— Да, мне тоже тут очень нравится, — поддержал меня Аз.

— Я раньше ни разу не была на море.

— Серьёзно? А на небесах только и разговоров, что о море, — рассмеялся мой пациент, процитировав фразу из одного моего любимого фильма.

— Значит, мне теперь будет что рассказать после смерти, если ещё попаду туда, — указала я пальцем вверх.

— Для такого ангела как ты по-другому быть не может, — совершенно без сарказма выдал Азиз.

— Ангел, который чуть тебя не застрелил, — невесело усмехнувшись, напомнила я о своём «подвиге». — Как рана?

— Побаливает чутка, а в целом норм, — улыбнулся этот крепкий орешек и подытожил наш разговор сомнительной для меня фразой: — Каждый ангел рано или поздно познаёт не только добро, но и зло.

Спустя ещё пару минут Азиз остановился, чтобы немного отдышаться, и я предложила ему облокотиться на меня. Тот отказался, и мы так же неспешно двинулись дальше, болтая уже о разных пустяках.

Мои ноги просто гудели от усталости, и, разувшись, я прошлась по песку, что по ощущениям был с примесью ракушечника. В эту секунду мне захотелось ощутить каково это — когда прохладные крупные волны омывают твои горячие ступни, но до самой воды было вполне приличное расстояние, и я решила отложить это на потом.

Азиз указал на самый удобный путь вверх по склону, и ещё немного пройдясь вдоль берега, мы шаг за шагом стали подниматься.

Через некоторое время впереди стал отчётливо виден искомый нами коттедж. Издали он казался совсем маленьким, но, когда мы подошли ближе, оказалось, что с торца была видна не вся площадь этого стильно-отделанного деревом двухэтажного дома. Просто шик. Я такие раньше только в фильмах видела.

На широкой металлической двери опоясывающего дом по периметру забора был кодовый замок.

— Пароль знаешь? — настороженно поинтересовалась я, надеясь, что мне не придётся сейчас ещё и перелазить через этот высокий гладкий забор, ведь раненый Азиз явно не сможет подтянуться, а мне это сделать тоже представлялось крайне проблематичным.

— Нет.

Мысленно выругавшись, выразила своё негодование по этому поводу очередным капризом:

— Окей, переночую тогда в машине!

— Может лучше со мной на берегу моря? — подмигнул мне мерзавец. — Да шучу. Знаю я пароль, обычно везде одинаковый стоит. Надеюсь, и здесь не исключение.

Уверено набрав какое-то число, Аз дёрнул ручку, и замок, щёлкнув, поддался.

— Вуаля, мадам, — открыл он дверь, приглашая меня войти первой.

Пафосно закатила глаза в ответной реакции на эти совершенно неуместные сейчас шутки и, облегчённо выдохнув, зашла внутрь.

Моему взору предстал заросший и давно иссохший газон. Площадь двора была не слишком большой, но функционально оборудована различными зонами отдыха.

Слева было место для вечерних посиделок у костра, за ним пустой бассейн с выцветшими вокруг него лежаками, и неподалёку виднелось что-то вроде места для релаксации — несколько скамеек стояло напротив не функционирующего сейчас искусственного мини-водопада.

Справа от дома был построен небольшой навес, похожий на парковочное место для машины.

В самом доме нас встретил прохладный холл, где в сумерках лишь угадывались очертания какой-то мебели.

Я щёлкнула выключателем, но ничего не произошло.

— Здесь где-то должен быть генератор, — объявил Азиз.

Мы зашли в ближайшую комнату — судя по всему, это была гостиная. Падающий сквозь плохо занавешенные окна звёздный свет отражался в стеклянном журнальном столике у дивана, подсвечивая блуждающую в комнате пыль. Сколько же времени здесь никто не жил?

Лестница справа вела на второй этаж, а арка возле неё — в столовую, где сквозь застеклённую верхушку запасной входной двери более ярко проникал ночной свет, и можно было покопаться по шкафам в поисках чего-то съедобного.

Первым делом я прошла к раковине и безрезультатно покрутила краны:

— Надо бы вентиль найти.

В ближайшем ко мне ящике, среди всевозможной посуды, я откопала небольшую ярко-оранжевую свечку, что очень вкусно пахла апельсином и подозвала Азиза к себе.

— Вот смотри, если где-то есть ещё спички, то можно будет поискать, где тут что включается.

— У меня есть кое что получше, — Азиз извлёк из рюкзака зажигалку, и, виртуозно покрутив её пальцами, щёлкнул колёсиком. Второй рукой он взял мою кисть и осторожно подтянул к себе, поджигая небольшой фитиль аромасвечи.

Его руки были непривычно холодными. За почти неделю касаний к своему пациенту, я уже привыкла, что они у него были всегда горячие.

— Слушай, Аз, может ты лучше отдохнёшь, а я сама найду генератор и вентиль для воды?

— Я что совсем плох? — он поиграл бровями, растянув в улыбке бледные иссохшие губы.

— Ну так... — В свете свечи, что горела между нами, он и правда выглядел неважно. — На голодного вурдалака немного смахиваешь.

— Смотри, детка, я так сильно хочу пить, что не прочь выпить твою кровь, — он опасно приблизился, заставив меня отступить назад к столешнице.

Нет, ну сколько же в этом человеке жизненной энергии — еле стоит, а заигрывать ещё пытается!

— Давай сюда свою свечку, — с этими словами Азиз пошёл куда-то вглубь дома, оставляя за собой дымный шлейф.

Апельсиновый аромат расшевелил мой аппетит, и я принялась рыться по полкам в поисках хоть какой-то еды.

Облазив все доступные моему росту отсеки, я подставила стул, чтобы проверить и верхние шкафы. К моей радости, почти сразу же наткнулась на всевозможные консервы, и даже пакеты с сублимированными продуктами.

Срок годности у многих упаковок уже почти вышел, и, выбрав парочку наиболее свежих баночек с фасолью в томатном соусе, я поставила их на барную стойку.

За ещё одной дверцей я отыскала несколько склянок с разными ароматными чаями и травами.

Вздрыгнула и прищурилась от неожиданно ярко загоревшегося в комнате света.

Проверила воду в кранах — Азиз, умничка, всё подключил. Поборола в себе сильное желание припасть к прозрачной прохладной струе — решила дать воде немного пробежать, ведь неизвестно сколько она простояла в трубах.

Столовая при свете выглядела шикарно: интерьер в нежно-ореховых оттенках, самая последняя кухонная техника.

Сполоснув пару запылённых стаканов, набрала в них воды, сразу же опустошив один из

них.

— Поделишься? — Азиз вернулся с уже потушенной свечой в руках.

— Конечно, вот твой стакан, — я протянула ему стеклянный сосуд с водой.

— Не поможешь мне? — Аз покрутил ладонями, измазанными в какой-то чёрной смоле. Видимо, пришлось покопаться, чтобы всё подключить.

Странно, но почему-то было так приятно поить его. Он делал такие жадные глотки, и мне словно самой становилось лучше оттого, что он, наконец, утоляет свою жажду.

— А я нашла нам перекус, вот, — довольная собой, кивнула головой в сторону консервированной фасоли.

— Можешь меня не ждать, Лина, мне сначала хочется немного освежиться. — Одним движением руки сняв с себя грязную футболку, Азиз снова скрылся где-то в недрах дома.

Его широкие смуглые плечи и упругий торс не портила уже слегка окровавленная бинтовая повязка, а наоборот делала ещё мужественнее.

Я всё-таки решила подождать своего пациента и пока решила вскипятить немного воды. Засыпала высушенные листочки в небольшой чайник и когда, спустя минут десять Аз вернулся, они уже заварились, распространяя приятный цветочный аромат по всей столовой комнате.

На Азизе теперь кроме промокшей насквозь повязки и небольшого полотенца, обмотанного чуть ниже талии, больше ничего не было.

— Мм, как вкусно пахнет. — Он подошёл к барной стойке, прихватив с собой со столешницы приготовленные мной чашки.

Волосы на его голове были влажные и зачёсаны назад так, что небольшие струйки воды стекали, волнисто расплываясь от шеи по спине.

— Ты что душ принимал? Вообще-то мочить рану тебе пока нельзя, если, конечно, не хочешь заработать себе ещё и сепсис.

— Не душни, Геля.

Ненавижу, когда меня так называют.

— Не зови меня так больше, пожалуйста. Мне не нравится такое сокращение имени.

— Так не называй и эдак. Прямо недотрога какая-то, — хмыкнул он и, отодвинув высокий барный стул, сел, развернувшись ко мне. Полотенце на правой стороне немного раскрылось, оголив смуглое мускулистое бедро.

— Поменяешь повязку, медсестричка? А то эта намокла.

«И не она одна», — пошутила у себя в голове, еле сдержав глупую улыбку.

— Аптечка осталась в машине. Если в доме нет предметов первой медицинской помощи, то придётся тебе идти к внедорожнику самому. А я сегодня так устала, что никуда больше не попрусь.

Даже ради тебя, красавчик.

Тем более, что Аз явно приободрился. Всё же вода творит чудеса — напился, помылся и ожил человек.

— Вот тебе и клятва Гиппократы, — Азиз развернулся обратно к барной стойке, уверенно отвинчивая крышки банок с фасолью. — Присоединяйся, Лина, а то всё съем, я очень голоден.

Взяв пару ложек из ящика, забралась на стул рядом со своим пациентом, чувствуя, что еда, как ни странно, интересуется меня сейчас меньше всего.

Вблизи его крепкое тело выглядело ещё более привлекательным — я заметила несколько татуировок. На левом плече красовалась какая-то надпись, обрамляющая непонятные мне символы, а прямо по центру спины между лопаток был небольшой простой крест.

После очередной ложки, Азиз, почувствовав как томатный соус стекает по уголку его

рта, соблазнительно облизал свои губы, и только тогда я поняла, что уже какое-то время просто сижу и бесстыже разглядываю его.

Он с таким аппетитом прикончил свою порцию, и вновь повернулся ко мне, своим довольно вульгарным видом вогнав меня в краску.

Несмотря на всю усталость, глаза Азиза игриво поблескивали, и будто от самой его кожи исходила невероятно сильная мужская энергия.

— Ангелина, такое красивое у тебя имя. И ты правда очень похожа на ангела.

— Как переводится эта надпись, — указала я на ближайшее ко мне тату, пытаюсь разбавить обстановку, приобретающую для меня всё более смущающее направление.

— «Ничто не истинно. Всё дозволено».

— Ницше.

— Не совсем, изначально эту фразу приписывают Хассану ибн Саббаху, имаму низаритских измаилитов, жившего во времена средневековой Персии.

— Что она означает?

— А ты как думаешь?

— Ну, Ницше имел ввиду...

— Давай без него, — перебил меня Азиз. — Как ты понимаешь это выражение сама? — сделал он ударение на последнем слове.

— Ну, если Бога и его заветов не существует или же нет каких-то морально-сдерживающих установок и рамок, то человек волен делать всё что заблагорассудится в процессе познания.

— Всё-таки Ницше.

— Ну а сам ты как видишь смысл этой фразы?

— Что истина у каждого своя. Сколько людей столько и истин, но в то же время все они есть грани одного бриллианта. Ты есть то собираешься?

— Хочешь? — предложила я Азу свою порцию, к которой ещё даже не притронулась.

— Хочу, но тебе самой нужно немного подкрепиться.

Надо же какой заботливый.

— Да мне правда что-то не хочется.

— Такое бывает, когда длительное время ничего не ешь. Организм будто начинает функционировать на голом энтузиазме, сжигая при этом накопленные внутренние запасы. И тогда может показаться, что еда теперь совсем не нужна. Это очень хорошая практика, если преследуешь определённые цели. А тебе сейчас ни к чему усмирять свой пищеварительный энергоцентр, поэтому лучше поесть через силу, если завтра хочешь чувствовать себя хорошо.

— Окей, сэнсэй. Звучит хоть и заумно, но убедительно, — согласившись с ним, приступила к трапезе.

— Молодец, послушная девочка, — не удержался тот, чтобы не поддеть меня и, пожелав мне приятного аппетита, отправился на поиски необходимых предметов для перевязки.

Опустошив свою банку, мне тоже стало интересно пройтись по дому. Площадь коттеджа была внушительной, но комнат на первом этаже было немного, а дизайн и обстановка выглядели так красиво и уютно, как с картинок про хорошую жизнь. Поднявшись по лестнице наверх, я первым делом вышла на веранду, где открывался просто умопомрачительный вид на море.

— Ну что, Лина, поможешь мне? — Азиз вошёл следом, уже раздобыв где-то бинт и ножницы. В левой руке он держал бутылку, судя по всему, с водкой.

— Что, спирта не нашлось?

— Да просто захотелось ещё выпить, а руки всего две. Составишь компанию?

— Аз, на каких батарейках ты работаешь? Я вот вообще уже еле на ногах стою. Давай сюда скорее свои ножницы.

— Батарейки ни к чему, когда открываешь внутри себя сам источник энергии. — Жадно глотнув горячего пойла, Азиз присел на скамью, отделанную деревом в общем стиле дома.

— Это для него ты топлива подливаешь? — кивнула я головой на уже порядком опустошённую бутылку.

— Это я так заземляюсь просто. А источник на то и источник, что ему не нужно никакой подпитки, он сам всё питает.

— Хочешь сказать, что питаешь весь мир?

— Я всего лишь проводник источника, и ты, кстати, тоже.

— Я не проводник, а медсестра, — немного отстранённо пошутила я, бегло взглянув на волны, что каждые несколько секунд с шумом разбивались о небольшой плоский валун на берегу.

— А ты правда никогда раньше не была на море?

— «Не успел, не вышло», — тоже ответила я фразой из фильма «Достучаться до небес». — А теперь вот вышло, но как-то боком...

— Не бывает чего-то стопроцентного, и в каждом плохом есть чуточку хорошего. Хотя временно и в бегах, но зато с красавцем в вилле на берегу моря, — подбадривая, игриво подмигнул Аз своим красивым карим глазом.

— Тоже мне подфартило, — ехидно хмыкнула я, не сдержав короткого зевка.

— Устала, Геля. Хм, прости. Лина. Та широкая и нереально мягкая постелька в спальне полностью в твоём распоряжении.

— А ты, Данияр... Хм, прости. Азиз, как истинный джентльмен будешь ночевать на узком и нереально твёрдом диване в гостиной?

— Один один, ничья. На что только не пойдёшь ради своей спасительницы.

— Хороша спасительница, сначала чуть не убила тебя...

— Хорош потерпевший, заставил тебя потерпеть, втянув в такое...

— Ладно, два два, счёт на сегодня закрыт. — Отрезав ножницами ненужную часть бинта, я закончила перевязку. — Вот и всё, добрых снов.

— А поцеловать на ночь?

— А губозакаталку тебе не одолжить?

— Если только ты закатаешь мои губы своими, — ухмыльнулся наглец.

— Не дождёшься.

— Это мы ещё посмотрим.

Оставив раненого мерзавца на вернаде в одиночестве размышлять под прибрежный шум волн, сама почти на последнем издыхании прошла в спальную комнату. К ней был пристроен отдельный санузел и, не смотря на всю измотанность, я не отказала себе в удовольствии принять душ.

Постояв пару минут под приятной тёплой водицей, обмоталась большим мягким полотенцем и порылась в шкафах в поисках какой-нибудь более свежей и удобной одежды для предстоящей ночи.

Из всего самое подходящее было — безразмерная чёрная футболка с Че Геварой, которая на мне выглядела как платье.

Скинула порядком запылённое верхнее одеяло и растянулась на огромной и настолько мягкой, словно воздушной, постели, и глаза сами закрылись от этой неги и накопленной усталости.

Из-за всех событий, произошедших со мной за последние два дня, моя перегруженная нервная система отключила меня почти до самого вечера.

Когда я встала с постели, солнце уже светило достаточно низко, близился закат.

Азиза нигде не было видно. И он не отзывался, когда я искала его по всему дому.

Мой желудок отчаянно просил чего-нибудь съедобного, но обуявшая меня тревога, не давала мне спокойно сидеть на месте.

«Куда он подевался? Ушёл куда-то, даже не предупредив. Не хотел будить, наверное, но мог бы хоть записку оставить...» — ворчала я про себя, нарезая круги по двору дома, так и не решаясь выйти за ворота, пока не услышала, как едет машина.

В голове сразу же пронеслись разные нехорошие догадки, и моё сердце беспокойно забилось. Подтащив к забору лежак, выглянула наружу.

Вид подъезжающего знакомого внедорожника успокоил меня. Азиз, открыл ворота и припарковался под навесом. Выйдя из машины, он заметил меня, и, приветливо улыбнувшись, загадочно сообщил, что придумал на сегодняшний вечер что-то интересное. Одет он был в другую одежду — лёгкие летние джинсы и однотонная тёмно-зелёная футболка.

— Как ты объехал то высокое ограждение?

— С другой стороны есть проезд. Правда пришлось повозиться с местным замком, он открывается только изнутри и малость заржавел, — извлекая из багажника два большущих и, по всей видимости, очень тяжёлых пакета, объяснил мне Аз и уверенно направился с ними в дом.

— Ты что ездил куда-то? — Я пошла следом, заглядывая внутрь его сумок. — Где ты взял всю эту еду?

— Здесь недалеко есть много разных поселений, а чуть дальше город. Но чтобы успеть вернуться до заката, пришлось закупиться в ближайшей деревне. Зато всё настоящее, — Азиз выкладывал на столешницу сыры, хлеб и другие продукты домашнего приготовления.

При виде еды мой живот просительно заурчал и, схватив первую попавшуюся булку, я жадно откусила кусочек.

— Не торопись наедаться, я сейчас приготовлю кое что более аппетитное. Поужинаешь со мной на берегу?

Звучало крайне заманчиво, и я согласно кивнула с набитым ртом.

— Примерь. — Закончив разбирать покупки, Азиз протянул мне небольшой свёрток.

— Что это? — отложив недоеденную булочку, я отряхнула руки и развернула презент.

— Ты сказала, что не любишь короткие платья, и я купил тебе подлиннее. Да и, тем более, здесь такая жара, так что в этом сарафане тебе будет куда комфортнее.

Немало поражённая его заботой я отправилась переодеваться в выбранный мне Азизом наряд, а тот, узнав, как я отношусь к вегетарианской кухне, стал активно нарезать овощи.

Через несколько минут по дому начало распространяться крайне приятное для моих обонятельных рецепторов сочетание запахов. А спустя ещё немного времени, прихватив с собой всё необходимое для пикника, мы спустились по склону.

Солнце уже подкатилось почти к самому горизонту, готовясь нырнуть прямо в море.

Я не стала надевать свои ботинки, ведь с этим воздушным летним платьем они бы

смотрелись слишком грубо, да и погода здесь стояла и правда настолько тёплая, что босиком было очень приятно шагать по прогретому за день песку.

Волны прибывали к берегу сегодня более плавно, а цвет моря, казалось, был серо-зеленоватым. Возможно, это какая-то особенность Каспия в это время года, а может он всегда такой.

Расстелив коврик, мы аккуратно расставили на нём всё для нашего ужина. И неторопливо смакуя приготовленное Азизом блюдо, стали любоваться безумно красивым закатом.

— Мм, как же это вкусно, — оценила я его кулинарное мастерство. — Что это?

— Мексиканское рагу по индийскому рецепту, — неоднозначно ответил Аз.

— Интересно, никогда раньше ничего подобного не пробовала. Хотя моя старшая сестра профессиональный повар и нередко баловала нас приятными вкусовыми сочетаниями. Но это, — я с удовольствием отправила в рот очередную ложку тающих во рту овощей, не сдержав ещё одного искреннего комплимента, — это просто взрыв вкусового наслаждения!

— Благодарю, — сдержано улыбаясь, ответил явно польщённый Азиз.

Огромный раскалённый шар тоже постепенно растаял в бескрайних водах, и от самого горизонта прямо до нас стали отчётливо проявляться бесчисленные скопления звёзд.

Я едва сдерживалась, чтобы охая от восхищения не начать тыкать в каждое созвездие пальцем, ведь ещё никогда я не испытывала настолько захватывающих эмоций от созерцания ночного неба.

Словно замороженная, поднялась и прошлась по самому берегу. Холодный прибой стал упруго обволакивать мои ступни.

Впервые в жизни я была в таком невероятно красивом месте, вкусно накормленная и удобно одетая заботливым мужчиной, который, как бы я себя не обманывала, на самом деле очень нравился мне и внешне и внутренне. Пусть в нём и была эта опасная тайна, но она даже придавала ему особого шарма в моих глазах.

Если не вдаваться в подробности того, по какой причине я здесь оказалась и какая подоплёка у всей этой истории, то можно сказать, что это был самый счастливый день в моей жизни.

Но не думать об обратной стороне медали я просто не могла.

«Как я вообще могу радоваться, когда мои родители сейчас скорее всего там с ума из-за меня сходят?!» — мучил меня внутренний голос.

Азиз подошёл следом и, закатав джинсы чуть выше щиколотки, встал рядом со мной.

Резкая смена моего настроения не осталась незамеченной, и мой внимательный пациент спросил, из-за чего я расстроилась.

— Всё это неправильно, — решила поделиться с ним своими переживаниями, — я тут наслаждаюсь, пока мои родные там переживают...

— Почему ты так любишь самобичевание? Своими внутренними терзаниями ты только увеличиваешь общее число страдающих в мире. Если ничего нельзя предпринять, то, разумнее всего будет проживать эту жизнь в том виде, в каком она течёт сейчас.

— Я могу предпринять! Например, позвонить им хотя бы ещё раз...

Я украдкой взглянула на Азиза, пытаюсь понять его реакцию, но он продолжал невозмутимо смотреть вдаль.

— Ну чего молчишь? Я же знаю, что у тебя есть ещё как минимум два телефона!

— Копалась в моём рюкзаке? — усмехнулся Аз.

— Теперь понятно, чего ты ими так раскидываешься...

— Чего тебе там понятно? Я же говорил, что даже по одному звонку нас могут отследить. И у меня было всего три телефона, прямо как три звонка другу в какой-нибудь интеллектуальной игре, которые тут же сгорают при использовании. Только вот это не игра, а звонки эти жизненно важны, и использовать их просто так — безумие.

— Безумие — это сводить с ума свою семью, держа их в неведении! Мне надо хотя бы просто сказать им, что со мной всё хорошо.

— Это будет уже минус две жизни, и останется один единственный шанс на помощь друга. Помимо прочего, нам опять нужно будет срочно куда-то уезжать отсюда, и искать новое убежище. Ты готова к этому?

Я закусила губу, не зная, что ответить, а Азиз тем временем продолжал:

— К тому же, ты, правда, думаешь, что семья тебе поверит? Они же начнут расспрашивать тебя — где ты и с кем? Ну, допустим, здесь ещё можно соврать без последствий, а вот что ты им скажешь, если они спросят тебя — когда ты вернёшься?

— А вот это мне хотелось бы у тебя узнать, — вопросительно заглянула я в его глаза, в которых сейчас отражалось беспокойное море.

— Ангелина... — Азиз устало приложил пальцы ко лбу, — я пока сам не знаю что дальше. Пойми, я тоже не в восторге, что получилось тебя втянуть в эту историю. Поверь, я не ожидал, что всё выйдет именно так и меньше всего хотел подобного.

— Ты можешь хотя бы просто объяснить мне, что происходит?! — чувствуя, как снова закипаю, медленно выдохнула и постаралась продолжить более спокойным тоном, — чтобы я хотя бы немного понимала, чего мне ожидать дальше и как себя вести в случае чего...

— Я тебе уже говорил, что чем меньше ты будешь знать обо мне и обо всей этой ситуации, тем суше выйдешь из воды. Не рассказывая тебе ничего, я оберегаю тебя от проблем.

— Да я уже в них по горло!

— От лишних проблем, — уточнил Аз. — Поверь, сейчас только рядом со мной ты в максимальной безопасности. А за родителей своих не переживай слишком сильно. Они, конечно, могут убиваться, а могут просто смиренно ждать тебя — и это только их выбор. Как бы это не звучало для тебя сейчас, но не бери на себя чужой выбор. Ты в этом мире ответственна в первую очередь за себя и по-настоящему можешь контролировать только свои мысли и чувства. Поэтому будь счастлива, если не можешь ничего изменить, а это пока самый лучший твой выбор.

Я исподтишка посмотрела на него, без тени сомнения понимая, что он знает, о чем говорит. Это ведь его в первую очередь преследуют не очень хорошие люди с не очень хорошими целями, а он и правда за всё это время ни разу не сдал, а наоборот только и делает, что показывает мне мастер-класс внутренней гармонии и жизнелюбия.

— Только посмотри, какой замечательный вид нас окружает. Вдохни этот воздух... — Азиз ненадолго поднял руки ладонями вверх, шумно вдыхая запах морского бриза. — У нас есть только сейчас, и это сейчас — прекрасно. Так давай воспользуемся этим и отдохнём, ведь неизвестно, что ждёт нас завтра. И это касается не только нашей с тобой ситуации. Сама жизнь непредсказуема, никто не знает, сколько ему отведено. Так что давай просто будем сейчас. Попробуй насладиться этим прекрасным мгновением. Вспомни, когда ты делала это последний раз, так тебе будет легче настроиться на нужную волну.

«Прямо даже не сэнсэй, а настоящий гуру!» — заулыбалась я своим мыслям в голове и,

не сдержавшись, прыснула со смеху, когда в моей памяти резко всплыли события минувшего вечера, где мы с моим пациентом изрядно набрались — тогда я точно прочувствовала всё то, о чём сейчас мне говорил Азиз.

— Что смешного я сказал?

— Да это я над собой смеюсь. Кажется, что я могу так наслаждаться жизнью только когда нетрезвая...

— Алкоголь устраняет ментальные границы и рамки, мешающие человеку расслабиться в полной мере, но при этом он ещё и устраняет клетки головного мозга, так что всё-таки лучше уметь радоваться этой жизни без подобных помощников. Давай попробуем поучиться, — многозначительно заулыбался Азиз и, опустив руку на приближающуюся волну, предложил мне тоже зачерпнуть ладонью воду.

Не понимая для чего это делать, я всё же с любопытством повторила действие Азиза. Прохладная морская влага приятно растеклась по коже.

— Что ты чувствуешь? — поинтересовался он.

— Рука стала мокрой.

— А что ещё?

— Что она стала чуть прохладнее.

— А теперь опусти эту ладонь в воду и поддержи её так какое-то время.

— Для чего? Я ведь итак понимаю, что она станет совсем холодной.

— Теория не то же самое что практика. Мыслями можно представить что угодно, но лишь чувственный опыт позволяет нам осознать что-то по-настоящему.

— Это глупо, Азиз, я не буду больше поддерживать твои странности.

— Ты уже начала этот урок, Лина, и так или иначе теперь его нужно пройти до конца, — с этими словами он резко зажёб руками воду, направив её в мою сторону, и крупные холодные капли до замирания сердца стали покрывать оголённые участки моей кожи.

— Да ты реально псих! Зачем ты это сделал?! — От неожиданно испытанного мной дискомфорта я вся покрылась мурашками.

Аз тут же снял свою футболку и, не смотря на мои возмущённые брыкания, укутал меня ею, крепко прижав к себе:

— А теперь чувствуй, как твоё охлаждённое тело благодарно принимает тепло.

— Благодарно?! Сначала облил меня, а теперь греть пытаешься? Добряк фигов! — сопротивляясь, я продолжала рассержено ворчать, пока на мгновение не словила настолько приятное чувство исходящего от Азиза тепла, что проникало будто в самую мою душу, полностью умиротворяя меня.

Почувствовав, как я расслабляюсь, Аз ослабил свою хватку, обняв меня нежнее.

Мне ещё никогда не было так хорошо и спокойно рядом с кем-то, что, впервые в жизни я, наплевав на все свои правила поведения в отношении малознакомых мужчин, просто позволила быть тому, чего сама хочу на данный момент.

Было так уютно стоять в мягких объятиях Азиза, что защищали меня от холодных порывов ветра, и, прислонившись к оголённой крепкой мужской груди, я наслаждалась пьянящим ароматом его горячей кожи.

Азиз был выше меня ростом, и, опустив свою голову, едва заметно вдохнул запах моих волос. В эту самую секунду настолько трогательное чувство пробрало меня прямо до дрожи, что, словно электричество, пронеслось волной через всё моё тело.

Я старалась не подавать виду, как сейчас просто млею от переполняющих меня приятных ощущений, но, кажется, мой пациент всё прекрасно понимал.

Да и мой внутренний голос подсказывал, что Аз действительно искренне желает, чтобы я хоть ненадолго забыла обо всех насущных проблемах, и почувствовала, что нахожусь в безопасности. Мы стояли молча, но я без слов считала его посыл, о том, что он не даст меня в обиду и ни за что не обидит сам.

— А теперь взгляни вот на это скопление звёзд, — заговорил он негромко, продолжая погружать меня в настоящий момент, — если мысленно провести между основными

точками линию, то, что это тебе напоминает?

— Похоже на вешалку для одежды. — Нехотя отлепив свою голову от Азиза, я посмотрела на небо.

— Отлично, — засмеялся он. — А мне это напоминает уют, хотя на самом деле это созвездие Льва.

— Смотри падающая звезда! — воскликнула я восторженно, увидев, как яркий огонёк черкнул по тёмному полотну неба.

— А ты знаешь, что падающая звезда, вопреки своему названию, на самом деле просто кусок космической пыли или камня, который называется метеор?

— В курсе, мистер сэнсэй, тут для меня ты ничего нового не открыл, — самодовольно улыбнувшись, я посмотрела на Азиза.

Удивительной глубины взгляд его карих глаз вмиг обжёг меня своей заинтересованностью. Я почувствовала настолько сильное напряжение между нами, что, не выдержав, тут же отвела взгляд.

Прекрасно понимая, что сердце начинает биться быстрее не только у меня, от греха подальше резко оборвала эти неоправданно затянувшиеся обнимашки и вернула футболку обратно Азизу, чтобы он поскорее прикрыл свой чертовски привлекательный и смущающий меня торс.

— Согрелась?

— Да, спасибо. Хотя нет! — Меня обуревали противоречивые эмоции. — Благодарности тут тебе не положено. Позволяешь себе всякое... Не люблю холодную воду, да ещё и без предупреждения! Не делай так больше, хорошо?

— Мне пора уже заводить отдельный блокнот со всеми твоими «так не делай и так не называй», — рассмеялся Аз. — А я вот очень благодарен тебе, Ангелина, за этот незабываемый для меня вечер. Я очень счастливый человек, раз жизнь даёт мне право быть рядом с такой прекрасной девушкой, пусть даже в весьма неоднозначных обстоятельствах. Нужно уметь жить между смертями.

Последняя фраза Азиза напомнила мне о том, как будучи ещё по-настоящему моим пациентом в одном из своих рассказов о путешествиях он как-то уже упоминал об этом.

Он говорил что-то о волнах некоего вселенского океана, что ненадолго отделяясь от него, рано или поздно возвращаются обратно.

Я тогда не поняла смысла сказанных им слов, думая, что речь, скорее всего, идёт о теме перерождений. А теперь меня осенило:

— Так вот что ты имел ввиду, когда сравнивал жизнь с потоком волн и говорил, что если научиться расслабляться, когда накрывает и грести когда спокойно, то можно переплыть любое море.

— Я впечатлён, — искренне удивился он тому, что я не только вспомнила то, о чём он мне мимолётом повествовал лишь однажды, но ещё и проанализировала это сейчас. Ты правда поняла смысл этой фразы?

— Ну вот если представить это на самом простом примере, то вот ты знаешь, что завтра будет конец света, без какой либо возможности спастись. К примеру, взорвётся Солнце и поглотит все близлежащие планеты. Но у тебя есть сегодня. И ты можешь провести это сегодня либо в тревожном ожидании завтрашней участи, либо просто быть счастливым целый этот день. Или, например, у человека есть какая-то фиговая хроническая болезнь, которая стабильно обостряется два или три раза в году, но если человек живёт полной

жизнью, наслаждаясь и радуясь насколько ему это возможно между так называемыми смертями, когда ему становится супер-плохо, то он по сути своей — счастливый. Ведь даже будучи здоровым и независимым можно всю жизнь прожить в страхе перед неминуемой смертью, что рано или поздно ждёт каждого.

— Молодец, Лина, у тебя очень хорошо получается. А на текущем нашем опыте сможешь объяснить?

— Да, нас ищут плохие ребята, и может найдут. Да, люди, которым мы не безразличны, переживают за нас. Но сейчас мы пока что в безопасности, мы здоровы, сыты и никак не можем повлиять на эмоции наших близких. Нас окружает прекрасный пейзаж, и мы можем просто этим наслаждаться.

— А ты и правда быстро обучаешься, — шутливо подмигнул он мне, напоминая о моей недавней попытке выпендриться, что неудачно закончилась настоящим выстрелом из пистолета.

Поднялся ещё более сильный ветер и, собрав остатки пикниковой роскоши, мы двинулись в сторону дома. Взбираясь по пригорку, Азиз без спросу приобнял меня за талию.

— Что ты себе опять позволяешь?! — Я возмущённо отстранилась, подумав, что этот наглец из-за моей небольшой слабости на берегу, теперь решил, что ему всё можно. — Или ты меня реально женщиной лёгкого поведения считаешь?

— Что? Я просто хотел помочь тебе, — удивлённо пожал плечами Аз, — ты же босиком, а здесь такой резкий подъём.

Надо сказать, что я и правда немного забуксовала, и Азиз теперь просто подал мне руку, чтобы помочь взобраться.

— С чего ты взяла, что я считаю тебя женщиной лёгкого поведения?

— А зачем ты тогда сказал тому мужику, что снял меня по дороге?

— Подвал с вип-комнатами — это единственное место в клубе, где нет камер, но зато есть прослушка, а охранники в подобных местах не самые хорошие люди, и я решил не светить твою настоящую личность, чтобы не навлечь на тебя впоследствии дополнительных преследований.

Вот же продуманный гад.

— Извини. Представляю, как тебе это было неприятно тогда услышать.

— Извинения приняты, ты же сделал это из хороших побуждений.

— Я всё делаю лишь из хороших побуждений.

Ага, прямо святоша в теле демона.

По возвращению в коттедж, я напомнила Азизу, что повязку на ране нужно менять ежедневно.

— На тебе прям как на собаке заживает, — размотав подсушенные бинты, не оставила я без внимания впечатляющую регенерацию его тканей, и получила в ответ неоправданную похвалу:

— Ты очень ответственный медик, Лина. Спасибо, что ухаживаешь за мной.

— Ты же это не серьёзно? Твоя рана это вообще-то мой косяк, и я просто отрабатываю свою карму.

— Да у меня последнее время такая жизнь стала, что меня кто угодно мог ранить. Но вот чтобы сбежать именно с тем, кто сможет в случае чего откачать, это, конечно, невероятная удача. Ты теперь мой персональный медик, Лина, — посмеялся Азиз.

— А ты тогда, получается, мой личный учитель, — поддержала я его шутку.

— Ну а что, чем могу, как говорится. Ты меня лечишь, я тебя учу — неплохой симбиоз.

Пожелав Азизу добрых снов, я отправилась в свою комнату и пролежала на кровати с открытыми глазами где-то около часа. Спать всё ещё не хотелось, во мне было столько энергии и хорошего настроения, что я готова была подскочить и танцевать на месте.

Сперва подумала, это от того что накануне я слишком поздно встала, но на самом деле на меня так сильно действовал очередной проведённый вечер в компании этого необыкновенного человека, который с самой первой нашей встречи вызывал во мне гамму разнообразных чувств и мыслей.

За этот довольно короткий промежуток времени, что я находилась рядом с Азизом, я открыла слишком много нового и в себе и в нём.

С каждым его взглядом, прикосновением и, даже просто слушая его плавный бархатистый голос, я всё больше ощущала, как внутри меня активируется некий внутренний магнит, который тянет меня к нему с невероятной силой.

В этот вечер Аз был таким чутким и заботливым, совсем не похож на того закрытого загадочного пациента, что после вечерних больничных процедур щекотал мою фантазию крайне интересными рассказами из своей жизни, или на того дерзкого наглеца, что так страстно приставал ко мне тогда в поле.

В этот раз он внимательно выслушал меня, искренне стараясь помочь справиться с моими внутренними терзаниями. И у него это на удивление получилось очень хорошо. Азиз будто дал мне посмотреть на мир его глазами.

Примерив на себя его философский взгляд на жизнь, я впервые за всё это время расслабилась по-настоящему, полностью доверившись потоку жизненных обстоятельств.

Да, я всё ещё переживала за своих родных, но это чувство больше не перекрывало мою собственную жизнь — не мешало мне проживать свой текущий опыт.

Я будто услышала язык своего тела, свои истинные ощущения и глубинные желания. Осознание того факта, что я просто есть захватило меня так сильно, и я лежала и кайфовала от того, что я просто дышу!

Продолжая переосмысливать своё отношение к жизни, я всё ловила инсайты и новые озарения, пока не почувствовала как эйфория накрывает меня с головой. Поняла, что больше не смогу лежать без дела. Резво вскочила с кровати и, пружиня от переполняющей меня радости, отправилась на веранду.

Выйдя в прохладную темноту, я вскрикнула от неожиданности, увидев там спокойно стоящего у перил Азиза.

— О, Лина, я не думал, что ты придёшь, — кажется, он был очень рад меня видеть.

При виде его моё хорошее настроение отчего-то резко удвоилось. Еле сдержав приветственную улыбку, что ещё мгновение и расползлась бы как у чеширского кота, я большим усилием воли сменила радушие на максимально безразличное выражение лица, на которое только была способна:

— Какого... Ты чего не спишь?

— Отсюда открывается такой захватывающий вид, что так и хочется беспрестанно любоваться им, — пояснил этот романтик-энерджайзер. — А тебе что не спится?

— Как оказалось, ты и правда учитель хороший, — не сумев сдержать распирающую меня изнутри энергию, я начала весело тараторить, — там, на берегу помог мне по-настоящему погрузиться в текущий момент, что меня до сих пор не отпускает это приятное чувство наполненности жизни. Мой мозг, видимо, просто не может справиться с этими новыми для меня впечатлениями и ни в какую не хочет отключаться.

— Иногда жизнь захватывает настолько, что от переизбытка чувств и эмоций действительно трудно уснуть или просто не хочется тратить на сон время, а хочется бодрствовать и ощущать это состояние счастья как можно дольше. Но если ты так быстро усвоила урок про жизнь между смертями, то сейчас у тебя есть очень хорошая возможность обрести не менее важный обратный опыт.

— Какой?

— Научиться умирать.

— В смысле? Не пугай меня так, Азиз.

— Засыпать когда тебе меньше всего этого хочется, но когда для этого уже пришло время — отличная практика, чтобы научиться отпускать всё то, что тебя держит в этом дне, который в данном случае служит прототипом самой жизни. Ведь это значит учиться расставаться со своими привязанностями, а это очень полезный навык, для того, чтобы, когда придёт время, уйти спокойно. Добрых снов, Ангелина. Иди и прямо сейчас постарайся уснуть, постепенно отрезая все свои даже самые приятные мысли.

«И как ему это так легко удаётся?» — думалось мне на обратном пути в свою комнату, — «так просто заставить меня что-то сделать и ведь чтобы я сама этого захотела!»

В детстве я была неуправляемым ребёнком, очень часто не слушалась родителей, всегда была очень свободолюбива. А тут, стоит только этому мистеру сэнсэю что-то сказать, как появляется какая-то внутренняя убеждённость, что он знает как лучше и хочется просто быть им ведомой...

Вернувшись в спальню, я очень долго пыталась перестать думать, представляя, как выключаю в своей голове мысль за мыслью, но этот урок Азиза так просто мне не дался — я смогла погрузиться лишь в поверхностный сон и то совсем ненадолго.

После этой небольшой перезагрузки я ощутила ещё больший прилив жизненных сил, и все дальнейшие попытки уснуть не принесли совсем никакого результата.

Бросив эту затею, я решила немного прогуляться. Учитывая особенности местного ландшафта, обулась, обеспечивая себе более полноценное сцепление с песком на склоне.

Спустившись на первый этаж, очень осторожно прошла выходу, чтобы не разбудить уснувшего прямо в одежде Азиза, что развалившись, по-хозяйски закинул свою сильную руку на невысокую спинку дивана.

Вышла за ворота и отправилась по уже привычному пути к морю. Ветер дул теперь реже, и можно было ощутить, как воздух напитан влагой.

Оказавшись на берегу, я легла спиной на песок и, полностью расслабилась. Разглядывая ночное небо, я по новой ощутила это непередаваемо приятное чувство единения с природой. Как же здорово, что Азиз научил меня хотя бы на время отпускать свои тревоги и

растворяться в настоящем моменте.

Хах, тоже мне учитель... Всего два дня с ним — и я с трудом себя узнаю. Мои реакции, поведение, внутреннее мироощущение — всё изменилось. Моё нутро совершенно точно претерпело какую-то трансформацию, корневую причину которой я пока ещё не могла уловить.

В памяти проносились самые тёплые воспоминания моей жизни, что, безусловно, пополнились тем, что я испытала за это недолгое время рядом с Азизом.

Где-то на периферии моего сознания мелькнула одна единственная неприятная мысль о том, что скоро мой неоправданный духовный подъём сменится на упадническое настроение от того, что торчать в этом месте, возможно, придётся долго, а мои родители за это время совсем с ума сойдут. Еле поборола в себе поток вытекающих следом вопросов о том, скоро ли решится проблема, из-за которой я здесь оказалась, и когда я смогу спокойно вернуться домой.

Пролежав так ещё достаточно долгое время, я почувствовала, что подмерзаю и подумала, что устроиться на скамейке веранды, укутавшись пледом, тоже будет довольно неплохо.

Подойдя к воротам, обратила внимание, что они распахнуты чуть больше, чем я их оставила. Предположив, что их сдвинуло порывом ветра, зашла во двор и застыла на месте.

Колёса внедорожника были спущены, а Азиз в доме теперь явно был не один.

Первым импульсом было желание бежать отсюда как можно дальше. Но, прежде чем скрыться, я должна была убедиться, что моего пациента нашли, чтобы точно знать, что меня больше никто не станет преследовать.

С бешено стучащим сердцем, так тихо, как только могла, я вошла через запасную дверь в столовую.

В гостиной был включен свет и слышны мужские голоса. На цыпочках подошла поближе к краю арки, разделяющей эти две комнаты, и замерла.

— Вспоминай, где тут ещё могут быть спрятаны документы, — властно прозвучал гнусавый баритон.

— Говорю вам, их нет в этом коттедже. Я показал уже все тайники, — спокойно отвечал Азиз.

— А я вот что-то тебе не верю.

— Да давай сами поищем, — отозвался другой мужчина. — На втором этаже вон вообще даже ещё не были.

Азиза явно нагнали его преследователи, и мне теперь по идее нужно было как можно скорее уносить отсюда ноги, пока меня не заметили, но какое-то жгучее чувство внутри меня не давало мне сдвинуться с места.

— На втором нет тайников. — Голос моего пациента слегка изменился.

— Да? А чего ты тогда так напрягся, — ухмыльнулся гнусавый и отдал другому указание, — Поднимись-ка, глянь чё там.

«А там ведь сейчас могла быть спящая я», — пронзила меня неприятная мысль.

— Стой, я сам вас проведу, — твёрдо произнёс Аз.

— А нафига? Если ты не знаешь, где там могут быть доки, — грубо оборвал гнусавый. — Жди здесь.

— Я сказал, что пойду с вами, — строго выдал Азиз, и тут же по звуку приняв удар в живот, глухо закашлялся. Моё тело на долю секунды обмерло, словно прочувствовав его боль

на расстоянии, а по моим щекам вдруг потекли слёзы.

— А я сказал — жди здесь, — заключил неприятный баритон и дал ещё одно указание напарнику: — Я сам схожу, а ты покрепче затяни ему верёвку на руках, а то больно резво прыгает.

Под скрип поднимающихся по ступенькам лестницы ботинок, я пребывала в глубокой нерешительности, пока не услышала какое-то вошканье, а затем ещё один неприятный звук удара и не смогла больше стоять на месте.

Стук моего сердца отдавался в голове пульсацией, которая резко участилась при мысли, что Азиза продолжают бить. Схватила стоявший возле меня на полу вазон, и, сжав его крепче в руках, выскочила из-за края арки.

По центру комнаты, согнувшись, стоял невысокий крепкий мужчина, и, отдышавшись, громко выдал:

— Он поднимается к тебе, у него ствол!

Получается, что били вовсе не Азиза, а он этого бандита. Я спряталась за выступ обратно, с ужасом понимая, что меня заметили.

— А это ещё кто тут у нас?

Вот же дура... Ну, конечно, этот крепкий орешек не дал бы себя в обиду, а я могла быть уже далеко отсюда!

— Кис-кис-кис. — От этого пробирающего холодом голоса меня всю затрясло мелкой дрожью.

Стоя на ватных ногах у самого проёма я замахнулась своим увесистым оружием, готовая обороняться.

Сердце пропустило удар, когда, среагировав на движение, я со всей силы опустила вазон — керамическое изделие, повстречавшись с внезапно задвинутой в комнату книжной полкой, с грохотом разлетелось на мелкие кусочки. А я, слишком поздно сообразив, что купилась на провокацию, рванулась к выходу, но сразу же была схвачена в грубые бандитские лапы.

— Вот это сюрприз! — больно заломив мне руки, мерзкий тип потащил меня обратно в гостиную. — А мы-то думали, что красавчик один тут загорает.

— Эй, Азиз, спускайся! Мы с твоей подружкой тебя уже жаждали, — громко проорал этот упырь прямо над моим ухом.

— Жаль, что его пока особо трогать нельзя, а то так бы и пришел на месте. — На лестнице показался обладатель гнусавого баритона.

Я попыталась вспомнить лицо бандита, что схватил меня тогда в диспансере, но ни этот, ни тот, что сейчас стоял позади меня — даже близко не напоминали мне его. Видимо, это был совсем другой тандем.

Прямо за гнусавым, держа его на мушке, спускался Азиз. При виде того, что меня схватили, его уверенное выражение лица мгновенно помрачнело.

— Бросай пушку, если не хочешь чтобы твоя девчонка пострадала, — в приказном тоне обратился к Азу коренастый упырь, ощутимо больно сжимая мои руки за спиной.

— С чего ты взял, что она моя? Я её вообще не знаю, — невозмутимо ответил ему тот.

— То, с каким рвением она кинулась тебя защищать говорит прямо об обратном. Отдавай уже ствол. Или тебе нужна дополнительная мотивация? — Я вздрогнула, когда холодная острая железка коснулась моего горла. Азиз тут же незамедлительно выполнил требование.

Гнусавый схватил пистолет и, подняв валяющуюся на полу верёвку, передал её второму:

— Красавчику покрепче закрути, чтобы как первый раз не получилось.

— Присаживайтесь, уважаемые, — шутканул коренастый и, не церемонясь, подтолкнул нас вперёд.

Мы оба сели на диван, и я нервно сглотнула, понимая, что теперь меня уже так просто никто никуда не отпустит. Несмотря на безвыходную ситуацию, простое нахождение рядом с Азизом каким-то чудесным образом позволяло мне сохранять внутреннее спокойствие в достаточной мере, чтобы не запаниковать окончательно. Сейчас его карие глаза смотрели на меня с глубоким чувством вины и сожаления.

Когда бандиты, наскоро обсудив дальнейший план действий, стали громко раскурочивать помещение в поисках тех злосчастных документов, из-за которых, по моим наблюдениям, и был весь сыр-бор, Азиз шёпотом сказал мне, чтобы я постаралась сильно из-за всего этого не переживать.

— Смотри, даже если эти козлы начнут угрожать тебе, не принимай это за чистую монету. Они так могут проверить — знаешь ли ты что-нибудь, а ещё и мою реакцию заодно посмотреть — можно ли с помощью тебя извлечь какую-то информацию из меня. Но я правда не в теме, где то, что им нужно.

Я молча кивнула и постаралась сконцентрироваться на чём-то хорошем, как совсем недавно учил меня Азиз. Сделала глубокий вдох и медленный выдох и ещё раз оценила обстановку.

Нас поймали и увидели, что я впрягаюсь за Азиза по собственному желанию, и могут наехать на меня, чтобы проверить на прочность. Аз не знает где то, что они ищут, и, скорее всего, нас с ним будут держать здесь или снова повезут куда-нибудь, а мои родители тем временем продолжают страдать — это всё очень плохо.

Но. Я жива, цела, убивать и причинять мне какой-то физический вред пока, вроде как, никто не намерен. А рядом со мной мужчина, с которым я чувствую себя в безопасности даже в крайне опасных ситуациях — и это хоть и довольно странно, но чертовски приятно.

Пока я рефлексировала, Азиз успел уже что-то придумать:

— Лина, смотри, — слегка кивнул он головой в сторону лестницы.

— Что там? — так же шёпотом спросила я.

— Видишь, осколки валяются?

— Да... Это я напрасно вазон разбила, — виновато прищурилась.

— А ты и правда хотела мне помочь? — радостные искорки мелькнули в глазах Азиза.

Я смущённо промолчала.

— Вовсе не напрасно, — подмигнул он мне, — нам бы как-то незаметно прихватить один кусочек...

— Чего разболтались, голубки? — донёсся неприятный гнусавый голос. — Вставайте, на второй пойдём копать.

Мы послушно двинулись в указанном направлении, и я на ходу попыталась разглядеть какие-нибудь небольшие и достаточно острые части разбитого мной предмета декора.

Один подходящий осколок отлетел прямо к подножию лестницы, но нас слишком быстро провели вперёд, и ни я, ни Аз не успели ничего придумать, чтобы как-то незаметно взять его.

Перевернув вверх дном и весь второй этаж, но, так и не обнаружив желаемого, упыри повели нас обратно, продолжив наседа́ть на Азиза:

— Ты ведь понимаешь, что лучше закончить эту игру как можно скорее? Или ты любишь драму и ждёшь, когда мы покажем тебя папочке?

— За отца я готов отдать вам всё, что у меня есть, но я правда не знаю где документы.

— А чё ты дёргался тогда, если тут нет ничего? — спускаясь по лестнице и ведя перед собой Азиза, продолжал возмущаться гнусавый.

— Да из-за девки своей, не понятно, что ли? — вклинился с утверждением коренастый, следуя последним за всеми нами, — вон как защищают друг друга, прямо Ромео и Джульетта!

Оба противно заржали, и я, воспользовавшись моментом, сделала вид, что подвернула ногу.

Коренастый тут же подхватил меня. А гнусавый, резко развернувшись на шум, не удержался, чтобы не вставить свои пять копеек:

— Что, детка, даже ножки от любви подкашиваются?

Этой пары секунд хватило, чтобы Азиз, быстро подняв кусочек керамики связанными руками, спрятал его в ладонях.

— Здесь где-нибудь могут быть спрятаны? — спросил у него гнусавый, когда мы все вышли наружу.

— Без понятия. Вы вообще в курсе, что я в стране практически не появлялся? И вообще бы не приехал, если б вы отца не подстрелили.

— Нет, красавчик, твоей автобиографией я, к сожалению, не интересовался. Копать мы сейчас точно ничего не будем. Ты в случае необходимости это сделаешь сам, когда Олег расскажет, где у него нычка.

— Заодно и местечко себе выроет, — продолжал веселиться коренастый упырь, подталкивая нас к воротам.

— Вы что сейчас к нему повезёте?

— Для начала достаточно будет показать ему трогательное видео с твоим участием. А так как он пока всё ещё в отключке, то какое-то время придётся вам пожить в менее романтичном месте, — гаденько поиграл бровями первый упырь.

— Девушку отпустите, будьте людьми, она тут вообще ни при чём.

— Ты же понимаешь, что мы мало что решаем. Отвезём вас шефу, а там уже видно будет. Ну, шевелитесь, давайте! А то до машины таким темпом так до утра не дойдём.

Нас повели той же дорогой, которой мы с Азизом шли, когда только сюда приехали. Скорее всего, преследователи так же не смогли проехать и оставили машину недалеко от обрыва. А может просто не хотели шуметь и привлекать внимание раньше времени.

Периодически нас подгоняли, но Аз делал всё возможное, чтобы идти как можно медленнее, а я, прекрасно понимая, зачем он это делает, как могла старалась отвлекать от него внимание.

Когда мы стали подниматься по склону с другой стороны ограждения, Азиз подмигнул мне, намекая, что он, наконец, справился с задачей и в любую секунду готов освободить свои руки от верёвки.

— Пацаны, знаете, чего я не люблю больше всего на свете? — начал он разговор.

— Да нам пофиг, — лениво откликнулся коренастый.

— Это когда меня будят посреди ночи.

— Отоспишься ещё, — гнусаво проговорил первый.

— На том свете, — добавил второй юморист. Оба снова закатились противным смехом, и Аз, кивнув головой, дал мне команду к действию.

Азиз немедля толкнул своего сопровождающего, и тот не удержав равновесие, покатился вниз. В это же самое время я тоже, что было сил, пихнула плечом шедшего рядом со мной упыря, но тот только слегка покачнулся, и уже собирался достать пистолет, как мой пациент, бойко схватив его двумя руками, отправил следом за напарником.

Не теряя ни секунды, Аз осколком надрезав мою верёвку, разорвал её и, подхватив меня под руку, помог поскорее забраться наверх. Ступив на ровную поверхность, мы стремительно побежали вперёд. Бандитской тачки не было видно.

Добежав до пролеска, я немного сбавила ход, чтобы перевести дыхание. На моей руке была кровь. Азиз, вероятно, поранил меня, когда в спешке освобождал от пут, но боли я почему-то не чувствовала.

— Куда мы бежим? Они вооружены и догонят нас скоро... Может, лучше успеть спрятаться?

— Я вчера недалеко отсюда проезжал какой-то опен-эйр. Если его ещё не свернули, то скроемся там. Лина, соберись, — Азиз взял меня на руки и, слегка закусив губу, продолжил движение вперёд, тем самым давая мне возможность полностью восстановить дыхание.

Я увидела, что кисть его руки тоже была вся в крови. Неужели его рана стала так сильно кровоточить, а я в этой суматохе даже не заметила?

Мне стало очень неловко, оттого что битый небитого везёт. Вспомнила, как ещё совсем недавно меня просто переполняло энергией, и постаралась вновь ощутить эту бодрящую силу духа внутри себя.

— Я сама, Аз.

— Уверена, что сможешь бежать достаточно быстро? Иначе не оторвёмся.

Я кивнула головой, и как только Азиз выпустил меня из своих рук, я побежала со всех ног в указанном направлении. В какой-то момент он даже немного отстал от меня.

Мы неслись как ветер так ещё несколько минут, пока не услышали громкие раскаты музыки.

Впереди было что-то вроде палаточного городка, и мы перешли на лёгкий бег, чтобы

отдышаться и немного привести себя в порядок. Смахнула крупные капли пота со лба, и прошлась рукой по своим недлинным волосам со всех сторон как расчёской.

По периметру всё было обнесено невысоким проволочным забором, а чуть поодаль справа виднелся вход внутрь. Там стояла охрана. Нам повезло, что была глубокая ночь, и мы быстро перелезли через преграду, пока никто не видит.

Судя по всему, это был какой-то фестиваль электронной музыки, так как народ активно тусовался даже в это время суток.

Пройдя сквозь бесчисленные ряды палаток, мы заметили, что практически у всех людей здесь было надето что-то светящееся — у кого-то это были ободки на голове в форме рожек или ушек, у кого-то браслеты на руках и шее. И в целом стиль одежды был своеобразным. Девушки были одеты максимально откровенно. А у парней брюки были обязательно с какими-то нашивками или же просто порезаны.

Азиз взял меня за руку и затянул в одну из палаток.

— Ты что делаешь! — от неожиданности я невольно зашипела на него, — тут же мог кто-то быть!

— Как видишь, нам повезло, — довольно улыбнулся Азиз.

— Но ведь могут прийти! Пошли отсюда скорее, — я потянула его обратно, но он снова не поддался мне.

— погоди. Нам нужно постараться слиться с толпой. — Азиз захватил ткань с двух сторон своей ноги и резкими рывками надорвал джинсы в нескольких местах.

— Эй, ты чего! — воскликнула я возмущённо, когда он, бесцеремонно взяв меня одной рукой за нижнюю часть бедра, второй хотел приняться и за мой внешний вид.

— Лина, я знаю, что тебе не по душе короткие юбки, но в этом наряде на общем фоне ты слишком заметная, — без лишних уговоров одним движением он оторвал добрую половину подола моего платья.

— Это слишком коротко! — Азиз явно перестарался, так как юбка теперь едва ли скрывала мои ягодицы. — Я в этом никуда не пойду! Стоит слегка подуть ветру и всё будет на виду...

— Вот это точно ветром не раздует, — выудив из чьей-то походной сумки короткие джинсовые шортики и ярко-оранжевый топ с изображением скорпиона, протянул их мне. — Надевай.

Понимая, что в любой момент в палатку могут зайти, я так быстро как только могла начала переодеваться, предварительно попросив закрыть глаза своего пациента, который с недавних пор как-то незаметно переквалифицировался в моего учителя.

— Ну что готова? — Азиз осторожно выглянул наружу, проверив, есть ли кто-нибудь у входа.

Нам снова повезло, и мы свободно вышли, направившись прямо к центру сборища, где располагался диджейский пульт. Там было больше всего народа, и, войдя в область танцплощадки, мы растворились в толпе.

Я чувствовала себя крайне напряжённо, ведь внутри меня неприятным тяжёлым комом оседало понимание того, что я нарушаю слишком много правил. Начиная с того, что, вопреки своим убеждениям, позволяю себя обнимать малознакомому мужчине, да ещё и с однозначно тёмной личностью, и, заканчивая тем, как мы, обходя охрану, проникаем на чей-то закрытый фестиваль, лазим по чужим палаткам и сумкам, воруем одежду... Последнее, конечно, от безысходности, но от этого моя совесть чище не становилась.

Помимо прочего, внутри меня по новой раскручивались опасения относительно возобновившегося за нами преследования. Мне всё казалось, что среди мелькающих вокруг меня незнакомых лиц, я вот-вот увижу те неприятные два.

Азиз тоже отличался от остальных рейверов более серьёзным видом, но по другой причине. Судя по всему, после побега его рана дала о себе знать, потому что сейчас он одной рукой слегка придерживал свой бок.

Видя моё подавленное состояние, он стал снова искренне подбадривать меня. Музыка играла громко, но открытое пространство моментально разносило звуковые волны по всей округе, и, находясь на небольшом расстоянии, мы хорошо друг друга слышали.

— Лина, постарайся расслабиться.

— Ты прикалываешься? Теперь меня просто так уже точно никто никуда не отпустит! Ведь они считают, что я твоя напарница... У меня был такой шанс освободиться, а я его профукала!

— Я очень рад, что у меня появился союзник в твоём лице, — тепло улыбнулся Азиз.

— Э, нет. Поддерживать человека, который может оказаться убийцей или пусть даже замешанным в чём-то не менее ужасном, я не собираюсь... Это был просто самоанализ!

— Ты не сможешь заниматься самокопанием вечно. Помнишь, о чём мы недавно с тобой говорили? Жизнь — есть только здесь и сейчас. Это такая простая истина, которая позволит тебе быть счастливой, не смотря ни на что. Вряд ли нас будут искать именно в этом месте, но если вдруг станут, то им будет куда сложнее это сделать, когда мы по-настоящему сольёмся с толпой. А для этого, Лина, нам нужно танцевать. И если от этого ты ещё и получишь удовольствие, то считай, что жить между смертями ты научилась. Ты когда-нибудь была раньше на рейве под открытым небом?

— Я и на обычном то никогда не была.

Расположенные по периметру довольно обширного танцпола колонки работали на полную мощь, распространяя настолько качественный звук, что проходил прямо насквозь тебя.

Толпа восторженно загудела, когда трек с довольно быстрым битрейтом плавно сменился на какой-то медленный проигрыш с космическими нотками.

Раньше я не слышала подобной музыки, мой плейлист в основном состоял из песен, что постоянно крутили на популярных радиостанциях. Но эта необычная мелодия оказалась настолько пробирающей, что по всему моему телу пошли мурашки.

Народ вокруг нас тоже был словно в экстазе, многие поднимали руки и головы, даря небу свои счастливые улыбки. Этот их настрой немного разрядил моё напряжение, и, когда Азиз неожиданно подхватив мою ладонь своей, устремил и наши руки вверх, я почувствовала, как жадное желание жить вновь захватывает меня полностью.

Где-то внутри меня начала закипать та накопленная энергия, что ещё недавно не позволяла мне уснуть. Но на этот раз всё ощущалось настолько сильно, что, казалось, даже мои глаза стали излучать этот внутренний свет.

Азиз посмотрел на меня с восхищением. Улавливая моё состояние, он определённо почувствовал мою готовность к чему-то невероятно прекрасному и тут же смело закружил в танце. А музыка тем временем продолжала плавно наращивать мощь октав, погружая в глубину своего смысла, что без единого слова уносило сознание прямо в космос, растворяя границы между всеми присутствующими.

Удивительно, но даже после недавно пережитых сильных страхов, боязнь за свою жизнь

стала постепенно исчезать из поля моего внимания. А фоновую тревогу за родителей я, по рекомендациям Азиза, тоже научилась отключать. И сейчас, несмотря на изрядно усложнившуюся ситуацию, в которой я оказалась — я начала испытывать лишь те чувства, которые мне дарил настоящий момент.

Наступал рассвет. Меня по-настоящему захватило окружающей атмосферой, и тогда я, наконец, осознала, как это работает — стоит только отпустить все свои страхи и тревоги, как жизнь мгновенно преобразуется. Сознание будто выныривает из глубокого тёмного дна на поверхность и впервые встречается с лучами солнца, что отогревают душу и дарят чувство полноты жизни.

Слушая своё тело, я двигалась в такт музыке, осторожно ведомая вызывающим во мне яркие эмоции мужчиной, притяжение к которому стало настолько сильным, что мне трудно было устоять, чтобы вновь не прижаться к Азизу. В одно мгновение нас в самом деле словно примагнитило друг к другу, и я покорно приняла его встречное объятие.

Я стала пьяной от захлестнувших меня сильных чувств и эмоций. А он вдруг взял и так просто поцеловал меня в губы. Мои глаза сами закрылись от этого чувственного наслаждения, и мне показалось, что мы оба словно отрываемся от земли, улетаая куда-то далеко за пределы галактики.

Когда я открыла глаза, Азиз смотрел на меня с невероятной теплотой и такой ясностью, в которой читался безумно сильный интерес ко мне. Я еле сдержалась, чтобы снова не отвести свой взгляд.

В его зрачках блестели искры желания познать меня, обладать мною. Обжигающее моё нутро прикосновение его горячей ладони к моей щеке окончательно вогнало меня в трансовое состояние бездействия. Не в силах прекратить его почти невесомые ласки, я дрожала всем телом, получая просто нереальное удовольствие от прикосновений.

Из этого сладкого дурмана нас вытащил громкий мужской голос:

— Девушка! — обращались определённо ко мне.

Тревога вмиг вернулась, и, резко обернувшись, я увидела двух местных рейверов: молодых мужчину и женщину, что оба с не очень дружелюбными выражениями лица требовали отойти вместе с ними подальше от танцпола.

— Что-то случилось? — поинтересовался Азиз.

— Да, это мы и хотим с вами обсудить.

Это были, конечно, далеко не наши преследователи и даже не местные охранники, но их серьёзные лица говорили сами за себя. Переглянувшись с Азизом, мы последовали за этой грозной парочкой.

Догадываясь, чем мы им не угодили, я всё же испытывала неприятное ощущение от того, что это вполне может оказаться ловушкой.

— Можешь мне объяснить, что на тебе делает одежда моей жены? — стоило нам отойти в менее людное место, стал наезжать на меня мужчина среднего роста, одетый в ярко-салатовую футболку и укороченные рваные джинсы.

Та, про которую шла речь, стояла рядом с ним и с надутыми от досады губами молча поддакивала ему кивками головы, покрытой длинными чёрными волосами.

— Эм, ну... — ожидая подобного вопроса, я, всё-равно растерялась, совсем не зная, что мне им ответить.

— Это одежда моей девушки, — уверенно дважды соврал Азиз.

— Не надо, Аз...

— Ну да, не смешите меня, — вступив в разговор, возмутилась своим тонким голоском миниатюрная смуглая девушка. — Этого скорпиона на топе я сама рисовала. Такой одежды ни в одном магазине нет. И у меня как раз чудным образом сегодня ночью пропали именно такие вещи, что я сейчас вижу на ней, — обиженно зыркнула она в мою сторону.

— Извините меня, пожалуйста, я просто... — начала было оправдываться, как Азиз, перебив меня, снова взял слово.

— Мы одолжили у вас одежду, потому что другого выхода у нас просто не было.

— Вы что, под чем-то? — выдала нелестное предположение она.

— Фу, нет! Я никогда не употребляла ничего такого... — меня это сильно задело, так как я всегда негативно относилась к тому, на что она сейчас намекала.

— Просто верните мне мою одежду назад, и всё забудем.

— Подарите нам эти вещи? — невозмутимо попросил Азиз, в то время как внутри меня всё продолжало закипать от мысли о том, за кого они нас приняли. — Оставьте свои координаты или номер счёта и как только смогу, я щедро возьму вам все убытки.

— Ребят, если у вас проблемы, то мы своих в беде не бросаем, — заговорил мужчина более мягким тоном, — берите что надо.

— Мне бы ещё где-нибудь чистые бинты добыть, — приподнял футболку Азиз, продемонстрировав изрядно намокшую кровавую повязку.

— Кто ты, воин? — пошутив, девица тоже оттаяла и, махнув рукой, предложила пройти к ним в палатку. — Поможем, чем сможем, заодно позавтракаете вместе с нами, да и познакомимся хоть по-человечески. Меня, кстати, Неля зовут. Мужа — Рустам. А вас как?

— Меня — Азиз, а девушку Ангелина.

— Красивые имена. Слышала, как Ангелина тебя Аз назвала, и почему-то подумала, что тебе бы пошло полное имя Азазель, — ведя нас за собой, Неля повернула голову и настолько очаровательно улыбнулась моему пациенту-учителю, что мне сразу стало отчего-то не по себе.

— Азазель — демон пустыни, что-то в этом есть... — задумчиво проговорил Азиз. — По пустыням я в своё время немало успел побродить.

— А также он считается падшим ангелом, так что вы прям как Инь и Янь, тёмный и светлый ангел, — поддержал обсуждение Рустам. — Вы и правда очень красивая пара.

— О нет, мы на самом деле не пара, — замотала я головой.

Наши новые знакомые с сомнением поочерёдно взглянули на меня, ничего на это не ответив, и мне показалось, что они вновь вернулись к теории, что сейчас я просто не в

адеквате.

Подойдя к уже знакомой палатке, мы по очереди забрались внутрь, и Рустам зажёг яркий переносной ночник в форме простого белого шара. Пространство внутри при освещении выглядело не таким маленьким, как показалось мне изначально.

Неля покопалась в дорожной сумке и протянула Азизу аптечку.

— Как относитесь к бутербродам с тофу? — поинтересовался её муж, разливая из термоса в чашки дымящийся ароматный напиток.

— Отличный завтрак, — ответил Азиз, а я, кивнув головой, молча с ним согласилась, хоть озвученное блюдо мне не понравилось, когда однажды сестра угощала меня им.

— Кто тебя так? — попыталась выяснить Неля, кивком головы указывая на раненый бок Азиза.

— Просто так вышло. Не самый хороший период в жизни, — не стал вдаваться в подробности Аз, отпив горячего чая.

— Что у вас случилось-то? — продолжала дознаваться длинноволосая смуглянка, изучая Азиза заинтересованным взглядом.

— Наткнулись на плохих ребят, остались без денег, связи, но зато с сувениром на память, — указал на свою рану мой пациент-учитель.

— Вас обокрали, получается? — выпытывала детали Неля.

— Можно и так сказать. Кстати, вы в город не подбросите?

— Без проблем, — добродушно согласился менее любопытный Рустам. — Фест как раз послезавтра сворачивается, так что оставайтесь с нами, потусим ещё немного, и вместе поедим потом.

— Это долго. У нас срочные дела.

— Ну, тогда могу вас до ближайшей деревни подкинуть, а там уже на любой автобус пересядете и до города без проблем доберётесь.

— Было бы неплохо.

Закончив трапезу, я обработала руки спиртом и принялась осторожно снимать алые от крови бинты Азиза. Тот едва заметно хмурился, а когда рана полностью оголилась, я поняла почему.

— Тебя что прям в это место ударили? Выглядит не очень, представляю, как, наверное, болит. Не понимаю, как ты ещё бежать и нести меня умудрялся, а потом танцевать... Ребят, у вас есть обезболивающие? — осмотрев рану, обратилась я к семейной парочке.

— Конечно, сейчас, — засуетилась Неля.

— Не надо, — остановил её Азиз. — Боль привлекает внимание к нуждающемуся в исцелении месту не случайно. Наши регенеративные клетки так активней принимают сигнал к действию, и если его не заглушать, то они гораздо быстрее сделают свою работу.

— Так вот в чём секрет твоего ускоренного заживления. Ну, терпи значит, сейчас мне придётся вокруг мест, где разошлось, немного обработать, — предупредила я своего пациента и продолжила уход за повреждённым участком кожи.

Когда я закончила перевязку, ребята как и обещали повезли нас в ближайший населённый пункт.

Я села на заднее сиденье чёрно-зелёного «форда фокуса» вместе с Нелей, и она почти сразу же начала мне что-то с воодушевлением рассказывать. В салоне играла подобная недавно услышанной электронная музыка, и Азиз с Рустамом, впереди обсуждая что-то своё, тоже были на своей волне.

— А вы давно вместе? — после откровенного рассказа про знакомство со своим мужем на одной из таких же рейв-тусовок, от Нели последовал вполне ожидаемый вопрос личного характера.

— Мы вообще не пара, — заговорила я почти шёпотом, давая собеседнице понять, что мне не хотелось бы это обсуждать во всеуслышание. — Я ведь уже говорила.

— Странно, а я была уверена, что вы муж и жена, ну или хотя бы просто давно встречаетесь, — поддержав меня, произнесла она чуть тише. — Вы внешне так сильно подходите друг другу. Будто и правда два ангела, чёрный и белый.

— Так это же полные противоположности, мы и внутренне такие же разные.

— Это и притягивает обычно. Вы как разные магнитные полюса. Ток течёт только между разно заряженными частицами. А между вами такой сильный потенциал, что электричество чуть ли не искрит — это же сразу видно.

Я не стала что-либо больше говорить, но от этого её наблюдения моё настроение почему-то улучшилось.

— Уже подъезжаем, — громко объявил Рустам. — Вот за тем переездом деревня начинается.

Я посмотрела на дорогу и увидела впереди полицейский пост. Азиз тоже его заметил и сразу же попросил высадить нас прямо здесь.

— Да довезём мы вас уже, тут осталось то...

— Останови, Рустам, мы выйдем сейчас, — сказал Аз уже более настойчиво.

— Что вы будете пешком по пыльным дорогам мотыляться? Подкину уже прямо к остановке, подождём с вами автобус, и проезд вам сразу оплачу, у меня с собой только карта. У вас же вроде как вообще денег нет с собой?

Переезд опасно приближался, и Азиз прямо потребовал:

— Тормози. Дальше мы сами.

— Окей, Азазель, а ты точно никого не завалил? — сворачивая к обочине, шутя поинтересовался Рустам, а в глазах его жены читалось то же, что и в моих, когда я впервые увидела в руках Азиза оружие.

Я и сама в этом не уверена...

Спешно попрощавшись с нашими новыми знакомыми, мы с Азизом направились в сторону небольшого пролеска, иногда оглядываясь на полицейский пост, чтобы убедиться, что оттуда нами никто не заинтересовался.

— И что теперь будем делать? — обратилась я к Азизу, как только мы скрылись за высокими пышно зазеленевшими деревьями.

— В первую очередь нам нужно постараться добраться до ближайшего города. Там у меня есть знакомый, который может помочь.

— И ты предлагаешь отправиться к нему пешком? Сколько нам так придётся идти — сутки?

— У меня есть одна мысль, но, боюсь, она тебе не понравится.

— Что, опять будешь кому-то угрожать?

— Нет, просто хотел угнать здесь машину, — Аз кивнул головой в сторону посёлка.

— Просто угнать?! Нет, это уже перебор... Я в этом учувствовать не буду! Есть ещё идеи, падший ангел?

— Можем попробовать заработать немного денег честным трудом, а затем отправиться в город на автобусе, — предложил Азиз и иронично добавил, — во имя добра, Ангелина.

— Счёт три три, мистер зло. Второй вариант мне больше подходит.

Пройдя быстрым темпом ещё несколько минут, мы увидели впереди искомое селение и немного сбавили шаг.

— Что ж, получается, что те оставшиеся две жизни-звонка другу сторели просто так, а я могла хотя бы позвонить родным, ведь нас всё-равно нашли...

— И мне интересно как им это удалось, — Азиз заметно нахмурился, а я смущённо закусил губу, потому что в моей памяти резко всплыл момент, как я тогда, изрядно приняв на душу, копалась в его рюкзаке и, не удержавшись, написала Алёнке сообщение.

— Аз... — решила признаться, так как в последнее время итак делала много всего непозволительного, что уже начинало давить на меня изнутри грузом вины. — Я хотела сказать, что брала твой телефон...

— Тебя поэтому не было в спальне этой ночью? Ушла позвонить, когда я уснул?

— Эм, нет. Я отправила эсэмэску сестре ещё тогда в поле, — пояснила я и, увидев изменившееся выражение лица моего сэнсэя, поспешно добавила: — Упс...

— А я голову ломал, как они нас выследили. Уже всякое разное на своих парней думал... И что там было?

— Где?

— Что ты отправила в том сообщении?

— Что-то вроде того, чтобы моя сестра договорилась с моим начальством и написала за меня на работе заявление на отпуск, и показала его родителям, для того, чтобы они может так поверили, что я и правда сейчас в отпуске.

— Почему ты мне сразу не сказала? Я ведь предупреждал, что просто так пользоваться связью чревато.

— Да я практически ничего не помню с того вечера! Я ведь до этого никогда не пила так много, ещё и чтобы настолько крепкого напитка, мало что понимала тогда...

— Что, и наш первый поцелуй тоже не помнишь?

О, это воспоминание останется со мной на всю жизнь...

— Не особо, — безразлично хмыкнула я.

Деревушка на первый взгляд показалась нам совсем небольшой. Со стороны леса, откуда мы вышли виднелась только одна главная дорога, вокруг которой были разбросаны простые невысокие дома.

— А ты сюда ездил закупаться?

— Нет, чуть дальше есть ещё районный центр, а здесь как-то совсем пустынно.

— Думаешь, мы тут сможем найти себе какую-то подработку?

— Всегда есть второй вариант.

— Ну уж нет, пошли знакомиться с местными жителями!

Пройдя вдоль крайних совсем уж обветшалых домишек, при виде которых хотелось лишь бескорыстно помогать, точно не прося ничего взамен, мы с Азизом остановились у одного более менее приличного дома, у ворот которого мирно спала большая чёрная собака.

— Ищите кого-то? — поймали на себе подозрительный взгляд выглянувшего из-за ограждённого участка пожилого мужчины, что был одет в серую выцветшую кофту и вытянутые в области колен кальсоны.

— Здравствуйте! — добродушно обратилась я к нему. — Мы хотели бы узнать, не нужна ли вам какая-нибудь помощь? За весьма символическую плату...

— Чавой? Не понял ничего... — дед определённо плохо слышал, и я подошла чуть ближе, озвучивая свой вопрос уже громче:

— Мы хотели у вас узнать...

Договорить мне не дал большой белый гусь, что громко загагатав подбежал и, шипя, попытался щипнуть меня за ногу, просунув свою голову сквозь деревянные прутья забора.

Совсем не ожидая такого нападения, вскрикнув, я отпрыгнула назад, уткнувшись спиной в Азиза. Тот поймал меня и, обняв, отвернул от следом залаявшего пса, что среагировав на данную ситуацию, резко соскочил со своего места.

— Тише, всё хорошо, — умиротворяющим голосом произнёс Азиз, и хоть я всегда очень сильно боялась агрессивно настроенных собак, в крепких руках моего защитника мне стало совсем не страшно.

— Баря, сидеть! — На созданный нами переполох из дома вышла женщина лет пятидесяти и, усмирив своего четвероного охранника, поинтересовалась, с какой целью мы пожаловали.

— Мы бы хотели заработать немного денег, — вновь осмелев, я выдвинулась вперёд, по новой озвучивая своё предложение. — Может вам нужна какая-то помощь?

Женщина осмотрела нас с ног до головы, явно недоумевая, почему мы пришли именно к ним, да ещё и с такой просьбой.

— Деточка, да мы тут совсем не богато живём, вы бы лучше в город работать поехали.

— Нам туда и надо! — бойко подхватила я. — Но у нас просто совсем нет денег...

— А что у вас случилось такое? Вы вообще откуда приехали?

— Понимаете, — теперь заговорил Азиз, — мы путешествуем автостопом, но недавно нас обокрали, и мы бы хотели предложить вам какую-нибудь посильную помощь, чтобы заработать на автобус до города.

— А, ну коли так, то на автобус я вам найду, сумма-то не такая большая...

Женщина ненадолго скрывшись в дверях, вышла с небольшим кошельком в руках.

— Вот держите, — подошла она ближе к ограде, протягивая нам свёрнутую купюру.

— Благодарю вас, но мы бы хотели именно заработать эти деньги. — Азиз как-то загадочно взглянул на меня. — Для моей девушки это принципиально важно.

— Ох, ну коли так, то проходите тогда в дом. Так уж и быть, придумаю для вас что-нибудь.

Женщина кивнула, приглашая нас внутрь, и, проходя мимо грозно сидящего у ворот пса, я неконтролируемо крепко вцепилась в руку Азиза, сердито шепнув ему на ухо:

— Хватит уже меня всем представлять как свою девушку!

— Обман иногда спасает жизни, Лина.

— Вы, наверное, голодные? — заботливо поинтересовалась хозяйка дома, проводя нас на кухню.

— О, нет, спасибо, мы утром перекусили, — не желая обременять добрых людей ещё больше, я поспешно ответила за двоих.

— Ну так то было утром, а сейчас уже скоро обед. Так что давайте не отказывайтесь. У меня тут галушки как раз довариваются. Арина! — позвала она кого-то в доме.

— Что? — В дверях показалась симпатичная девушка, лет двадцати, и при виде Азиза очень заметно смутилась.

— Аря, помоги на стол накрыть, у нас сегодня гости.

— Конечно... Сейчас. Здравствуйте, — сбивчиво пробормотала она, и забавно покрываясь румянцем, приступила к выполнению просьбы.

— А сами-то откуда будете? — любопытствовала хозяйка.

— С центрального региона, — неопределённо ответил Азиз.

— Далековато вас занесло. Давно уже путешествуете?

— Да, это наша страсть.

— Страсти никогда до добра не доводят, — поучительно проговорила она, и когда всё уже было накрыто, познакомила нас со своими домочадцами, которые так же пришли отобедать.

За небольшим прямоугольным столом, покрытым ярко-цветочной тканевой скатертью, напротив нас разместился её отец — тот старичок с огорода, муж — крепкий мужчина лет пятидесяти пяти и дочь Арина.

— Старшая за границу вообще уехала, а младшая вот в том году в город поступила учиться. Аря уже скоро на сессию поедет. Всё в город нас тянет. Но нам-то куда? Жили здесь всю жизнь и помирать в родном краю будем, — делилась с нами деталями из жизни своей семьи Альфия Равильевна, пока все с аппетитом поглощали отварные кусочки теста, щедро приправленные домашней сметаной.

После обеда эта очень гостеприимная женщина добродушно предложила нам немного отдохнуть и разложила диван в гостиной. Мы не отказались, так как на самом деле очень устали.

Азиз лег на здоровый бок и сразу же отключился, а я прилегла напротив и, не в силах отвести глаз от его спящей фигуры, всё скользила взглядом по его ровным красивым чертам лица.

Его закрытые глаза обрамляли густые длинные ресницы, между аккуратными чёрными бровями брала начало прямая тонкая переносица, а его выразительные губы были плотно сомкнуты.

Разглядывая его, я почувствовала, как меня вновь наполняет тем теплом, что я ощутила тогда рядом с ним на берегу Каспия. Это воспоминание вызвало на моём лице довольную улыбку.

Поймала себя на мысли, что просто боюсь себе признаться в том, что впервые влюбилась по-настоящему.

Когда я встречалась с парнем в училище, у меня таких сильных чувств и близко не было.

Мой бывший тогда так настойчиво ухаживал за мной, что в итоге у меня просто

сработал интерес, узнать, что вообще такое отношения. Но они и закончились без какого-либо сожаления, словно между нами никогда и не было ничего.

Азиз... Этот загадочный мужчина будто открыл во мне меня. Зажёг мою женскую природу, что теперь стремилась слиться с его сильной мужской энергией, дабы воссоединившись, стать одним целым.

И чем отчётливее это чувство отзывалось во мне, тем больше я старалась его скрыть, хоть и выглядело это по-детски глупо.

Я всё продолжала всматриваться в этого спящего тёмного ангела, будто таким образом пыталась заглянуть ему прямо в душу, чтобы узнать, что же там скрывается на самом деле.

С замиранием сердца поняла, что меня на полном серьёзе очень сильно к нему тянет и теперь это так просто никуда не исчезнет.

«Вот же вляпалась...» — при этой мысли сразу же вспомнила о своей семье и моя глупая улыбка тут же сошла на нет.

Хорошо, что я тогда написала сестре. Пусть мы снова в бегах, но зато теперь у меня есть одна маленькая надежда на то, что Алёнка всё-таки подыграет мне, дабы хоть немного сбересть нервную систему наших родителей.

В этих переживаниях я тоже постепенно уснула. И мне приснился довольно тревожный сон, как я всё убегаю по тому лесу, а Азиза рядом со мной больше нет. Без него мне очень страшно, я уже почти выбилась из сил и понимаю, что если остановлюсь, то меня тотчас схватят те мерзкие лапы, что тогда больно заламывали мне руки в коттедже. Когда мой преследователь почти нагоняет меня, я падаю и мгновенно оказываюсь в каком-то тёмном месте. Слышу, как высокая железная дверь отпирается снаружи, вижу мерзкую ухмылку бандита-упыря и, вздрагивая, просыпаюсь.

С бешено стучащим сердцем резко села и огляделась в попытке понять, где же я сейчас нахожусь. Осознание пришло почти мгновенно, и я с облегчением выдохнула.

Я была одна в комнате, Азиза рядом не было, а где-то из глубины дома как-то необычно доносился его голос. Я прислушалась и поняла, что он говорит на другом языке.

— У тебя такое чистое произношение! — восхитилась Арина и задорно продолжила, — *this is very interesting! And then what happened?*

После слов девушки, Азиз продолжил своё повествование на английском, и та периодически взрывалась звонким смехом.

Вспомнила наши с ним самые первые встречи в больничной палате, когда и я была так же очарована рассказами этого очень интересного мне тогда незнакомца. С того времени мой интерес к нему только вырос, и подслушивая сейчас, почувствовала как меня раздражает это их милое общение.

Не желая быть замеченной, очень тихо пробралась к входной двери и вышла из дома. К моему счастью, Бари нигде не было видно.

Мне хотелось просто подышать свежим воздухом и немного прийти в себя — после неприятного дневного сна на душе было крайне неспокойно.

Наведив местный уличный туалет, я прошла за ограду и направилась вдоль главной дороги, скорым шагом разгоняя своё хмурое настроение.

Прошла несколько домов и увидела в стороне речушку. Свернула направо и через несколько минут разместились прямо на земле, наблюдая, как по течению плывут редкие ветки деревьев.

Странно, но вода снова очень быстро успокоила меня. Правда, ненадолго. Завидев

идушего ко мне Азиза, моё сердце неконтролируемо участило свой ход.

— Ты куда убежала? — спросил остановившийся возле меня Аз.

— Я не убежала, а просто вышла прогуляться.

— Почему меня не позвала?

— А что должна была? — повернув голову, я с вызовом посмотрела на него.

— Не забывай, что нас ищут. Лучше держаться всегда вместе.

Всегда... Это слово и напугало и воодушевило меня одновременно.

— Просто не хотела вам мешать.

— Кому мешать?

— Вам с Ариной. Вы там что-то так активно обсуждали на кухне, когда я проснулась.

— Я помог ей потренировать разговорный английский. Когда она сказала, что у неё скоро экзамен по этому языку, я любезно предложил её свою помощь.

— Ну вот видишь, а если бы я вас отвлекла, то так бы и не помог девушке подготовиться, — старалась говорить я как можно спокойнее, но голос с потрохами выдавал моё истинное отношение к этой ситуации.

— Лиана, ты что ревнуешь? — задал он вопрос прямо, от которого все волоски на моем теле вмиг встали дыбом.

— С чего ты это взял?! — выдала я максимально правдоподобное удивление. — Они так добры к нам, и ты молодец, что хоть как-то отблагодарил за то, что они нас приютили. Тебе, кстати, ещё не сказали, как бы мы могли заработать те деньги?

— Да, работа уже ждёт нас.

Азиз привёл меня в небольшой сарай. Внутри было довольно темно, пахло зерном и сеном.

Проходя мимо клетки с кроликами, я остановилась понаблюдать за этими милыми животными, а Аз, открыв дверцу, поймал одного из них.

— Держи, — протянул он мне крольчонка.

Смущённо улыбнувшись, я отказалась, опасаясь, что длинноухий малыш может меня укусить.

— Ты что никогда раньше не держала в руках кролика? — догадался Азиз.

— Я выросла в городе. И почти всех животных видела только на экране телевизора.

— Что ж, настало время познакомиться с живой природой поближе, — мой персональный сэнсэй подошёл ко мне, дав возможность прикоснуться к этому пушистому комочку.

— Какой ты хороший, — я обратилась к малютке, осторожно проводя пальцем по его мягкой тёплой спинке. — Сейчас мы уберёмся у тебя в домике, если ты, конечно, не против.

— Я думаю, он совсем не против, но мы здесь не для этого.

— А для чего?

— Нам нужно пройти ещё немного вперёд. — Вернув ушастика обратно в клетку, Азиз повёл меня дальше.

— Нам нужно убрать стойло для коровы? — выдала я предположение, когда мы, пройдя ещё один дверной проём, увидели бурёнку.

— Не совсем, — загадочно проговорил Азиз и, взяв с табурета ведро, поставил его под налитое молоком вымя, — нам нужно будет надоить молока.

— Что?! — мои глаза округлились от удивления. — Сразу говорю — я не умею! Что тут ещё нужно сделать?

— Только это, — весело улыбнулся Азиз и напомнил: — Это была твоя идея заработать честным трудом. Прощу, — пододвинул он табурет поближе к корове.

— Ну нет! — направились я к выходу, планируя попросить у хозяйки любую другую работу, но тут же была остановлена Азизом:

— Стой, ты куда собралась? — взяв меня за руку, он уверенно развернул меня обратно к себе.

— Я не буду этого делать, я не умею доить коров!

— Я тебя научу.

Я с сомнением взглянула на Азиза, а тот, как оказалось, совсем даже не пошутил и, устроившись на табурете поближе к вымени, стал уверенно доить бурёнку.

Я, едва не открыв рот, смотрела на то, как мой сэнсэй, подробно объясняя технику выполнения, тут же наглядно всё показывает.

— А теперь твоя очередь, — наполнив ведро примерно наполовину, Азиз уступил мне место.

— Я не смогу, Аз... Даже не проси, — я отрицательно покачала головой, окончательно утверждая своё несогласие.

— Да ты хотя бы просто попробуй. Неужели тебе не интересно учиться чему-то новому? — Ему всё-таки удалось зацепить меня.

Сделала два шага навстречу корове и та немного засуетилась, протяжно замычав.

Я остановилась и молча развела руками, показывая тем самым, что попытка не удалась в самом начале.

— Чувства — это универсальный язык всего живого. Собака сегодня почуяла твой страх, потому и залаяла. Корова сейчас чувствует твою неуверенность, поэтому и боится тебя к себе подпускать, — стал объяснять мне Азиз, — попробуй настроиться на волну миролюбия и уверенности в себе, и ты удивишься, как вмиг изменится отношение животного к тебе.

— А вдруг она лягнёт меня?

— Если ты сможешь по-настоящему расслабиться, то корова тебя не тронет. Попробуй мысленно сказать ей, что ты не причинишь вреда.

Я сделала пару глубоких вдохов и выдохов и постаралась сделать всё, как говорил мой сэнсэй.

— А теперь ещё раз попробуй подойти к ней поближе, — продолжал координировать мои действия Азиз.

Бурёнка в этот раз на удивление даже не шелохнулась, позволив мне спокойно разместиться возле неё на табурете.

Азиз расположился позади меня и, наклонившись, взял мои руки в свои, став непосредственно показывать мне необходимые движения.

— Это так здорово! — не сдержала я своего восторга, когда у меня всё получилось самостоятельно.

— Вот видишь, как всё оказывается просто. — Было очень приятно слышать нотки одобрения в голосе Азиза.

— А где ты научился этому? — задала я, наконец, мучавший меня вопрос.

— Я долгое время жил в Индии, где и обрёл это полезное умение. Там корова считается священным животным, и их мясо не принято употреблять в пищу, но зато молоко много где используется.

— Что ты ещё там делал?

— Знакомился с собой.

— Пациент, поясните, пожалуйста, — подшутила я над очередной его странностью.

— Познавал себя. Изучал свои внутренние возможности, анализировал своё внешнее проявление.

— А жил-то на что? Или ты странствующий сынок богатого мафиози, которому не о чем беспокоиться?

— Ты можешь представлять меня как тебе угодно.

— То есть, я всё правильно поняла?

— Нет.

— Тогда как ты оказался в Индии, жил там, и, вообще, все эти поездки по миру, про которые ты мне рассказывал... В нашем мире без бумажки — ты какашка! Так откуда бумажки, если не от богатого папочки?

— У меня был свой небольшой бизнес в Европе и я мог себе позволить путешествовать. А откуда в тебе столько желчи, Лина?

— Меня просто дико бесит то, что я целовалась с человеком, о котором вообще ничего не знаю! — На этой моей фразе корова как-то опасно повернулась, и я поспешно встала и отошла в сторону.

— Видишь, как животное мгновенно считало твой негативный эмоциональный

настрой? Ты вовремя ушла, кстати. Ещё бы немного и ответная реакция могла стать для тебя не самой приятной.

Испытав чувство глубокого раздражения, я развернулась и молча пошла в дом. Азиз, взяв ведро с молоком, последовал за мной.

Альфия Равильевна поблагодарила нас за работу, и сказала, чтобы сегодня мы оставались ночевать у них, ведь последний автобус всё равно ушёл как час назад, и предложила нам выдвигаться в путь уже завтра с утра.

После ужина я сказала, что мне нужно отлучиться в туалет, а сама пошла в то спокойное место у реки, которое уже успела облюбовать сегодня днём.

Внутри меня вновь варилась каша из всевозможных отрицательных переживаний. Мне казалось, что те яркие чувства и эмоции, которые ещё совсем недавно захватывали меня полностью, были ничем иным как своеобразным проявлением пост стрессового состояния аффекта в виде розовых очков.

Меня сильно беспокоило то, что в этих практически неконтролируемых ситуациях я так легко позволяю нарушать Азизу свои личные границы. А он как был, так и остаётся закрытой книгой для меня, даже не собираясь ничего мне прояснить...

— Лина, — мой великий сэнсэй нагнал меня практически сразу. — Почему ты снова ушла одна?

— Я устала от всей этой неопределённости. Просто хочу домой... — Мои глаза внезапно увлажнились, и я не смогла этого скрыть.

— Потерпи ещё немного, — Азиз очень тепло обнял меня и я, не сдержавшись, заплакала, утыкаясь носом в его крепкую и в любых ситуациях предельно спокойно вздымающуюся грудь. — Завтра попадём в город, и я обязательно что-нибудь придумаю.

Азиз

Одна из моих полезных способностей — умение анализировать что-то прямо во сне. Я приобрёл её после того, как отделался от своего ночного кошмара, что мучил меня почти каждую ночь более пяти лет подряд.

Это чем-то напоминает осознанное сновидение, которое я иногда ловлю между быстрой и медленной фазами сна. В таком состоянии мне очень часто приходят ответы на нужные вопросы, подсвечиваются различные варианты решения трудных задач, с которыми я довольно часто сталкиваюсь в своей жизни.

И вот снова: где-то меньше чем через час после засыпания перед глазами уже мелькают картинки прожитых ранее событий, а на фоне неторопливо озвучиваются мои собственные мысли, как комментарии автора за кадром фильма.

Лина стоит на берегу моря и медленно поворачивается. На вид такая хрупкая, она улыбается мне. Подол её ещё не разорванного мною платья развеивается на ветру, а вокруг неё кружит полупрозрачное лилово-розовое облако, и я точно знаю, что это означает её жизнелюбие и влюблённость в меня. Я увидел эти её чувства так же во сне ещё после первой нашей встречи.

Потом выражение её лица резко изменяется. Она хмурит свои тонкие бровки. А вокруг этого безмятежного облака летают серые сгустки и, словно вгрызаясь в него, начинают высасывать все краски.

Улыбка Лины медленно тает. Серые сгустки становятся всё больше, заключая девушку в непроницаемый кокон — её одолевают различные тревоги и опасения, а теперь ещё и ревность. Но больше всех — страх за родителей, что настоящей тучей, полностью закрывает небо над её головой. Всё это тянет из неё жизненные силы.

Она поднимает на меня свои невероятно красивые лазурно-голубые глаза, что сейчас полны тоски и сожаления и медленно произносит:

— Ты убийца. И ты не сможешь скрывать от меня это слишком долго.

«Я знаю».

В комнате скрипнула паркетная доска, и я резко распахнул глаза. Ангелина стояла недалеко от окна, и в полутьме её силуэт показался мне слегка сгорбленным.

— Всё в порядке? — спросил я, приподнимаясь на локтях.

— Да. Просто хочу раздобыть где-нибудь одеяло, — ответила она тихо, копаясь в одном из нижних ящиков комода.

— Зачем? Ведь сейчас так тепло.

— А меня вот что-то знобит.

Я встал и подошёл к ней поближе.

Невысокая и стройная. Короткие светлые волосы, ангельские черты лица и такие по-детски искренние эмоции.

«Боже, она так похожа на неё»...

— Да у тебя жар, — заключительно изрёк я, прикоснувшись ладонью к её гладкому ровному лбу.

— Вот ещё не хватало... — Лина явно расстроилась от такой перспективы. Болеть сейчас и правда было не время.

— Присядь пока и подожди немного, я сейчас. — Схватив свою ещё слегка влажную после стирки футболку со стула и на ходу надевая её, я отправился на поиски термометра и какого-нибудь лёгкого одеяла.

Оставив безуспешные попытки найти что-то на полках шкафов внешних комнат, я двинулся вглубь дома, и хоть перемещался я предельно тихо, но стоило мне только войти в спальную комнату хозяев, как Альфия Равильевна сразу же проснулась.

— Азиз? — откинув одеяло, она плавно поднялась, приняв сидячее положение, и уставилась на меня, не мигая. — Что ты здесь делаешь?

Её супруг продолжал храпеть на другой стороне кровати.

— Только не говори, что я совершила ошибку и впустила в дом преступника... — её глаза поблёскивали от настоящего страха.

«Да это так».

— Прошу прощения за беспокойство. Я здесь по экстренной причине.

— Что случилось?

— У моей девушки поднялась высокая температура, а я нигде не смог отыскать градусник.

Я услышал, как женщина с облегчением выдохнула и, нащупав в темноте тапочки, спешно зашаркала ими по деревянному полу к небольшому столику в углу:

— Ох, бедняжка! Конечно, сейчас.

Взяв всё необходимое, я вернулся и обнаружил Ангелину, что сидела, укутавшись простынёй на диване и едва не стуча зубами от озноба.

— Вот, держи, — я протянул ей стакан воды и термометр, а сам сел рядом, приобняв этого хрупкого ангела за плечи, и она сразу же расслабилась.

— Где ты так быстро нашёл градусник?

— Пришлось разбудить хозяйку.

— Не надо было.

— Почему?

— Мне просто неловко, ведь от нас итак столько хлопот...

Я с теплотой посмотрел на эту глупышку:

— Любой человек может оказаться в сложной жизненной ситуации. Нужно уметь принимать помощь. Сегодня помогают тебе, а завтра ты поможешь другому.

— Ого, почти тридцать девять с половиной! — ужаснулась Лина, взглянув сквозь стекло на шкалу ртутного термометра. — Ладно, сэнсэй, пойду учиться принимать помощь. Надо попросить у хозяйки какое-нибудь жаропонижающее.

— Не стоит сразу же сбивать температуру. Ты слишком много тревожилась и возмущалась в последнее время, и организму теперь нужно дать возможность сжечь весь накопленный негатив.

— Ты шутить? Я медик. Это не так работает. До тридцати восьми с половиной можно и нужно не сбивать, чтобы заработал иммунитет и уничтожил микробов, но если температура выше этих значений, то уже может быть опасно ничего не предпринимать.

— Фактологические цепочки подбираются не только под официальную медицинскую теорию, но и под альтернативные. Теории разные, но одинаково работают. И только ты выбираешь в какую из них верить.

— Ну допустим. Тогда как мне нужно лечиться по твоему мнению?

— Просто не мешай организму очищаться. Пей достаточно воды, чтобы токсины

быстрее выводились и будь в энергосберегающем режиме, то есть старайся больше отдыхать.

— Так просто?

— Так просто. А теперь ложись спать, сон восстанавливает лучше всего.

— У меня не получится заснуть в таком состоянии.

— Тогда позволь мне немного помочь тебе.

Я отправился на кухню и слегка разогрел в микроволновой печи чашку с водой. Снял с крючка небольшое хлопковое полотенце и захватил с собой табурет, что поставил рядом с диваном, на котором лежала Ангелина.

Она хотела сначала что-то возразить, но я настоял на своём и, смочив полотенце, стал осторожно проводить им по тонкой светлой коже её рук.

Лина сразу же судорожно задыхалась, и на выдохе её голос пару раз сорвался на глухой стон. Я понимал, что это совсем не от удовольствия, а мне так хотелось бы, чтобы было ровно наоборот.

«Ничего, потерпи, ангел. Боль — неотъемлемая часть жизни. Она делает возможным наслаждение, которое ты получишь после».

Ангелина

Утром Альфия Равильевна настояла на том, чтобы мы остались у них, пока мне не станет легче, и попросила свою дочь выделить мне какую-нибудь более удобную одежду.

Арина провела меня в свою комнату и любезно предложила мне самой выбрать что-нибудь из её гардероба.

Поначалу я хотела взять только одно простое летнее платье, но понимая, что без нового нижнего белья я просто больше не смогу обходиться, попросила у неё чистый комплект, а также, вспомнив просьбу Азиза — ещё и пару запасных зубных щёток.

За завтраком аппетита совсем не было, и с трудом закинув в себя пару ложек овощного салата, я почувствовала, как температура тела вновь поднимается.

Голова немного закружилась, и не в силах делать что-либо ещё, я вернулась в выделенную нам комнату, чтобы отдохнуть.

Я легла на диван, а Азиз, войдя следом, уселся в кресло напротив.

— Аз.

— Да, Лина, — тепло отозвался он. Азиз вдруг стал таким отзывчивым и заботливым с момента как узнал, что я больна.

— Я вряд ли оклемаюсь до завтра, так что может лучше попросить, чтобы тебе поискали другое спальное место? Не хочу тебя заразить.

— Не переживай, — он по-доброму усмехнулся. — Я не заболею.

— Откуда такая уверенность?

Аз молча улыбнулся и, протянув свою руку, ненадолго приложил приятно прохладную ладонь к моему пылающему лбу.

— Ты практически ничего не съела, — заметил он. — Понимаю, что сейчас совсем не хочется, но как только температура спадёт, тебе обязательно нужно будет поесть.

— Не думаю, что смогу в ближайшее время.

— У тебя есть какое-нибудь любимое блюдо? — поинтересовался Аз.

— Благодаря Алёнке, я много чего перепробовала, когда мы ещё жили с ней в доме родителей. Но выделить что-то одно даже не могу.

Очень хотелось добавить, что лучшее из всего, что я пробовала в своей жизни, это то его мексиканское рагу по индийскому рецепту, но промолчала.

К моему малоприятному состоянию теперь примешалась ещё и головная боль — уже давно я не чувствовала себя настолько плохо.

Обтирания очень хорошо помогли мне уснуть этой ночью, и я попросила Азиза принести мне чашку тёплой воды и полотенце, чтобы сделать себе компресс.

Мой сэнсэй тут же выполнил просьбу и, видя моё состояние, поддержал в своём духе:

— Третий и заключительный урок из цикла жизни и смерти — это научиться проживать саму смерть.

— Ну нет, я всё же надеюсь, что выкарабкаюсь, Аз, — я слегка улыбнулась, растягивая на своём лбу прохладную влажную ткань.

— Безусловно, куда ты денешься. Но это я тоже образно. В момент страдания полезно помнить, что ничто не вечно, всё преходяще. «Ад не вечен, как и Рай». Не бывает всегда всё хорошо, но и плохо тоже не может быть слишком долго.

— Я поняла — просто потерпеть, ведь рано или поздно и это пройдёт.

— Не просто потерпеть, а полностью принять то, что проживаешь и постараться понять из-за чего. Чем скорее ты честно ответишь себе на вопрос «почему это со мной сейчас происходит», тем быстрее всё наладится.

— Звучит неплохо, но лучше я по старинке начну какое-то лечение. Не хочу, чтобы эта хворь затянулась надолго. Наверняка в доме есть необходимые лекарства.

— Ты же вроде любишь самокопание? Сейчас бы оно тебе пригодилось. Но раз уж хочешь лечиться, то лучше это сделать натуральными природными компонентами. Позволишь мне тебя полечить народным средством?

— Боюсь спрашивать каким именно.

Азиз рассмеялся таким красивым низким голосом и совершенно серьёзно сказал:

— Если мне удастся найти пару полезных трав на местном лугу, то отвар из них тебя быстро на ноги поставит.

— Блин, да ты ещё и ведьмак, — теперь засмеялась я. — Ну давай приготовь мне своё супер зелье, Азазель. Не хочу проваляться здесь не понять сколько.

Когда Аз ушёл, и голову слегка отпустило, я вновь наведальась к Арине, с просьбой ненадолго воспользоваться её смартфоном, чтобы выйти в социальную сеть. В этом, я была уверена, нет никакой опасности.

Не став проверять письма от подруг, коими был завален мой мессенджер, ведь они наверняка уже тоже потеряли меня, я первым делом открыла диалог с сестрой и настроила ей:

«Алёна, у меня всё хорошо! Ты сделала то, что я тебя просила?»

Последний раз она заходила в сеть рано утром, а сейчас был самый разгар рабочего процесса небольшой пекарни, в которой моя сестра трудилась поваром последние два года. Её мечта работать в каком-нибудь уютном ресторанчике пока всё ещё оставалась мечтой.

Я подождала минут пятнадцать, почти каждую минуту обновляя страницу, но Алёна так и не появилась.

Что-то внутри меня приятно щёлкнуло, когда с кухни донёсся голос моего заботливого сэнсэя:

— Я могу воспользоваться этим?

— Да, конечно. Бери, всё что нужно, — услышала я ответ Альфии Равильевны.

Вернув телефон девушке, что сидела, обложившись книгами в своей комнате, и усердно готовилась к предстоящим экзаменам, я разместилась в большом мягком кресле в гостиной. И под звуки переливающихся жидкостей и различных постукиваний, характерных для активной готовки, что доносились сейчас из столовой, стала размышлять о том, что на мои плечи в последнее время действительно легло слишком много переживаний.

Азиз в чём-то прав — мой организм, вероятно, поэтому и ослаб. Все болезни от нервов — истина, в которой пыталась меня убедить сама жизнь.

Последний раз я так сильно нервничала лишь в отрочестве, когда мама с папой хотели развестись. Их брак тогда впервые так открыто трещал по швам.

Алёнка была старше меня на три года и когда я подросла, рассказала мне о некоторых малоприятных нюансах родительских отношений, о которых в детстве я ничего не знала, но зато очень хорошо чувствовала. Тогда я бессознательно впитывала эту атмосферу чрезмерной холодности и отчуждённости, что на постоянной основе наполняла наш дом.

Родители очень любили нас с сестрой, но, как оказалось, совсем не любили друг друга.

Они сохранили свой брак ради нас. И я не могла сказать им за это спасибо.

Результатом их излишней и необъяснимой мне тогда чувственной сдержанности и межличностной отстранённости стали мои эмоциональные взрывы. Это был такой внутренний протест, как неосознанная попытка заставить их хоть как-то взаимодействовать друг с другом.

И, однажды, это привело к тому, что я лежала на больничной койке, делая вид, что сплю, но на самом деле я наблюдала из полузакрытых век как папа, утешая, обнимает маму. И пусть это было совсем неправильно, но тогда я чувствовала удовлетворение. Это было последнее их объятие на моей памяти.

Позже я поняла, что по-другому уже не будет, и смирилась — нервные срывы и панические атаки ушли в прошлое. Я окончила школу и поступила в медицинское училище и мои первые и единственные отношения с парнем стали напоминать эту родительскую схему. Я практически ничего не чувствовала к своему молодому человеку, но отчаянно пыталась сохранить эти отношения. Пока прямо на выпускном он не изменил мне с другой.

Моё внимание привлёк, заполонивший комнату, интересный аромат, что тут же разбудил аппетит. Я встала и пошла на запах, остановившись в дверном проёме кухни.

Азиз, стоя у плиты, творил свой очередной кулинарный шедевр, перемешивая еду на сковороде — подбрасывая и переворачивая её на лету, как искусный шеф-повар. Крепкие мышцы переливались под футболкой на его широкой спине в этот момент.

Я знала, что он старается для меня. В носу защипало от переполнивших меня вмиг эмоций. Захотелось подойти и прижаться к нему сзади, и я еле сдержалась, чтобы этого не сделать.

Мой взгляд задержался на области ранения, и я вспомнила, что ему пора бы уже сменить повязку.

Он заметил меня и, тепло улыбнувшись, спросил:

— Ну что, захотела есть?

«Захотела, Азиз, ещё как захотела».

Весь день Азиз ухаживал за мной, периодически поил каким-то отваром, и к вечеру мне действительно стало гораздо лучше.

Ночью температура больше не поднималась, и уже наутро я чувствовала себя просто отлично.

Сегодня отец Арины собирался отвезти её в город, так как у девушки близился первый экзамен, и предложил подбросить и нас.

Но я решила, что мы итак приняли достаточно много помощи от этой семьи, да и деньги на автобус мы всё же честно заработали. Узнав, когда отправляется ближайший рейс, мы тоже засобирались.

Пока Азиз набирал нам с собой в дорогу воды, я быстренько прошла в комнату Арины и попросила у неё смартфон, чтобы напоследок проверить свою почту. Ведь я не знала где и когда мне ещё представится такая возможность.

Внутри меня заиграла волнительная дрожь, когда я увидела значок неп прочитанного сообщения от сестры. Тыкнув на иконку, я открыла наш с ней диалог и начала читать:

'Я всё сделала, как ты просила. На свой страх и риск забрала заявление из полиции и договорилась с твоим начальником об отпуске, убедив всех, что лично проводила тебя на самолёт. Родители сперва восприняли это слегка недоверчиво, но в итоге поверили мне. Видимо, им просто необходимо было хоть какое-то успокоение.

Лина, я думала, что с ума сойду! Ты почему так долго не писала и не звонила? Что происходит на самом деле, можешь мне честно рассказать?

Поделись, прошу тебя. Потому что я тоже тебе кое что скажу. Мы с Артёмом... В общем, недавно я узнала, что беременна, и мне вроде как нельзя теперь волноваться.

Родители поэтому мне и поверили, потому что я не стала бы рисковать самым сокровенным, а я рискую, понимаешь?

Я очень хорошо играю роль безмятежной сестры, которая знает, что с тобой всё в порядке, (но на самом деле я в этом нифига не уверена), и с каждым днём у меня это получается всё хуже...

Я не думаю, что поступаю правильно. А вдруг ты в настоящей опасности? Эта мысль мешает мне спать.

Родители тоже уже начинают сомневаться, так как ты долго не выходишь на связь. Позвони, как сможешь!

Вначале испытыв небольшое облегчение, к середине её сообщения моё дыхание участилось, а к концу — внутри стало так тяжело, будто я проглотила якорь.

Сглотнув образовавшийся в горле ком, я быстро настрочила ответ:

'Алёночка, это такая замечательная новость, поздравляю тебя, моя родная! Ты всё делаешь верно — ведь со мной на самом деле всё хорошо! Я тебе всё расскажу, только чуть позже.

Помнишь наш кодекс безусловного доверия, благодаря которому мы в детстве выгораживали друг друга несмотря ни на что?'

«Алёна, зузь!» — написала я ей наш забавный детский призыв и пояснила:

«Просто доверься мне, как бы это ни было сложно. Но так будет лучше для всех. И сама не переживай, прошу тебя. Я люблю тебя, и как только смогу, сразу же выйду на связь».

«Алёна ждёт ребёнка, а я...» — от этой мысли на глаза навернулись слёзы. Быстро смахнув их, я сделала доброжелательное выражение лица и, поблагодарив Арину, попрощалась с ней.

Вышла во двор, где меня уже ждал Азиз, а также собрались остальные домочадцы, чтобы проводить нас.

Альфия Равильевна пожелала доброго пути и передала нам с собой контейнер свежеприготовленных вкусно пахнущих пирожков.

Аз каким-то чудным образом сразу же считал моё состояние, хоть сейчас я улыбалась, прощаясь и искренне благодаря этих добряков за их помощь и гостеприимство, и когда мы отошли от дома, сразу же спросил всё ли у меня в порядке.

Я рассказала ему, что переписывалась с сестрой по электронной почте, не став делиться подробностями разговора.

Азиз сперва нахмурился, но когда я уточнила, что пользовалась именно интернетом, а не сотовой связью, одобрительно покивал головой:

— Так меньше шансов, что отследят. А точнее, я уверен, что такими возможностями и полномочиями наши преследователи не обладают. Можешь не переживать так из-за этого, и молодец, что на этот раз не стала скрывать от меня.

Я облегчённо выдохнула — ну хоть здесь не накосячила.

— У них всё хорошо, им никто не угрожает?

— Она ничего такого не говорила, но думаю, что нет.

— Хорошо.

За несколько километров от города наш автобус издал какой-то странный звук, а потом заглох.

«И когда эти неприятности закончатся?» — крутилось у меня в голове, когда мы вдвоём, не став дожидаться другого автобуса, шагали вдоль пыльной дороги в направлении города.

Азиз не знал истинную причину моего плохого настроения и думал, что это, наверное, из-за текущей ситуации.

— Ты ещё слабо себя чувствуешь после болезни, надо было мне всё же согласиться, чтобы нас подвезли.

— Нет, правда, спасибо, что прислушался ко мне. Мы же заработали на этот чёртов проезд, и я хотела, чтобы всё было по-честному. Не люблю пользоваться чьей-то добротой сверх меры.

— Что ж, благородно. Но теперь значит, придётся потерпеть. Иногда полезно испытывать трудности. Лишь на контрасте мы начинаем больше ценить те блага, которые зачастую принимаем как должное.

«Эх, Азиз, дело тут вовсе не в физических испытаниях, выпавших на мою долю. Ужасное чувство вины, что из-за меня страдают родные — вот что сейчас терзает меня с удвоенной силой». — Он так искренне подбадривал меня, что мне хотелось всё это ему рассказать, но я лишь согласилась с ним:

— Да, всё познаётся в сравнении.

Через пару часов мы поднимались по ступенькам фешенебельной гостиницы, что находилась в курортной зоне отдыха.

Подойдя к стойке администратора, Азиз попросил связаться с директором заведения, на что высокая улыбчивая девушка в строгом бежевом платье, быстро и довольно учтиво

оглядев нас с ног до головы, решила поинтересоваться, с каким именно запросом мы хотим к нему обратиться.

— Просто скажите ему, что пастух приехал.

На её лице едва заметно промелькнуло непонимание, но она всё же сделала телефонный звонок, после которого пригласила проследовать за ней.

Мы вошли в залитый полуденным светом просторный кабинет, где за тёмно-коричневым деревянным столом сидел, погружённый в работу светловолосый мужчина.

При виде Азиза его бесстрастное выражение лица сменилось на удивлённое радушие. Он тут же оставил свои дела и подошёл к нам, приветственно протянув ему руку:

— Ну, здравствуй, дауншифтер! Что, даже на новые штаны средств не оставил? — пошутил высокий стройный мужчина, одетый в дорогой деловой костюм светло-серого цвета, кивнув на модно порванные джинсы Азиза.

— Полная свобода от материального, ты же меня знаешь, — улыбнулся Аз.

— Демид, — представился мне мужчина.

— Ангелина, очень приятно.

— А мне как приятно. Не думал, что когда-либо встречу Азиза вот так. Какими судьбами?

— Долгая история. Возникли небольшие проблемы.

— У меня сегодня намечается несколько важных встреч, последняя будет в местном главном клубе. Приходите и вы туда вечером, поговорим?

— Там могут быть люди, которые меня знают. Не хочу светиться.

— Посидим в вип-зоне, вдали от глаз.

— Если меня впустят в такое заведение в костюме тинейджера-переростка, то увидимся вечером.

— На вот, возьми немного материального, — Демид извлёк из верхнего ящика стола блестящую банковскую карту и связку автомобильных ключей, протянув всё это Азизу. — Ни в чём себе не отказывайте, вечером жду вас красивых, развеемся. А пока пройдите к Лейле, девушке, что вас привела ко мне. Я ей сейчас позвоню, и она отведёт вас в номер, где вы сможете остановиться на любой срок.

Безошибочно считав резко возникшее во мне напряжение при слове «номер», Азиз попросил друга:

— Нужно два спальных места.

— Понял. — Демид подошёл к служебному телефону, вызывая администратора.

— Спасибо, Дёма, — сжав в руках связку ключей, поблагодарил Азиз.

— Не за что, пастух. Ты же знаешь, что это ничто по сравнению с тем, что ты сделал для меня.

Огромный двухкомнатный номер Люкс, который нам выделили, был соединён ещё одной общей комнатой, приятно декорированной разнообразной зеленью: кругом стояли высокие глиняные горшки с длиннолиственными растениями-деревьями, на поверхностях тумб красовались вазы с пышными ароматными цветами, и даже вдоль стен тянулись картины-ковры из сочно-зелёного декоративного мха.

Номер отеля был выдержан в нежных коричнево-бежевых тонах и уютно обставлен стильной мебелью. Вокруг низкого круглого столика орехового цвета в центре стояли несколько мягких сливочно-кремовых кресел и дугообразный дугообразный диван цвета капучино. От двери, ведущей в ванную, поднималась дизайнерская деревянная лестница со светодиодной подсветкой, которая вела на открытую галерею, где был бар с зоной для приёма пищи. Прямо за ней, растянувшись на оба этажа, отсвечивало яркий дневной свет широкое панорамное окно.

Я заняла правую спальную комнату с огромной мягкой кроватью, настолько удобной, что стоило мне только на неё прилечь и я едва не отрубилась — после длительной пешей прогулки по сильной жаре я чувствовала сильную усталость. Глаза уже застилало сонной негой, как я услышала стук в дверь нашего номера, а затем уже более тихий стук в мою комнату.

— Лина, обед привезли. Пойдём? — спросил негромко Азиз.

Есть хотелось гораздо сильнее, чем спать, так как пирожки, приготовленные Альфиёй Равильевной, мы благополучно забыли ещё в автобусе.

— Да, сейчас приду, — зевая, ответила я и сладко потянулась.

В голове не было ни одной мысли. Нехотя поднялась с постели и, расправив подол василькового хлопкового платья, открыла дверь.

У главного входа на высоком передвижном столике с белоснежной скатертью зазывали необычными ароматами разные яства и угощения.

Азиз подкатил его прямо к мягкой зоне и, разместившись на диване, мы стали обедать.

— Ну как тебе блюда? — поинтересовался он, когда мы утолили свой первый голод.

— Вкусно. Но не так, когда готовишь ты, — честно призналась я.

— Так приятно это слышать, — улыбнулся мне Азиз и напомнил, что скоро мы поедем за покупками.

Насытившись, мы отправились в город на спортивной «ауди» Демида серебристо-серого цвета. Покружив по центру, Азиз припарковался на не самой проходной улице, вдоль которой располагались бутики дизайнерской одежды и различные парфюмерно-бытовые магазины.

Внутри одного шоу-рума я получила от Азиза напутствие выбрать всё, что мне понравится, и мы разошлись с ним в стороны, так как стеллажи с женской и мужской одеждой находились в разных частях торгового зала.

Спустя несколько минут я поняла, что найти здесь что-то недорогое мне не удастся — местные ценники не позволяли мне даже притронуться к нарядам.

Я всё кружила по магазину, в надежде подыскать хоть что-то простое, пока с изумлением не обнаружила Азиза, выходящего из примерочной в тёмно-сером деловом костюме. Эта стильная двойка в комплекте с нежно-розовой рубашкой смотрелись на нём

как на модели. Он прошёл к зеркалу, что тянулось во всю стену, а милостивая девушка-консультант что-то щебетала ему тонким голоском, поправляя манжеты.

— Ну как? — остановив в отражении на мне свой взгляд, обратился ко мне Азиз.

— По моему, ты чертовски красив, — прямо выдала я.

— О, да, я такого же мнения. Выглядите просто превосходно, — консультант смотрела на него не менее восхищённым, чем у меня взглядом, и её замечание, хоть и было похоже на стандартную фразу успешного продавца, но отдавало неподдельной искренностью.

— Вдвойне отрадно услышать это от тебя, Лина, — подмигнул мне Аз и поинтересовался: — Ну а ты, уже выбрала себе что-нибудь?

— Эм, ну... — замялась я, усилием воли останавливая свой поток откровенности. — Нет, знаешь, тут кажется нет для меня ничего подходящего.

— Правда? Должно быть, мне показалось, что твои глаза горели, когда ты смотрела на это, — Аз указал на женский манекен, на котором было надето симпатичное приталенное платье-миди светло-кораллового цвета. Оно и правда мне очень понравилось. — Не хотела бы его примерить? Мне кажется, оно смотрелось бы на тебе просто идеально.

— А я не думаю, что оно бы мне подошло.

— Наверное, просто снова неловко принимать помощь, я угадал? — вновь безошибочно считал мой сэнсэй.

— Ты вообще видел, сколько тут всё стоит? Да, мне неловко. Я никогда раньше не позволяла себе такие вещи. А тем более не хочу это делать за чужой счёт. — Азиз так удивительно легко вытягивал из меня самое сокровенное.

— Послушай. Демид не просто так дал воспользоваться его средствами. Он очень благодарен мне за одно дело, а я в свою очередь — тебе, что не бросила меня тогда на избиение бандитам. Позволишь мне таким образом отблагодарить за это свою храбрую заступницу?

У меня снова не было другого выхода, как только согласиться — в простом летнем платье, одолженном мне Ариной, рядом с мужчиной в таком дорогом красивом костюме, я бы смотрелась неестественно и точно привлекла бы много ненужного внимания — и я молча кивнула.

К тому же мне и самой стало интересно, как я буду в этом выглядеть — к платью шли аккуратные летние босоножки на невысокой удобной платформе, и небольшая сумочка-клатч.

Когда я вышла из примерочной, в глазах Азиза мелькнул озорной интерес.

Я встала подле него, и мы засмотрелись на наши отражения в зеркале. Цвет моего платья идеально сочетался с его рубашкой, и вместе мы сейчас напоминали молодую супружескую пару из какого-нибудь Беверли-Хиллз.

Со сдержанным, но нескрываемо живым интересом Азиз облюбовал мой внешний вид и вкрадчивым голосом подарил мне комплимент, развеяв последние сомнения о необходимости этой покупки:

— Ты бриллиант, Лина. И хоть ты итак всегда сияешь ярче всех, но в такой огранке — просто божественна. Мы это берём.

Ещё немного побродив по магазинам, Азиз настоял на том, чтобы я также купила себе простой летний костюм, состоящий из лёгких хлопковых шорт и футболки, более удобную спортивную обувь, ночную сорочку, а также выбрала себе все необходимые средства для гигиены и косметику.

Затем он оставил меня в отделе дорогого женского белья, со словами «тебе ведь наверняка хочется переодеться в свежее», от которых я вся покраснела, ведь я не говорила ему, что взяла дополнительный комплект у Арины. Тот был мне маловат и неудобно сдавливал грудь, так что я не отказалась и от этой покупки.

Я выросла в небогатой семье, а когда сама стала зарабатывать, то всё равно проходила мимо подобного рода магазинов, считая это бесполезной тратой денег. Но, садясь сейчас во всей этой дорогой и идеально сидящей на мне одежде в крутецкий спортивный автомобиль, с умопомрачительно красивым водителем, к которому меня тянет с невероятной силой — всё это позволило мне испытать какое-то новое заманчиво приятное ощущение.

«Так вот ты какой — сладкий привкус счастливой богатой жизни».

Вип-зона находилась на втором этаже клуба и от основного зала была отделена прозрачным с одной и затемнённым с другой стороны стеклом и диванами с высокими спинками, там, где не было заслонки. Внутри заведения было довольно прохладно, в полутьме мелькали отблески светомузыки, а в воздухе смешивались цветочные ароматы духов и освежающие запахи ароматизаторов.

Внизу под ритмичные электронные звуки, жадно ловя сладостные моменты веселья, драйва и лёгкого флирта, раскрепощённо двигались люди, даря друг другу наполненные обещанием улыбки.

Из-за высоких стёкол музыка на втором этаже звучала чуть тише. А над столом за которым сидели мы с Азизом висела лампа с мягким жёлтым светом, делая эту область чуть ярче.

Когда мы пришли, Демид ещё не освободился, и лишь ненадолго подсел к нам, попросив официанта накрыть на стол и открыть бутылку шампанского.

— Ну что, за встречу? — предложил он тост, высоко поднимая свой бокал.

Я только сделала вид, что отпила глоток, так как ни есть ни пить мне сейчас совсем не хотелось, и когда принесли съестное, я к нему не притронулась.

Сидящие напротив меня мужчины разговаривали, но, как я ни старалась прислушаться к обрывкам фраз на фоне доносящейся с танцпола музыки, так и не смогла ничего толком расслышать, чтобы понять о чём идёт речь.

Через несколько минут Демид, поднявшись, сообщил нам, что вернётся, как только закончит свои дела, а Азиз пересел на диван рядом со мной.

— Я смотрю, ты совсем заскучала, — наклонился он ко мне, и его естественный неповторимый аромат в долю секунды вскружил мне голову. — Не ешь ничего. Если не нравится, можем заказать что-то другое.

— Не нужно. Мне просто не хочется.

— Наш сегодняшний день начался с испытаний, и ты наверняка устала. Могу проводить тебя в номер, ведь когда Демид освободится, нам всё равно с ним нужно будет кое-что обсудить, и мне вновь придётся оставить тебя на какое-то время без внимания.

— Да, наверное, ты прав. Мне лучше вернуться.

Я действительно чувствовала себя утомлённой, и с гораздо большим удовольствием растянулась бы лучше на мягкой кровати, чем сидела и ждала, пока Азиз пообщается со своим старым знакомым.

Мой галантный джентльмен подал мне руку, помогая подняться, и тут же неожиданно притянул к себе, медленно закружив.

— Прости, — проговорил он у самого моего уха, отчего все рецепторы кожи вокруг этой области стали до невозможности восприимчивыми. — Но не могу упустить возможность потанцевать с тобой сейчас. You are brilliant.

Этот демон пустыни был чрезвычайно красив в своём новом костюме и так уверено вёл меня в танце, что в его крепких руках я снова вся размякла, готовая к любым дальнейшим его действиям.

Не успела я осмыслить зарождающееся во мне разочарование от собственной бесхребетности, ведь я больше не собиралась позволять ему так интимно вторгаться в моё

личное пространство, как за спиной Азиза показался Демид:

— Не хотел вам мешать, — выставил он руки раскрытыми ладонями вперёд, давая понять, что уже уходит.

— Нет-нет, это я как раз собралась уходить, — обрадовавшись подвернувшейся возможности прекратить наш всё более чарующий меня танец, высвободилась из рук Азиза и зашагала к выходу.

Он проводил меня до нашего номера и отправился обратно. А я, приняв душ, ещё немного посмотрела телевизор, чей монитор простирался на добрую половину стены прямо напротив моей кровати. И ближе к ночи закрылась изнутри своей комнаты, так как основная входная дверь была не заперта, ведь Азиз всё ещё не вернулся.

Переодевшись в новенькую ночную сорочку, чья шёлковая ткань приятно холодила мне кожу, заползла под невесомое хлопковое одеяло и задремала. Но уйти в полноценный сон так и не удалось, так как мой желудок, раз за разом сворачивая все причудливые картины, что пытался генерировать мой расслабленный мозг, неустанно напоминал мне о том, что я сегодня так и не поужинала.

Мысленно отругав себя за это, поднялась и направилась к сервированному ужином столику, что стоял у главного входа, появление которого я почему-то проигнорировала в момент его доставки в номер сотрудником отеля.

С любопытством заглянула под блестящие колпаки, коими были накрыты расписные керамические тарелки, и под одним из них обнаружила любимое лакомство. Широкая тарелка была вся завалена крупной спелой клубникой, а в центре стояла миска со сгущенкой. Обмакнула кончик пальца — нет, это был белый жидкий шоколад!

Взяла это блюдо с собой и, вместо того, чтобы устроиться поудобнее вместе со вкусненьким в своей комнате, как изначально планировала, мне вдруг захотелось перекусить на местной галерее — ночной вид оттуда обещал быть захватывающим.

Азиз уже вернулся, так как его обувь стояла у входа, и сейчас должно быть крепко спал. Тихонько взбежала по ступенькам и чуть не ахнула открывшемуся мне виду.

Села за барную стойку прямо напротив панорамного окна, и погрузилась в пищевое и визуальное блаженство.

Ещё один корпус отеля, расположенный напротив, был на этаж ниже этого и прямо над его крышей в тёмно-синем небе переливисто мерцали сотни звёздных огней. Внизу располагался огромный бассейн, гладь воды которого, отражала ещё больше ночных светил.

Я чуть не подпрыгнула, когда услышала, как внизу открывается дверь.

Развернувшись, я увидела выходящего из ванной комнаты голого Азиза, что промокал полотенцем голову, и не смогла проглотить только что откушенный кусочек клубники. Он ненадолго застрял у меня в горле, вызвав тихий приступ кашля.

Мачо развернулся на звук, представ передо мной во всей своей природной красе, словно самое идеальное божественное творение, и скользнув взглядом вверх, заметил меня:

— Лина? Тебе снова не спится? — невозмутимо поинтересовался он, даже не потрудившись прикрыться.

Клубника в моём организме вернулась на путь истинный, но я, наконец, отвернувшись от этого впечатляющего зрелища, всё ещё продолжала покашливать.

Душа ушла в пятки, когда я поняла, что Азиз поднимается ко мне:

— Поперхнулась что ли, тебе помочь?

— Нет! — то ли от того, что только что пережило моё горло, то ли от того что пережили мои глаза и следом захлестнувшего меня смятения, голос дал петуха, и, кашлянув в последний раз, я продолжила уже более ровно: — Не надо. Всё в порядке.

— Решила пронаблюдать этот удивительный вид? — услышала я его вкрадчивый голос прямо за своей спиной, отчего по всему телу пошли мурашки. — Понимаю, здесь сейчас так красиво.

«Я только что пронаблюдала самый удивительный вид, какой когда-либо вообще видела в своей жизни». — Кажется, я вся покраснела вплоть до кончиков ушей. Благо сейчас было достаточно темно, но и поворачиваться я всё равно больше не собиралась.

— А ты чего это голый ходишь? Не мог бы ты одеться?

— Я принимал ванну, давно мечтал полежать в тёплой воде. Не знал, что ты не спишь. — Он продолжал стоять, как ни в чём не бывало, прямо за мной, а я отчаянно делала вид, что заинтересована лишь происходящим за окном. — Я если что накинул полотенце. Можешь повернуться.

В таком положении я, будто жертва, ожидающая нападения хищника, чувствовала себя более уязвимой, пока с сомнением медленно не развернулась к нему лицом.

Он действительно обмотал свои крепкие бедра белым махровым полотенцем, над которым его бронзовая кожа соблазнительно поблёскивала стекающими каплями воды.

Высокий барный стул позволял мне быть с ним практически наравне, и его пронзительные карие глаза сейчас поблёскивали всего на полголовы выше моих.

«Чёрт, да он прекрасен как греческий бог!» — Увидев его так близко, я пожалела, что не осталась в прежнем положении, ведь теперь я уже не могла полностью скрыть свой нарастающий трепет.

— Да и ты, я смотрю, рассчитывала на то, что прямо сейчас я вижу десятый сон, иначе не сидела бы здесь в такой мм... Лёгкой одежде. — Тонкая ткань моей короткой ночной сорочки, облекая часто вздымающуюся грудь, целиком и полностью выдала ему мой интерес.

— Ты без повязки, — заметила я едва слышно. Рана на удивление быстро затянулась, оставив неровный алеющий шрам.

— Я думаю, она больше не понадобится, — проговорил маняще низким голосом Азиз и при этом посмотрел на меня так, как недавно я на клубнику.

Сильно смутившись, отвела взгляд, стараясь срочно переключить своё внимание с него на что-нибудь другое:

— Будешь? — передвинула тарелку на уровень соседнего барного стула, слушая, как в бешеном ритме сходит с ума моё сердце.

Азиз принял предложение, но не сдвинулся с места, и медленно потянулся к ягодам прямо через моё плечо, намерено задев кожу.

В этот самый миг я испытала невероятно сильное волнение. Оно прокатилось внутренней дрожью по всему моему телу, заставив, ненадолго прикрыв глаза, сделать негромкий судорожный вдох.

Лёгкая довольная ухмылка Азиза от произведённого на меня эффекта, и клубника шумно падает на пол, а его рука вместо этого хватается мою талию, уверено придвигая вплотную к своему крепкому торсу.

Вторую руку он запустил мне в волосы, слегка сжав в области затылка, и я не смогла сдержать тихого стопа удовольствия, который он тут же выпил, накрыв мои губы поцелуем.

Не отдавая себе отчёта, я подалась ему навстречу, что ещё больше распалило Азиза. Моё дыхание сбилось, и он не стал больше медлить — жадно обхватил мои бёдра руками, заставив меня полностью ему сдаться.

Я проснулась ранним утром, и от осознания того, что нахожусь в нежных объятиях Азиза, меня захлестнуло до невозможности милым чувством.

Небо за окном его спальни только начинало светлеть. В голове стали прогружаться события этой ночи, заставляя меня то краснеть, то озорливо улыбаться.

Вдыхая так сильно действующий на меня аромат его кожи, мой пульс снова стал учащаться, словно я сейчас не лежала, а была на пробежке.

Азиз крепко спал, его рельефная грудь плавно вздымалась, и, прижавшись к нему плотнее, я стала успокаиваться, слушая размеренный стук его сердца.

Я ещё никогда так не хотела мужчину, как в эту ночь. Мои руки сами тянулись к его поджарому телу, гладили по сокращающимся мышцам. И сейчас мне было совершенно очевидно, что, произошедшее между нами — намного сильнее меня, сильнее нас обоих, а потому, я совсем не корила себя за случившееся.

Внутри меня наоборот разлилось какое-то умиротворяющее блаженство. Некое глубинное убеждение, что всё идёт как надо — что я там, где должна быть и с тем с кем должна быть.

Не было ни единого сомнения, что сегодняшний день — начало новой жизни. Ведь всё прошло настолько идеально, словно мы были созданы друг для друга. И после нашего физического единения с Азизом, непременно должно произойти — психологическое.

Он мне обязательно скоро обо всём расскажет. После того, что между нами было — по-другому и быть не может, чем полное взаимное откровение.

Я подумала, что было бы неплохо принять душ и одеться, и постаралась осторожно выползти, но Азиз сразу проснулся, и его руки тут же заскользили по моей оголенной спине и рукам, лёгкими почти невесомыми прикосновениями даря наслаждение каждой клеточке моей кожи.

Затем он притянул меня к себе, нависнув сверху, и его горячее тело обожгло всё ещё обнажённую меня, вынудив часто задыхаться.

Он стал покрывать меня поцелуями, спускаясь всё ниже, и каждый участок моего тела податливо расслаблялся под его ласками. Отказать ему было просто невозможно. И я вновь окончательно потеряла самоконтроль.

— Мне нужно будет съездить сегодня с Демидом в одно место, — затормозив на уровне пупка, слегка хриплым голосом оповестил он меня.

— Зачем? — я приподнялась на локтях, чтобы заглянуть в его глаза.

— По делам, — этот короткий холодный ответ хлестнул меня прямо по сердцу. Я поняла, что более подробной информации не дожусь, и, еле сдержав волну яростного разочарования, спокойно попросила:

— Азиз. Расскажи мне о себе.

— Что ты хочешь знать, Ангелина? — поинтересовался он, едва уловимо поглаживая меня пальцами по животу.

— Всё. Когда и где ты родился и вырос, где учился, кто твои родители? Хочу знать о твоём прошлом, и что на самом деле происходит в настоящем? Почему ты должен

скрываться и что планируешь делать, чтобы распутать сложившуюся ситуацию?

Он сел и выпрямился, и от его серьёзного взгляда у меня мгновенно пересохло во рту. Я напряглась.

От него можно было ожидать что угодно. И я боялась услышать то, что могло бы растоптать мою уверенность в том, что отдавшись ему, я не совершила ошибку.

Он немного помолчал, а затем поднялся и подал мне руку, предлагая последовать за ним.

Безропотно вложила в его руку свою слегка обмякшую от предчувствия нелёгкой истины кисть. И он повёл меня к окну на второй этаж общей комнаты, где ещё совсем недавно у нас с ним всё случилось впервые.

Мы так же были нагими, и меня продолжало тянуть к нему, теперь даже ещё сильнее, чем прежде, но ожидание его откровения заставляло меня сильно нервничать, что ощущалось так, будто между нами возникла тонкая вакуумная прослойка.

«Может ли его правда изменить моё к нему отношение? И если да, то, что тогда будет дальше»? — Поток тревожащих вопросов в моей голове прервался размеренной речью Азиза:

— Посмотри на эти ало-пурпурные краски зари, что растворяются на всё голубеющем небе, на улицы, что высветляются восходящим солнцем — словно кто-то подготавливает трёхмерный холст, чтобы рисовать на нём новый неповторимый день. Только вслушайся в эту невероятно красивую песнь ранних пташек, что заливаются трелью, воздавая радость этой жизни. Скоро проснутся люди и тоже поспешат делать счастливыми себя и своих близких. Разве не прекрасный спокойный мир открыт сейчас перед тобой?

Он ненадолго замолк, и я не стала нарушать тишину, понимая, что это был риторический вопрос, а Азиз тем временем продолжил:

— Я не хочу лишать тебя этого. Пойми, я связан со слишком опасным тёмным миром, и не могу позволить себе даже самую малость посвятить в него такого хрупкого ангела, как ты, так как это бы означало привязать тебя к нему, запятнать, и навсегда лишит той свободы, которую ты знаешь сейчас.

«Он ничего тебе не расскажет», — холодными буквами пропечаталось в моём сознании. Ещё пару минут назад я была готова услышать любое его признание, но теперь я совершенно чётко поняла, что расспрашивать его о чём-либо бесполезно, и, просто молча развернувшись, зашагала в свою спальню.

Когда, одевшись в недавно купленный летний костюм и лёгкую обувь, я вернулась обратно в общую комнату, Азиз тоже был там, на нём красовались новые тёмно-серые джинсы и простая футболка с V-образным вырезом более светлого серого оттенка.

— Собралась куда-то? — в светящихся нежностью карих глазах Азиза отразилось замешательство.

— Да, я уезжаю.

— Что? Куда? — он явно не ожидал такого поворота событий и теперь совершенно растеряно смотрел на меня.

— Я устала. От тайн, от возможной лжи. Я просто хочу домой, а там будь что будет... — мой голос задрожал, и слёзы не заставили себя долго ждать.

Аз тут же подошёл и сгрёб меня в свои тёплые объятия:

— Ангел мой, прошу, потерпи ещё немного. Поездка, которую я сейчас собираюсь осуществить, очень надеюсь, поможет разрешить эту дурацкую ситуацию как можно скорее, и тогда я потом сам отвезу тебя домой.

— Но почему ты не можешь мне сказать, куда ты уезжаешь? Почему, чёрт возьми, не можешь рассказать о себе хоть что-то?!

— Давай так. Если у меня сегодня всё получится, то когда я вернусь, поведаю тебе

абсолютно всё. А если нет, то отложим это ещё на какое-то время, идёт?

— Да к чему такие условия? Что может в корне изменить твоё решение? Можно мне услышать от тебя хоть какую-то правду?

— Одна простая правда, которую ты упорно не хочешь слышать — это то, что я молчу и буду продолжать молчать только ради твоей безопасности и благополучия.

Азиз был непробиваем. Настояв на своём, он убедился, что я хотя бы дождусь его возвращения, прежде чем делать глупости, уезжая куда-то одной, и ушёл, оставив мне некоторую сумму в виде наличных, чтобы я могла питаться в местном ресторане, если вдруг еда, привозимая в номер, мне не понравится.

Так же он намекнул, что люди Демида будут присматривать за мной, и если я вдруг передумаю его ждать, то мне всё равно не позволят выйти за границы местной зоны отдыха.

«Слушай, ты так говоришь, будто заложница»! — в голове всплыли слова сестры из того телефонного разговора, и, вспомнив нашу с ней последнюю переписку, я ощутила сильную тоску.

Не позволив грустному настроению окончательно завладеть мной, я решила немного прогуляться по внутренней территории отеля.

Внизу располагался тот самый бассейн, что ночью так красиво отражал звёздное небо, и, наблюдая, как вокруг него редкие жаворонки занимают лежаки, наслаждаясь ещё нежаркими лучами солнца, у меня в голове родилась одна идея.

Неподалёку был небольшой магазин с купальными принадлежностями, и, примерив подходящее по размеру бикини ярко-малинового цвета, я совершила покупку.

Местный бар, по периметру обставленный высокими искусственными пальмами только открывался, и, заняв ближайший к нему шезлонг, я улеглась, предоставив свою прохладную светлую кожу мягкому утреннему теплу.

Сегодняшняя ночь выдалась довольно энергозатратной, к тому же проснулась я очень рано, и немного прогретшись на солнышке, не заметила, как погрузилась в сон.

— Девушка, — вытянул меня чей-то негромкий мужской голос из сладкой неги, где я вновь пребывала в жарких объятиях Азиза.

Нехотя открыла глаза и увидела, что ближайший от меня шезлонг теперь занят молодым светловолосым мужчиной.

— Девушка, — позвал он ещё раз и, заметив, что я, наконец, отреагировала, обратил моё внимание на валяющийся на земле клатч. — Извините, у вас сумочка упала.

Поблагодарив мужчину, я стала собирать обратно рассыпавшиеся из сумки предметы личной гигиены, что складывала с собой ещё утром, когда решила отправиться в дорогу.

Небольшой антиперсперант цилиндрической формы укатился практически под соседний шезлонг и блондин любезно мне его подал.

— Тоже любите отдыхать, пока здесь не так людно как днём? — тут же обратился он ко мне, и я, обрадовавшись, что зверь так быстро прибежал на ловца, очаровательно улыбнулась ему в ответ:

— Верно подмечено, не люблю когда слишком шумно, да и яркое дневное солнце моей коже противопоказано. — Я выдавила немного солнцезащитного крема и стала наносить его плавными круговыми движениями, покрывая все основные участки своего оголённого тела. Боковым зрением я периодически замечала, как мужчина не без интереса поглядывает на меня.

— Не поможете? — повернулась я к нему, тыкая пальцем на свою спину.

— С удовольствием спасу эту нежную кожу от палящего солнца, — радостно отозвался он, и когда его руки, аккуратно растирая крем, стали касаться меня, я почувствовала себя так, будто изменяю своему мужу.

Парень был довольно симпатичным, и при любых других обстоятельствах он бы мне, скорее всего, даже очень понравился, но после встречи с Азизом и того, что между нами было — все остальные мужчины просто перестали для меня существовать.

— Благодарю, достаточно, — поспешила поскорее прекратить неприятный для меня контакт. И начала отыгрывать финальную сцену этой игры, рассчитывая беспрепятственно получить желаемое.

Открыла сумочку и наиграно охнув, поднялась и стала делать вид, что ищу ещё одну вещь.

— Что-то потеряли? — участливо поинтересовался блондин.

— Мой телефон пропал...

— Может, вы его просто забыли в номере?

— Нет, я его точно брала с собой. Наверное, его украли пока моя сумочка валялась открытой!

— Давайте я схожу к администратору и сообщу о пропаже, думаю, сотрудники отеля смогут помочь его найти. Что у вас за модель?

— А так можно? Ну, тогда я могу это сделать сама, только чуть позже. А сейчас я должна позвонить своей сестре. Мы с ней каждое утро созваниваемся в одно и то же время. Не могли бы вы одолжить мне свой смартфон ненадолго? Она просто сейчас в положении и, скорее всего, будет переживать, если я не выйду на связь вовремя.

Как я и ожидала, блондин даже ничего не заподозрил и запросто предоставил мне свой гаджет, а сам куда-то отошёл.

Алёна сейчас должна была как раз собираться на работу, и я надеялась, что успею застать её дома. Вошла в свой аккаунт и нажала кнопку видеовызова.

Спустя несколько гудков, на экране смартфона я увидела удивлённо-заинтересованное лицо своей сестры, которая тут же набросилась на меня с вопросами:

— Лина, где ты сейчас? У тебя всё хорошо?

— Привет, солнышко! — постаралась я улыбнуться как можно теплее, чтобы успокоить её одним своим видом. — У меня всё хорошо, правда. Я на отдыхе, я тебе уже говорила. — Обвела камеру вокруг, показывая ей своё окружение. — Поздравляю вас с Артёмом! Очень хотела бы сказать это вживую и обнять тебя, но пока хотя бы так.

— Ого, ты и правда отдыхаешь! Что-то мне до последнего в это не верилось... Я, кстати, забыла тебе сказать, что ваш главврач в тот раз отдал мне твою сумочку. Внутри был твой севший телефон, косметичка и банковская карта. Я родителям об этом не сказала, чтобы не было лишних вопросов. Но ты же тогда просто уехала на стрессе, да? И поэтому всё оставила? Как ты вообще без телефона и карты куда-то поехала? И с чьего телефона ты тогда со мной связываешься?

— Скажем так, я отправилась в авантюрное приключение, которое подарило мне мужчину моей мечты.

— Так ты там не одна? — Её лицо стало беспокойно хмурым. — С кем ты?

— Алёна, я тебе позже обязательно всё расскажу. Не хочу, чтобы ты переживала, поэтому главное, что тебе сейчас важно понять, это то, что я правда в безопасности. Просто поверь мне, — улыбнулась я ей с огромной нежностью, в надежде вызвать доверительный отклик в её сердце, но это не сработало.

— Я не понимаю к чему все эти тайны и странности, если тебе правда ничто не угрожает? Особенно, учитывая, что я реально за тебя тревожусь, а мне ведь совсем это не

полезно... Но я ничего не могу с собой поделаться!

— Понимаю, солнышко. Мне правда никто и ничто не угрожает, но прямо сейчас я не смогу успокоить тебя полноценным ответом и рассказать почему мой отъезд оказался таким спонтанным и протекает в таинственной форме. Просто «зузь», хорошо? Ради своего малыша, прошу тебя... Постарайся?

— Допустим. И когда ты собираешься вернуться домой?

— Пока не могу сказать. Так же как и когда я смогу ещё раз позвонить или написать тебе. Прости. Но давай сделаем с тобой вот что. Сейчас ты включишь запись экрана и сохранишь наш с тобой видеозвонок, чтобы потом показать его родителям. Пусть они убедятся, что я на самом деле в отпуске.

— Лина. Мне сейчас впервые в жизни хочется матюгнуться. Ты реально и дальше собираешься использовать меня в этой непонятной мне интриге?

Стыд и сожаление сдавили мне горло, и я поджала губы, не зная, что ответить.

— Ладно. — Сестра медленно выдохнула. — Я постараюсь не накручивать себя из-за тебя, а так же сделаю всё возможное, чтобы мама с папой как можно спокойнее пережили твоё отсутствие. Но! Пообещай мне, что не дашь себя в обиду и как можно скорее вернёшься домой, хорошо?

— Обещаю, Алён, я сделаю для этого всё возможное. Так что, запишешь наш разговор?

— Хорошо, я съезжу к ним вечером, покажу это видео, но они ведь спросят, почему не могут связаться с тобой напрямую, что мне им ответить?

— Скажи, что связь у меня здесь дорогая или что отсюда плохо берёт. Надо что-то такое придумать правдоподобное...

— А здесь и отсюда — это где? Они ведь будут допытывать меня, где конкретно ты отдыхаешь. Хоть это ты мне мо... — она резко замолчала, переключив свой взгляд куда-то поверх меня.

— Здравствуйте! Извините, что перебил, — позади меня стоял мой новый знакомый, держа в руках два запотевших стеклянных бокала, украшенных сверху дольками лайма. — Просто такая жара поднимается, и я подумал, что прохладительный напиток вашей сестрёнке сейчас совсем не помешает, — подмигнул он Алёне в камеру и, довольно протянув мне один бокал, устроился со вторым на своём шезлонге.

— Спасибо, — поблагодарила я его и одними губами ответила сестре на её немой вопрос:

— «Да, это он».

Обрадовалась, что ситуация сложилась именно таким образом, ведь сестра ощутимо расслабилась после того как увидела того, с кем якобы я устроила курортный роман. Блондин был открытым улыбающимся человеком, и внешне вызывал только доверие.

— Ангелин, Артём меня уже наверное заждался в машине, нам на работу уже пора. Давай быстренько сделаем то, что ты просила? Я включаю, — напомнила о моей затее Алёна и стала невозмутимо играть свою роль: — Ну как тебе отдыхается?

— О, тут просто замечательно! — я поднялась и медленно зашагала вдоль бассейна, держа ракурс так, чтобы на заднем фоне было видно одновременно и водичку и пальмы у бара. — Купаюсь, загораю, коктейлями балуюсь, — сделала глоток из бокала, которым меня угостили. Это оказался довольно вкусный безалкогольный мохито.

— А мы тут все уже очень соскучились по тебе, мама с папой ждут не дождутся, когда ты вернёшься.

— Я тоже очень по всем вам скучаю, учитывая, что не виделись мы гораздо дольше, чем я в отпуске, но обещаю, что как только почувствую, что достаточно зарядилась солнышком и мои нервы в порядке, то сразу же вернусь.

— Ладно, малая, отдыхай и наполняйся энергией сколько тебе необходимо. Если что-то нужно будет, звони.

— Кстати, свой телефон я ещё и не починила, поэтому пока так же — буду на связи по возможности, так что не теряй, передавай всем приветы, всех люблю! Пока!

— Хорошо, Ангелин, пока!

Отключившись, я вышла из своего аккаунта и вернула блондину его смартфон.

— Извините, я услышал, что сестру зовут Алёна, но до сих пор не знаю, как зовут вас. — Лёгкое не наигранное смущение было этому смазливому парню очень к лицу. — Меня зовут Карим, и если не против, то можно на «ты».

— Ангелина, приятно познакомиться.

— Взаимно, Ангелина. Очень красивое имя. Как и его обладательница, — Карим сделал двойной комплимент, и я поняла, что если останусь тут ещё ненадолго, он начнёт подкатывать уже более серьёзно.

— Ещё раз благодарю за коктейль, — взяв свою сумочку, поставила полупустой бокал на шезлонг, собираясь попрощаться.

— Уже уходишь? — блондин явно расстроился.

— Да, надо срочно сообщить о пропаже телефона, может его всё же ещё удастся отыскать.

— Верно, по горячим следам больше шансов на успех. А я буду слишком наглым, если спрошу твой номер телефона?

— Даже если я его назову, ответить всё равно теперь не смогу, — шутливо нахмурившись, развела я руками.

— Ангелина, — Карим предпринял последнюю попытку, — мы ещё увидимся?

— Пока я здесь, всё может быть, — расплывчато ответила я, не желая окончательно расстраивать человека, благодаря которому я смогла осуществить задуманное и хоть немного успокоила свою душу.

Ещё никогда в моей жизни день не тянулся так медленно как сегодня. Стараясь заглушить мысли об Азизе, я щёлкала пультом телевизора, пересмотрев здесь все доступные каналы.

Не в силах больше внимать «чёрному ящику», набрала ванну с пеной и погрузилась в воду, приятно согревающую моё скованное стрессом тело.

Стоило коже немного прогреться, а мышцам расслабиться, как в голове тут же возник образ Азиза. Он предстал в моём воображении таким, каким я его узнала этой ночью, и я разом ощутила мощный энергетический подъём.

И кто мы теперь, после того, что произошло между нами — пара?

Поглаживая татуировку в виде двух разнонаправленных треугольников, обрамлённых змеёй, пожирающей себя за собственный хвост, на его крепком плече сегодня утром, я была уверена, что именно пара. И что, если между нами рухнули физические барьеры, то обязательно разрушатся и все остальные.

Но что вышло на самом деле? Всё осталось как прежде. Он — бездна, что влечёт меня непознаваемым таинством. Вот только я теперь совершенно безоружна перед ним, и эта бездна теперь запросто может поглотить меня без остатка.

Что же я наделала? Как могла поддаться своим желаниям вопреки здравому смыслу, даже учитывая, что магнетизм между нами был просто непреодолимым? Что на меня нашло?

Сделала бы я это ещё раз?

Чёрт, да...

«Как же он хорош», — по моему телу прокатился жар, заставив щёки запылать огнём.

Тёплая вода, словно вчерашние прикосновения Азиза, мягко согревала кожу. Прикрыв глаза, я с упоением стала вспоминать, как касались меня его руки, глядя своё тело податливой мыльной вехоткой. Мои фантазии почти довели меня до экстаза, но мозг остановил меня, разбавив эту сладкую негу беспокойными мыслями.

Что, если с ним случится что-то плохое? Или это уже произошло. Смогу ли дальше я жить без него?

Что если его уже схватили те, кто всё это время искал его, и теперь я никогда больше не увижу того, кто разделил мою жизнь на «до» и «после»?

Того, кто наполнил меня настолько сильным всепоглощающим чувством, что словно вырастило крылья за моей спиной, и теперь никакой, даже самый тяжёлый груз переживаний, не сможет лишить меня этого прекраснейшего ощущения полёта.

Кроме одного — если Азиза вдруг больше не станет в моей жизни.

Время уже близилось к закату, а его всё ещё не было, и моя склонность к пессимизму продолжала нашёптывать мне то, чего мне меньше всего хотелось бы представлять.

Тревога продолжала расти, и я вновь включила телевизор. Выбрав музыкальный канал, сделала громкость на полную, чтобы хоть как-то заглушить свой внутренний голос.

Это помогло, но ненадолго — к двенадцати ночи пришлось сделать тише, ведь я не знала насколько здесь тонкие стены, и мне совсем не хотелось бы мешать людям в соседнем номере отдыхать.

Понимая, что уснуть всё равно сейчас не получится, я решила отправиться в клуб.

Надела своё новое платье светло-кораллового цвета и босоножки, положила в сумку-

клатч ещё несколько оставленных мне Азизом купюр, чтобы купить себе забытые, если вдруг громкая музыка не поможет мне расслабиться.

Внутри было не менее динамично, чем в прошлый раз. Первый этаж был набит весёлыми довольными людьми. Под мелодичные электронные треки на танцполе бурлила жизнь.

Никогда раньше я не посещала подобные заведения одна и сейчас чувствовала себя крайне неудобно. Столики по периметру были все заняты, и я сразу же прошла в другой конец зала к бару, чтобы немного освоиться.

— Что-нибудь будете? — наклонившись ко мне, поинтересовался загорелый бармен, как только я разместилась у высокой стойки из монолитного тёмно-коричневого дерева.

— Спасибо, пока нет.

Мелькающие огни светомузыки и весело снующий мимо народ немного отвлекали меня от гнетущих мыслей, но комок беспокойства продолжал ощутимо разрастаться в груди.

Пронизывающая всё тело громкая музыка даже через четверть часа не смогла справиться с моим внутренним напряжением, и мне пришлось растворять его бесполезным коктейлем, выбрав из двух зол меньшее.

Допивая свой «Лонг-Айленд Айс Ти», я обернулась на вход, ещё раз просканировав помещение в надежде увидеть Азиза. Я была уверена, что если он вернётся в ближайшее время, то люди Демида сразу же дадут ему знать, где я нахожусь.

— Ангелина! — Я вздрогнула, потому что чья-то рука знакомым образом провела по моей спине. Рядом возник мой новый знакомый.

— Карим... Ты напугал меня, — улыбнулась я одними уголками рта, чувствуя, как вспышка испуга тонет, увлекая за собой и большую часть тревожных ощущений, что мучали меня до этой минуты.

— Извини, я не хотел, — одарил меня широкой светящейся улыбкой блондин, и громко обратился к хозяину бара: — Мне текилу, а девушке повторить.

— О нет, мне хватит, — запротестовала я, ощущая лёгкое головокружение, но клубный шум не позволил донести мне информацию до бармена, что уже увлёкся приготовлением нового заказа.

— А ты и правда какая-то напряжённая, так что не отказывайся от коктейля, — заключил Карим и улыбнулся мне ещё обаятельнее: — Я так рад, что мы снова увиделись!

— Я тоже, — искренне отзеркалила я, благодарная этому человеку, за то, что он, сам того не зная, вот уже второй раз помогает мне облегчить мои душевные терзания.

Карим настолько внятно, насколько позволяла ему это сделать клубная музыка, стал делиться со мной одной забавной историей, что приключилась с ним, когда он позавчера заехал в этот отель.

На смешном финальном моменте, я так сильно рассмеялась, что остатки нового коктейля в моей руке, выплеснувшись из бокала, попали прямо на ворот рубашки Карима.

Я извинилась, и, достав из сумочки влажную салфетку, протянула ему. Блондин поблагодарил меня и, нисколько не расстроившись, так же весело сообщил, что оставит меня ненадолго поскучать, ведь куда эффективнее будет промыть пятна от капель проточной водой в уборной.

Заиграл ремикс некогда популярного трека Röyksopp «What Else Is There?», и стоило Кариму отойти от меня, как я тут же почувствовала на себе пронзительный взгляд. Шестое чувство подсказывало мне, что это именно Азиз и, развернувшись, мои догадки

подтвердились.

В своём деловом костюме такой необычайно красивый он стоял, прислонившись к выступу лестницы, ведущей на второй этаж, и смотрел на меня так, будто в этом зале была только я одна.

При виде Азиза, крылья, подаренные мне им, понесли меня в его сторону так быстро, как только разделяющие нас люди позволяли мне сквозь них пробираться.

Я была так рада, что он вернулся, что он жив и здоров и прямо сейчас мне всё расскажет.

Щёки потеплели, разрумившись от выпитого и от предстоящей встречи — мне не терпелось обнять, вдохнуть его неповторимый запах, почувствовать, как сильные, но необыкновенно нежные руки Азиза долгожданно прижимают меня к себе.

Но когда я приблизилась к нему, то не увидела с его стороны подобного стремления. На невозмутимом лице мужчины, в которого я теперь была влюблена окончательно и бесповоротно, как обычно не угадывалась ни одна эмоция.

Он продолжал стоять и смотреть на меня так, будто ждал каких-то объяснений. А ведь это именно он задолжал мне историю.

Я заставила себя посерьёзнеть, ведь сейчас, как я ожидала, мы должны были преодолеть ту пропасть, что разделяла нас его молчанием. В реальности же Азиз находился всего в шаге от меня, и я, не желая к нему больше приближаться, так громко, как только могла, первая задала вопрос:

— Ну что, готов мне всё рассказать?

Лёгкий кивок его головы был больше похож на то, что он, в чём-то убедившись, подтвердил что-то сам для себя, чем на ответ мне.

— Пойдём со мной, — Азиз предложил мне последовать за ним на второй этаж в вип-зону, в которой мы были здесь в прошлый раз.

— Будешь что-нибудь? — поинтересовался он, когда мы разместились за столом.

— Буду. Правду, пожалуйста, — скрестила я руки на груди, давая понять, что настроена выяснить всё здесь и сейчас.

— Ангелина, помнишь, у нас был уговор, что...

— Да, помню, — нетерпеливо перебила я его, предчувствуя неладное, — с которым я не согласилась.

— Что я тебе всё расскажу, только в случае, если поездка будет успешной? — невозмутимо продолжал Азиз.

Размечталась... Он и сейчас мне ничего не скажет!

— Так вот, ничего не вышло.

А я ведь, как дура, до последнего думала, что наши отношения просто обязаны выйти на более доверительный уровень, но не тут то было.

— Дело пока всё ещё не сдвинулось с мёртвой точки.

От осознания своей полной капитуляции в этом вопросе, мою грудную клетку будто сдавило невидимыми тисками, не давая мне сделать полноценный вдох.

Тут же вспомнилась моя недавняя афера с видеозвонком — перед глазами встало обеспокоенное лицо беременной сестры, и вдобавок ко всему меня накрыло ещё чувством вины.

Стало до невозможности обидно — ведь я вру, заставляя нервничать своих родных, отдаю ему всю себя, а он не может мне выдать даже малую толику правды!

— Что ты на самом деле скрываешь, Азиз? Правда ли за меня боишься? Смешно! — я поднялась из-за стола, намереваясь уйти. — Вот она я вся перед тобой как есть — и душой и телом, а ты, кажется, просто пользуешься моментом. Ну да, ещё бы, ты ведь именно этому меня и учил...

— Нет, это не так. Лина, — он остановил меня, придерживая за руку, и проникновенно посмотрел в мои глаза. — Прошу, спроси только то, о чём больше всего хочешь знать.

Моё сердце пропустило удар, потому что первой мыслью было выяснить: настолько же сильны его чувства ко мне, как мои?

И сразу стало очень больно, оттого, что если бы это было действительно так, то он незамедлительно бы разрушил эту стену неизвестности между нами.

Это он что, серьёзно сейчас? Разрешил задать мне всего один вопрос?!

Я ощутила какой-то нехороший энергетический всплеск внутри себя, потому что всё это снова стало походить на какую-то безумную игру.

Пусть так — я не намерена сдаваться! И правила в ней будут не только твои, Азиз.

Азиз

Лина ушла, полностью проигнорировав мою просьбу, а женский голос из звучавшего сейчас трека ответил мне за неё:

— «I don't know what more to ask for, I was given just one wish».

Я понимал, что делаю ей больно. Я делал больно не только ей, но и самому себе.

Мне так хотелось, чтобы между нами не было никаких тайн. Но сейчас было ещё не время раскрывать все карты.

В ещё одном тайнике отца я не обнаружил ничего, что могло бы хоть как-то помочь мне в решении сложившейся проблемы. И мне до сих пор было не ясно, как всё может повернуться и как вообще закончится эта история, а потому я не мог позволить себе испортить этой прекрасной девушке жизнь.

Сквозь стекло я наблюдал, как она спустилась к выходу, а затем, передумав, развернулась, и прошла прямо в центр танцующих. Красивая, будто парящая, она закружилась под музыку, и движения её были как никогда лёгкими и уверенными.

В тот раз на вечеринке под открытым небом, она ещё не была той Ангелиной, какой я видел её сейчас. А с последней нашей встречи и того — её ясный, но всегда чуть испуганный взгляд стал спокойным и решительным, приобретя новую глубину и дополнительное свечение.

С момента нашей первой встречи Лина явно претерпела ряд внутренних трансформаций. И я знал, что являюсь главной причиной абсолютно всех изменений в ней. Не сама ситуация, в которую угораздила занести её жизнь, не трудности и опасности. А любовь.

После нашей близости, у меня не осталось сомнений, что девчонка влюбилась в меня, и, кажется, это у неё впервые.

Это невероятно нежное создание со взрывным характером вызывало во мне самые сильные чувства, на которые я только был способен. Рядом с ней моё доселе уравновешенное восприятие, которое не всколыхнула даже прямая угроза смерти, обострилось в разы, наполнив жизнью каждый пиксель окружающего меня пространства.

Ещё тогда в больнице, впервые увидев эту красивую добродушную медсестру с ясными голубыми глазами, я почувствовал, что она одним своим присутствием способна исцелить глубокую рану на моём сердце, и после того как мы сбежали, проведя с ней неразлучно вот уже неделю, я в этом прямо убедился.

А вчера она сама захотела стать моей, и теперь стучится в закрытую дверь, ведущую в самый центр моего основания, которую я ещё никому никогда не открывал. И я боялся, что то, что Ангелина обнаружит там — навсегда отвернёт её от меня.

Именно поэтому я не торопился рассказывать ей о себе и объяснять что-либо касательно причин побега, ведь это было опасно не только погружением Лины в криминальный мир, что могло потом плохо отразиться на всей её дальнейшей жизни, но ещё вело к тому, что мне пришлось бы ответить на самый главный тревожащий её вопрос, а ответ бы ей точно не понравился.

Вкусив её суть той ночью, я понял, что теперь ни одна девушка не сможет заменить мне её. И мне так не хотелось бы с ней расставаться.

Но мы из разных миров, и я ко всему готов. Что бы ни произошло в дальнейшем, как бы в итоге не разошлись наши дороги — этот ангел навсегда будет пребывать в моём сердце.

Движения Ангелины становились всё более откровенными. И дело было не в выпитом ею алкоголе — она знала, что я сейчас смотрю на неё. Хочет заставить меня ревновать, глупышка.

Не взирая на наглых псов, что неприкрыто прожигали Лину голодными взглядами с разных углов зала, я с любопытством невозмутимо любовался её дерзким танцем, пока к ней не подкатил тот белобрысый хрен, что лип к ней у бара, когда я только зашёл в клуб.

Меня передёрнуло — он так по-хозяйски провёл по её спине, заставив таким образом обратить на себя внимание. Этот приставучий тип наклонился прямо к её уху, приобняв за талию — будто по-другому не вышло бы сказать ей что-то.

Она реагирует на это «что-то» искренним смехом, и её заинтересованность его персоной выглядит очень естественно — не похоже, что играет. Меня снова коробит.

«А это ещё что за»... — Лина ненадолго наклонилась к нему в ответ, и в темноте зала мне показалось, что она поцеловала этого типа в щёку.

Давно я не чувствовал, как закипаю в долю секунды.

Ещё через несколько секунд я был уже внизу, стараясь не сильно расталкивать преграждающих мне путь людей.

Я был уже в полуметре от Лины, намереваясь взять её за руку, чтобы увести в номер, как белобрысый, вроде как ненароком прижался к Лине, и тут впервые за десять лет мне сорвало чеку.

Я схватил этого козла, резко развернув к себе, и с трудом поборов желание тут же вмазать ему, жестом предложил выйти со мной.

Люди вокруг нас стали оборачиваться, с интересом наблюдая разворачивающуюся картину.

Испуганные глаза Ангелины наполнились возмущением. Она попыталась мне что-то сказать и остановить, когда мы с белобрысым зашагали к выходу, и в самих дверях я кивнул охранникам, чтобы те не выпускали девчонку.

— И чем я тебе не угодил? — недоуменно поинтересовался тип, как только мы с ним оказались на улице.

— Много себе позволяешь в отношении незнакомых девушек.

— Ты о Лине что ли? Так я знаком с ней... А ты кто такой?

— Хороший вопрос, но тебя это не касается.

— В смысле не касается, ты мне тут за девушку предъявить пытаешься или я не так тебя понял?

— Всё ты так понял. Чтобы даже близко к ней не подходил. Больше предупреждать не буду.

Ангелина ждала в холле, нервно теребя ремешок своей сумочки. Она посмотрела на меня и её глаза заблестели в свете ламп — кажется, она плакала. Я кивнул ей, и Лина последовала за мной.

На улице мы вновь встретились с белобрысым. По-видимому, он не уловил всей серьёзности моих слов, потому что, увидев Лину в слезах, сразу же направился прямо к ней:

— Ангелина, всё в порядке? Хочешь, я провожу тебя до номера?

Но подойти он не успел, потому что я остановил этого прилипалу ударом кулака.

— Ты что! — закричала Лина и подбежала к нему. — Карим, извини меня, пожалуйста!

— Так это твой парень что ли? — белокрытый недобро зыркнул на меня и стал растирать ладонью скулу.

— Всё, пошли, — я взял Ангелину за руку, и потянул за собой.

— Так ты не ответила, кто это такой, он, что, угрожает тебе? — задал вопрос нам в спину этот неугомонный. Так понравилась ему, что никак успокоиться не может.

— Лина, если он сейчас же не отвяжется, то я за себя не отвечаю.

— Всё в порядке, — обернувшись, поспешила исчерпать инцидент она, — прости, что сразу не сказала, что я отдыхаю здесь не одна.

Я чувствовал как внутри неё от обиды и непонимания нарастает внутреннее напряжение.

На освещаемой несколькими фонарями ночной улочке в нескольких метрах от отеля, расстроенная и рассерженная, она, выдернув руку, остановилась, чтобы, наконец, выпустить пар:

— Зачем ты так, мы же просто безобидно танцевали?!

— Безобидно? Он руки распускал.

— А тебе что с того? Разве между нами что-то серьёзное? Ты ведь просто играешь со мной!

— Это ты, кажется, заигралась.

— О чём это ты?

— Ты что целоваться к нему в клубе полезла?

— Что?! Нет! Я случайно облила ворот его рубашки коктейлем у бара, и он просто подошёл показать мне, что следов не осталось! А что если бы даже и полезла, я свободная девушка, разве нет? Или ты считаешь, что я теперь твоя? Секс — это ещё не отношения, ясно? — голос Лины сорвался, и она разрыдалась. — А вот душевая близость — её не купишь ничем! Даже долбаным сексом!

Эти слова вновь задели меня за живое. И обняв её, такую хрупкую и беззащитную, обиженную мной до глубины души, я почти окончательно расклеился, готовый рассказать ей всё, что она пожелает услышать, лишь бы только развеять сомнения относительно искренности моих чувств к ней.

Но мне вновь пришлось оставить её без ответов, потому что к нам направлялся Демид:

— Аз, братишка, что произошло там у вас? Тот парень обидел Ангелину?

— Не совсем, просто приставал.

— Понятно. Но ты ведь понимаешь, что теперь точно привлёк к себе ненужное внимание?

— Мы итак собрались уезжать, одолжишь мне своего коня ещё ненадолго?

— Конечно, бери всё что нужно.

— Тогда мы уезжаем прямо сейчас.

— Я с тобой больше никуда не поеду, — безапелляционным тоном медленно проговорила Лина. — Разбирайся со своими проблемами сам.

— Я всё решил, сейчас я отвезу тебя в одно безопасное место, а сам поеду решать вопрос напрямую.

— Да ты чего, пастух, это же дорога в один конец... — озадачено произнёс Демид.

Ангелина на мгновение застыла, будто её тело сковало страхом от услышанного.

— Там будут люди, которые смогут защитить тебя в случае чего, а если я вдруг не вернусь, то отвезут домой, и ты, наконец, будешь свободна.

— Азиз, что ты задумал? — безжизненным голосом поинтересовалась она.

— Я пока сам не знаю, получится ли у меня что-нибудь, но в любом случае ждать тебе осталось недолго. Скоро ты вернешься к родным и навсегда забудешь этот кошмар.

Ангелина

Жизнь ничему меня не учит.

Сначала была теория в виде бесконечно далёких друг другу родителей. Затем практика — мои собственные первые отношения, в которых мы с парнем были близки лишь физически, а внутреннего родства не было и в помине. И вот теперь — экзамен, который я провалила с треском.

Пора убирать грабли с пути или они уберут меня.

В многочасовых раздумьях на безмолвной дороге в столицу — в исходную и конечную точку всего нашего путешествия — я твёрдо для себя решила, что если душевной близости нет, то вымалывать или стараться её заслужить я больше не буду.

К тому же было слишком эгоистично с моей стороны ставить на кон жизнь и здоровье своих родных ради малознакомого человека, пусть даже я доверчиво готова утонуть и полностью раствориться в его тихом омуте, наплевав на всех возможных там чертей. А они у него точно есть — ни за что ни про что ударить человека, который просто хотел убедиться, что я в безопасности...

Отдохнув несколько часов в придорожном хостеле в разных номерах, мы отправились дальше. Азиз в своём новом чёрном спортивном костюме гнал по трассе, выжимая из «ауди» Демида максимальную скорость. Я тоже переделалась в удобную футболку и шорты и, с комфортом разместившись на заднем сиденье, почти всю оставшуюся дорогу дремала или просто терялась в раздумьях, больше не предпринимая попыток выведать у него что-либо, ведь я чувствовала его непреклонность — открываться он по-прежнему мне не собирался.

В моменты редких остановок Азиз пытался выяснить причину моего молчания, говорил, что понимает как мне тяжело и просил прощения за то, что это по его вине.

В мой родной город мы заехали ближе к следующей ночи. Азиз припарковался в нескольких кварталах от центра во дворе обычной малопримечательной многоэтажки, обнесённый забором первый этаж которой был полностью выкуплен под складские помещения.

По просьбе Азиза я последовала за ним, и он показал мне тайный проход к подвалу этого здания.

Спустившись вниз по ступенькам, он постучал в простую деревянную дверь с облупившейся краской, что совсем не производила впечатления того, что за ней можно надёжно укрыться и что там вообще могут быть люди. Но практически сразу же из-под двери кто-то просунул наружу свёрнутый лист бумаги и простой карандаш.

Азиз поднял предметы и, развернув листок, стал читать. А затем вписал что-то и вернул всё обратно. Мне было крайне любопытно, что это могло значить, но я продолжала молча наблюдать за происходящим.

На улице уже давно было темно, и когда дверь приоткрылась, тусклый свет уличного фонаря позволил разглядеть внутри ещё одну дверь. Она была более внушительных размеров и сделана из толстого металла. Рядом с ней стоял высокий худой мужчина в белом костюме, и его сверхакуратный внешний вид резал глаз контрастом с окружающим его обшарпанным пространством.

Он провёл нас внутрь, и всё изменилось разительным образом: вдоль чистых стен

уходящего вдаль коридора, тянулись цветные неоновые провода, эффектно подсвечивая декоративную кирпичную кладку. Впереди стояли два крепких орешка, напоминая обычный фейс-контроль, но им почему-то было совершенно безразлично кто мы такие, что несём с собой и во что одеты. Когда мы проходили мимо, они даже не обратили на нас внимания.

Мужчина в белом костюме проводил нас в довольно просторную полутёмную комнату, лишь некоторые зоны которой освещались немногочисленными лампами с приглушённым тёплым светом. Пол здесь был выложен чёрно-белой плиткой, а потолок как и стены были разукрашены причудливыми разноцветными граффити, флуоресцентные краски которых светились под неоновыми лампами.

В целом это место напоминало некий андеграунд-клуб, только музыки здесь не играло, но людей было предостаточно. Многие, с интересом обсуждая что-то, располагались на диванах в мягкой зоне более тёмной области зала, другие группки людей собрались кто у бара, кто у бильярдного стола.

Народ никак не отреагировал на наше появление, кроме одного человека, что, сразу же отделившись от толпы, проследовал к нам. Он был одет в стильный чёрный костюм, и на вид нельзя было точно определить, сколько ему лет. Хотя волосы с проседью и морщинки вокруг живых умных глаз, давали понять, что этому ухоженному мужчине не менее пятидесяти. Он встретил нас улыбкой:

— Азиз, давно я тебя не видел. Рад встрече.

— Я тоже, Аглай. Нужно поговорить, но для начала приюти нас с Ангелиной. Есть свободное место для отдыха? Мы с долгой дороги.

— Без проблем, пойдёмте.

Аглай повёл нас в другой зал, в котором была лестница наверх. Поднявшись, мы оказались в коридоре первого этажа — в окно было видно улицу, по которой мы сюда приехали.

За одной из дверей оказалась небольшая довольно уютная комната с двуспальной кроватью по центру, а по периметру вся заставленная книжными полками. На журнальном прикроватном столике тоже были навалены книги.

Это что, книжный склад жилого типа? Или какой-то замаскированный отель для интеллектуалов — что это вообще за место такое?

Вопросов снова было больше некуда, но я держала данное самой себе обещание и не проронила ни слова.

Аглай сообщил, что если нужно освежиться, то ванная комната располагается прямо по коридору напротив, и, поинтересовавшись, не голодны ли мы, пообещал, что скоро нам принесут ужин, после которого он будет ждать Азиза у себя.

Во время еды, смакуя обычный, но очень вкусно приготовленный салат из креветок с зеленью, я разглядывала книжные полки, поражаясь, насколько же большая здесь коллекция классической философии и психологии.

Шопенгауэр, Ницше, Юнг... Кто вообще читает такое в потайных отелях?

Истинное предназначение заведения, в котором мы оказались, вызывало во мне жгучее непреодолимое любопытство.

Азиз проследил направление моего взгляда и, считав давно повисший в воздухе вопрос, наконец, пояснил мне:

— В нашем мире существуют такие места, вход в которые зависит не от финансов, внешности или статуса в обществе, а от уровня сознания.

— Не совсем поняла, ты это про возраст?

— Биологический возраст ещё далеко не показатель духовного развития.

— А, так это что-то типа тусовки для сэнсэев, вроде тебя, — я засмеялась и не без сарказма продолжила: — И почему те, кто как-то связан с тёмным миром выше по этому самому уровню сознания, чем простые смертные?

— Потому что они побывали на обеих сторонах. Пока человек не замечает своей собственной тени или просто игнорирует её, как-то пытаясь убежать — он не принимает и не видит полную картину мира, не понимает всей сути мироздания. И лишь тот, кто погружался на дно, может оттолкнуться, чтобы выплыть по-настоящему.

— Не слышала раньше про подобные сборища. Прямо что-то новенькое у нас.

— Такие места существуют испокон веков и практически в каждом городе.

— Вот как, не знала.

— Теперь знаешь. — Азиз был как никогда серьёзен и, опустошив свою тарелку, пожелал добрых снов и сразу же покинул меня, даже не сообщив, вернётся ли он ещё сегодня или сразу же поедет туда, куда планировал. Я полностью доверилась происходящему и не задавала лишних вопросов.

Внутри себя я ясно понимала, что если начну этот разговор, то не сдержусь, и отговорю Азиза от задуманного, пусть даже мне придётся его умолять, признаваясь в своих сильных чувствах к нему.

Но то было его решение. И новую меня оно полностью устраивало. Больше никаких граблей на моём пути.

Я развалилась на кровати и затёкшие после долгой дороги мышцы, благодарно расслабившись, позволили мне сразу же погрузиться в сон.

В комнате было очень темно, когда я открыла глаза, проснувшись от нежного прикосновения ладони Азиза к моей щеке. Он сидел на краю кровати и молча смотрел на меня, будто прощаясь.

В долю секунды меня захлестнуло всеми теми чувствами, что я напрасно пыталась закрыть глубоко в себе эти последние сутки.

Я подалась вперёд, жадно обвивая его руками, и он обнял меня в ответ ещё крепче, прижимая к себе как в последний раз.

— Уже уезжаешь? — мой голос задрожал, а на глаза навернулись слёзы.

— Да, мне пора, — прошептал Азиз, большими пальцами стерев покотившиеся по моим щекам дорожки слёз.

Я прижалась к нему ещё плотней и, вдохнув полной грудью его приятный, будто родной мне запах, совершенно точно поняла, что не смогу его никуда отпустить.

Пока Азиз так же негромко, чтобы, видимо, не развеять мой сон, который при виде его сразу же улетучился без остатка, давал мне какие-то наставления на случай, если в ближайшее время он не вернётся или хотя бы не выйдет на связь, я запустила свои руки под его спортивную ветровку с футболкой, став медленно гладить ладонями гладкую кожу его спины. И в голосе Азиза тотчас появились игривые хриплые нотки:

— Ангелина, ты вынуждаешь меня задержаться.

— А может, я совсем не хочу тебя отпускать? — я заглянула в его глаза, что поблёскивали даже почти в полной темноте, и провела вдоль его позвоночника кончиками пальцев, слегка впившись ногтями в поясницу.

Азиз, коротко выдохнув, без промедления отреагировал на это властным поцелуем, вмиг уложив меня обратно на кровать. Он навис сверху, и от ощущения веса, аромата и желания моего любимого мужчины я вся задрожала, став ожесточённое сжимать руками его мышцы в ответ на смелые ласки Азиза.

Как и в прошлый раз, он не стал долго мучить меня ожиданием и, как только одежда полетела на пол, он тут же нетерпеливо завладев мной, отправил на вершину блаженства.

Подарив мне всего себя, Азиз глубоко дышал, восстанавливая свой ритм дыхания. А я, удобно положив голову на его крепкую грудь, покрытую лёгкой испариной, прижалась к нему сбоку, и переполняющие меня чувства стали изливаться из меня откровениями:

— Ещё совсем недавно ты был человеком, которого я чуть ли ненавидела, потому что из-за тебя вся моя жизнь перевернулась с ног на голову! А сейчас я... Я понимаю, что если ты уйдёшь... Если вдруг я тебя больше никогда не увижу, то мне будет очень больно жить!

Я снова расчувствовалась, и Азиз, крепче прижав меня к себе, успокаивающе поцеловал в макушку, зарывшись носом в мои волосы.

— Вообще всё, что происходит со мной с момента нашего знакомства это как буря, от которой я отчаянно пыталась убежать и скрыться, но оказалась в самом центре урагана, и теперь всё что происходит вокруг — какой-то сплошной хаос! Я не знаю, что будет завтра и будет ли оно у нас вообще, но я знаю одно, что я точно не хочу с тобой расставаться.

— Хаос, Ангелина, это очень важная составляющая. А многие местные завсегдатаи вообще бы сказали, что это сама основа жизни. И в чём-то они были бы правы. Когда всё полностью предопределено — это лишь неживой механизм. Не думаю, что знай ты всё наперёд, тебе было бы интересно жить. В уравнении жизни всегда будет одна неизвестная, она и есть свобода.

— Мне теперь не нужна свобода без тебя. Не уезжай, пожалуйста. Я буду ждать столько сколько нужно, только не совершай ошибку из-за моей глупости.

— Лина, я...

— Тсс, — я прижала палец к его губам и, забравшись на него сверху, придавила руками его плечи к кровати. — Я никуда тебя не отпущу, понял? Я тогда погорячилась. На самом деле я поеду с тобой хоть на край света. Я готова спрятаться с тобой хоть от всего мира. Я

теперь не смогу без тебя, Азиз...

— Человек до тех пор будет заполнять внутреннюю пустоту суетой, развлечениями и даже людьми, пока не откроет внутри себя искру, что заполнит её светом. И тогда он сам станет светить и дарить всем тепло. В этот миг у человека изменяется полярность с «брать» на «давать». Настоящая любовь всегда только от избытка сердца.

— Ты на что это намекаешь?

— В тебе есть огромный потенциал, Лина. Ты и сама не знаешь, на что способна. Кто угодно может стать причиной проявления этой недюжинной энергии, о которой я говорю, но не забывай, что источник её всегда только внутри тебя и нигде больше.

— Ты хочешь сказать, что если я полюбила человека, то мне не обязательно быть с ним рядом, чтобы любить?

Он улыбнулся, понимая, что речь идёт именно о нём.

— Чтобы испытывать это чувство — да, не обязательно. Но сколько у любви оттенков? Есть ли у неё глубина или же она бездонна? И если сосуд ею переполнен, то значит ли, что она будет проливаться через край, питая всех окружающих? Что вообще такое любовь, ты знаешь?

— Жизнь до сих пор показывала мне только противоположные ей примеры. И я всегда думала, что любовь можно как-то вызвать, вырастить... И только встретив тебя, поняла, что она именно возникает. Естественным образом. И это нельзя как-то предугадать, подстроить искусственно. Любовь, она как...

Я не смогла подобрать подходящее слово, и Азиз продолжил за меня:

— Как вспышка, что ослепляет при первой же встрече. И когда способность видеть со временем возвращается, понимаешь, что влюбился уже очень давно, просто не мог этого сразу увидеть.

— Да! Она словно настоящая стихия, которая во много раз превосходит тебя по силе, и либо ты ей покоришься, либо она полностью уничтожит тебя, сожжёт дотла...

— Красивое описание. Мне очень нравится, когда люди озвучивают только те истины, которые открываются им в результате их собственных размышлений и прожитого опыта, нежели просто воспроизводят что-либо когда-то прочитанное.

— Приятно слышать это из твоих уст, о, сэнсэй, — я шутливо коснулась пальцем кончика его ровного зазнаистого носа. — Интересно знать, как ты понимаешь любовь?

— Это вечный двигатель. Любовью движимо всё во Вселенной, она есть дыхание самой жизни. Именно любовь примиряет все парадоксы, объединяет любые противоположности, удерживая тем самым само мироздание. И да, её можно вырастить, ведь семена любви есть в каждой частице окружающего нас мира.

— Азиз, не подумай, что я пытаюсь вытянуть из тебя ответное признание, просто ответь мне на один вопрос. Что будет с нами, когда всё закончится?

— Меньше всего на свете мне бы хотелось отпускать тебя, поэтому не могу обещать, что останусь для тебя лишь воспоминанием.

Вот и всё. Мой необычный пациент снова отвечает полузагадками. Даже на тему любви он не особо разговорчив и сентиментален — как обычно философия и ничего личного. И даже открывшись ему полностью, я ни на миллиметр не смогла заглянуть за его стальную завесу.

Он как-то говорил, что окружающие люди могут испытывать какие угодно чувства, совершать какие угодно поступки — в этом мире мы ответственны только за себя, у нас есть

лишь наш собственный выбор, и я его сделала.

Всё что я сказала ему сейчас — было вызвано моим глубинным душевным порывом, этот зов сердца я впервые слышала так отчётливо, и я нисколько не сомневалась, что поступила правильно, ведь мне удалось отговорить Азиза от опасного решения, а это главное.

И теперь я просто наслаждалась его присутствием, его такими нежными объятиями и прикосновениями, которые говорили за Азиза, выдавая его взаимность и самые тёплые чувства ко мне.

Его рука замерла, и от ровного и размеренного дыхания Азиза мои глаза стали слипаться. Перед тем как полностью погрузиться в царство Морфея, я в последний раз решила убедиться, что он теперь точно больше никуда не собирается ехать. Ответом мне был его спокойный сон.

Азиз

Тонкая белая рука свисает до самого пола. Я убегая, оставляя её одну, распростёртую на кровати, бездыханно смотреть своими широко раскрытыми лазурно-голубыми глазами в вечность.

Опускаю взгляд на свои окровавленные руки и, вздрагивая, просыпаюсь.

Ангелина лежит рядом, глаза закрыты, лицо спокойно, а её обнажённая грудь плавно вздымается.

За окном уже рассвело. Усилием воли поборов в себе желание провести рукой по нежной округлости, я осторожно поднимаюсь, чтобы не разбудить ангела.

«Я не смог бы пережить это ещё раз»... С тех пор как Лина появилась в моей жизни, я впервые за долгое время испытал чувство страха — я стал бояться за неё, и вот мне приснился тот кошмар, от которого я думал, избавился навсегда.

Почему в этом сне я увидел на её месте Ангелину? Из-за того ли, что Лина так сильно похожа на неё? Или потому что она теперь так же не безразлична мне?

Комбо.

Подсознание кричит, что мне любой ценой нужно уберечь девушку от подобной участи. Чем дальше она находится рядом со мной, тем больше растёт для неё угроза опасности. Я обязан сегодня же закончить эти слепые гонки, где финиш ожидает лишь одного из нас, и пусть это будет она.

После встречи с Линой всё пошло не по плану. Не думал, что кто-то способен вернуть моё сердце к жизни. Но чувства, которые разбудила во мне эта девушка — не позволят мне больше прикрываться ей. Да и уж лучше сдохнуть, чем потерять уважение к самому себе. Помимо прочего, глупышка с каждым днём всё больше привязывается ко мне, а я не хочу делать её зависимой. Ангелине необходимо разобраться в себе, стать полноценной, иначе у нас с ней ничего не выйдет. Центр притягивается к центру, а она пока, сама того не зная, живёт одной периферией. Лине нужно обнаружить внутри себя искру, но греясь в поле чужого света, свой источник никогда не открыть. Я покажу Ангелине её настоящую — и сделать это можно лишь отдалившись от неё. Вот только бы не навсегда...

Надев свою чёрную футболку, чёрные спортивные штаны и такую же ветровку, я думал, что это самый подходящий наряд для того, чтобы отправиться в Ад.

Аглай тоже ещё спал, хотя несколько лет назад, когда я впервые с ним познакомился, он всегда вставал, чтобы встретить рассвет. Других ранних пташек, что уже собрались группками в главном зале, я не знал и, пройдя мимо двух крепких парней на входе, я покинул местное логово фрименов.

За ночь погода изменилась, и поднявшееся из-за горизонта солнце было закрыто плотной пеленой свинцово-серых облаков. Накрапывал дождь.

Глубоко вдохнув свежий сырой воздух с ароматом прибитой пыли, я в последний раз посмотрел на окно, за которым сейчас мирно спала моя любимая девушка, и со словами «перед смертью не надышишься» сел в демидовскую тачку.

В голове не было ни одной идеи, и я просто поехал по дороге, в надежде, что обязательно что-нибудь придумаю. На крайний случай у меня всегда есть запасной вариант — засветиться где-нибудь в центре, и тогда козлы сами меня найдут.

К Сахибу я решил не обращаться. Он и в прошлый раз не поддержал моего стремления поговорить с Рыковым напрямую, а делиться с ним откровениями относительно новой причины такого решения мне не хотелось.

Я был готов на любые риски, лишь бы оградить Ангелину от взаимосвязей с людьми из моего мира, из которого мне так и не удалось сбежать. Если вляпаться в это однажды, то отмыться не удастся уже никогда.

Аглай был вообще из другого и надкриминального, и надбытового мира, и оставить Лину в его компании было безопаснее всего.

Я колесил по центральным улицам города, пока не увидел больницу, в которой, по словам Сахи, лежал мой отец.

Было почти восемь утра, и медицинское учреждение уже должно было открыться для посетителей. Я припарковался через дорогу и ещё какое-то время понаблюдал за периметром вокруг здания.

Машины скорой помощи, сотрудники, редкие пациенты, и никого подозрительного, постоянного наблюдения со стороны улицы тоже не было видно.

Вышел из автомобиля и слился с потоком спешащих на работу людей.

Через несколько минут я стоял в прохладном широком холле у стойки регистратуры.

— Олег Кан? — в который раз переспросила серая мышка в белом халате. — Такой пациент к нам не поступал.

Я ожидал увидеть отца без сознания, Сахиб говорил, что в него стреляли люди Рыкова. Но пока очкастая медичка повторно проверяла все архивы в своём компьютере на предмет совпадения названного мной человека, до меня дошло, что его ведь, скорее всего, тоже положили под другим именем.

В реанимацию меня просто так никто не запустил, да и больница была не маленькая, чтобы в поисках отца проверять все палаты стационара.

Если наблюдение за контрольными точками всё же ведётся, то, значит, мне больше нечего терять, и можно, например, спокойно наведаться в отчий дом.

Даже если я не успею ничего там найти и придумать, и в итоге меня загребут, Ангелина в любом случае освободится — а это и есть моя главная цель.

Назвав отцовскую фамилию на въездном посту, которого десять лет назад здесь ещё не было, я медленно покатил по территории разросшегося элитного жилого района, и меня накрыло воспоминанием того злосчастливого вечера.

Лямки тяжёлого ранца неприятно оттягивают уставшие плечи: целая гора книг и тетрадей для шести основных уроков ученика старших классов, да ещё несколько пар шиповок — благо сегодня, наконец, определился: в каких мне будет удобнее бежать на приближающихся соревнованиях по лёгкой атлетике.

Октябрь в этом году выдался очень тёплым и после занятий во вторую смену я возвращался в тонких хлопковых брюках и одной рубашке.

Мы с отцом и матерью недавно переехали в ещё застраивающийся район частных особняков и коттеджей, и темнеющая вечерняя улица у нашего нового дома пока освещалась рядом высоких фонарей соседнего проулка.

Навстречу мне идёт какой-то подозрительный тип, глаза его нехорошо сверкают, я прохожу мимо него и замечаю, что его правая рука окровавлена и сжимает острый осколок из тёмного стекла. Дрожь пробегает по моему телу, я ускоряю шаг и перемахиваю через соседский забор недостроенного коттеджа, чтобы не показывать этому бродяге, где я живу.

Пробираюсь к своему дому и вытаскиваю связку ключей, но она оказывается не нужна — входная дверь не заперта. Значит, мама уже вернулась, но свет как обычно не горит.

Медленным, но быстрым шагом я обхожу первый этаж, дверь родительской комнаты приоткрыта. Мертвенная тишина, но я чувствую, что там кто-то есть. Осторожно заглядываю внутрь.

В поле моего зрения возникает край кровати, и свисающая с него тонкая белая рука.

— Ма, ты уже спишь? — я потихонечку захожу внутрь и обмираю от ужаса.

Бездыханная, она лежит распростёртая, прикрытая по грудь пледом, на постели, и её широко раскрытые лазурно-голубые глаза наполнены пустотой.

С замиранием сердца подхожу ближе. Короткие светлые волосы испачканы красным. Пытаюсь нащупать пульс на её шее. Тишина. Мой мир рушится.

Откидываю одеяло, и крик моего отчаяния разрывает тяжёлый металлический воздух комнаты. Аромат вина смешивается с запахом крови — область живота моей матери алая, а вторая рука сжимает горлышко разбитой бутылки её любимого «Каберне Совиньон», к которому она очень сильно пристрастилась из-за дурацкой работы отца и его вечного отсутствия в нашей жизни.

Перед глазами отчётливо встаёт ухмыляющееся лицо того бродяги на улице, и я, немедля сбрасывая тяжёлый рюкзак, так быстро стартую с места, как будто это самый важный забег моей жизни.

Я нагоняю его уже в соседнем переулке, когда высокий слегка шатающийся силуэт только скрывается за бетонной аркой, ведущей к проезжей части. И налетаю на него с кулаками, а он пытается в ответ пырнуть меня осколком:

— Ты чё, щенок, тоже жить надоело?

— Это ты, падла, убил мою мать?! — я выбиваю из его руки опасный предмет, а он вновь ухмыляется, определив меня «отпрыском белобрысой».

— За что?! — закричал я во всё горло, до изнеможения молотя его кулаками, куда только придётся.

Когда я остановился, бродяга уже еле сидел на земле.

— Считай, она сама меня попросила это сделать, — весь окровавленный едва слышно с трудом выговорил убийца моей матери.

— Ты что несёшь! — со злости я так сильно ударил его по голове, что тот упал и больше не поднимался.

Я сел рядом и, обхватив свою голову распухшими от ударов кулаками, заплакал.

Вытащил из кармана сотовый телефон и трясущимися руками набрал номер отца, но тот не взял трубку. Он никогда не отвечал сразу. Его дела и на этот раз оказались более важны, чем мы с матерью.

— Я сейчас же приеду, жди на месте. — Саха сразу же ответил на мой звонок. Он всегда меня выручал.

Дом, и сейчас как ни странно не охранялся. Забрался через забор и выбил стекло в гостиной, чтобы попасть внутрь.

И тут всё было перевернуто — искали документы.

Не нашли? Мне в любом случае больше нечего здесь делать.

Уже собирался уйти, как мой взгляд привлекла покосившаяся этажерка, на которой обычно стояли самые любимые мамины книги и наши семейные фотографии. Это единственное место в доме, которое отец не трогал с того времени, как её не стало.

Сейчас всё содержимое полка было сметено на пол, и, хрустя стеклянными осколками разбитых фоторамок, я подошёл, подняв самую любимую мою фотографию — где мама держит новорожденного меня на руках, а папа, который только привёз её в наш старый дом из роддома, смотрит на меня из-за её плеча, и на глазах его слёзы радости.

Всё детство я думал, что это был единственный раз, когда он так открыто показал свои эмоции.

А мама здесь такая счастливая. Пока ещё счастливая.

Даже после родов хрупкая и стройная. Короткие светлые волосы, добрые глаза...

Ангелина так удивительно похожа на неё.

Я решил забрать эту фотографию с собой, и, перевернув фоторамку с треснувшим стеклом, открыл заднюю стенку, обнаружив внутри небольшой свёрнутый лист бумаги.

Ангелина

Иногда чувствуешь себя живым, только когда идёшь определённым путём, хоть он может быть совсем неправильным. Тогда мы словно герои книг, которым просто необходимо прожить данный сюжет, иначе интересной истории не получится.

Прошло две недели с момента нашей первой встречи с Азизом. И ровно семь дней как я пошла по совсем неправильному, довольно тяжёлому, но, как оказалось, настолько интересному пути, что в корне изменил саму меня.

За этот, совсем небольшой по меркам жизни, промежуток времени практически неразлучного пребывания с Азизом, я научилась гораздо большему, чем за последние несколько лет.

Никогда прежде я не ощущала такой полноты жизни. Ничто раньше не приносило мне такого счастья, как простое нахождение рядом с мужчиной, которого я по-настоящему люблю. Он словно огромное Солнце, с которым светло в любую погоду.

А сегодня утром он ушёл, оставив меня одну. И ушёл, возможно, навсегда.

Прождав Азиза после своего пробуждения в комнате пару часов подряд, я поискала его среди людей в подвальном клубном помещении, и с горечью убедилась, что он не отказался от своего решения.

Погода на улице сегодня была пасмурная. Когда я разыскала Аглая, он подтвердил мне, что Азиз уехал ещё ранним утром, и отвёл в местную кухню, что выглядела очень домашнему, где несколько поваров готовили заказы для местных постояльцев.

Аглай составил мне компанию за поздним завтраком, и я решила воспользоваться случаем и постаралась выведать у него хоть что-нибудь про Азиза:

— Аз ещё не выходил на связь?

— Пока ещё нет.

— Он вообще придумал что-нибудь, не знаете?

— Пожалуйста, обращай ко мне на «ты».

— Хорошо, Аглай. Так он что, поехал наобум?

— Азиз не посвящал меня в свои дела, Ангелина, — добродушно развёл он руками. — Мне ничего не известно о целях его отъезда, правда. Мне было велено только присматривать за тобой, чтобы защитить в случае необходимости.

Стараясь побороть нарастающую внутри себя тревогу, я медленно выдохнула.

— Не стоит так сильно переживать за взрослого самостоятельного мужчину. Тем более за такого сильного и умного, как он.

Этот доброжелательный человек неопределённого возраста располагал к себе, вызывая ответное желание открытого доверительного общения.

— Ничего не могу с собой поделать. Сегодняшняя поездка может закончиться для него очень и очень плохо. Если бы только я могла как-то ему помочь...

— А ты чувствуешь, что способна это сделать?

Я задумалась над его вопросом, а Аглай тем временем продолжил:

— Ты тревожишься за него, будто твоё сердце отправилось вместе с ним. Как говорят французы «le coeur a toujours ses raisons» — «у сердца свои законы». Прислушайся к своему внутреннему голосу — все ответы в твоём, а вернее уже вашем общем сердце.

Мои щёки размялись, а глаза увлажнились от такого красивого и приятного описания — эти его последние слова прозвучали как доказательство очевидной взаимности Азиза по отношению ко мне, и я была очень благодарна Аглаю за такую сердечную открытость в этом вопросе.

— Аглай.

— Да?

— Ты не в курсе, почему Азиза зовут пастухом?

— Одно время он жил в Индии. Не знаю, как и зачем он там оказался, но знаю, что многие местные бизнесмены, утратившие вкус к жизни, ездили к нему туда на трансформацию. Почему именно пастух? Наверное, это первое, что приходит на ум, когда обнаруживаешь того, кого ищешь в простом жилище среди коров. Ну а я его так называю, потому что он выпас не одно стадо пресытившихся благами жизни богачей, — Аглай засмеялся. — Он разве тебе об этом не говорил?

— Я о нём вообще ничего не знаю. Он для меня энигма, самая большая тайна моей жизни.

— Азиз никогда о себе ничего не расскажет, если не чувствует в человеке особого внутреннего отклика.

— Так странно узнавать о его чувствах и жизни от других людей. О каком таком особом отклике ты говоришь?

— Хочешь, чтобы он по-настоящему открылся тебе?

— Конечно, вот только не знаю, как заслужить его искренность. Чего только уже не пробовала, — я горько усмехнулась.

— Такой человек как он может любить всем сердцем, быть отзывчивым и заботливым, но открыть душу он может лишь другой такой же душе.

— Такой же?

— Его душа, Ангелина, отягощена таким опытом, который не каждый желает даже знать. А рассказать об этом, то же самое что поделиться. Делиться чёрным он не любит, особенно с такими светлыми персонажами, как ты.

— Что ты об этом знаешь? О каком опыте идёт речь?

— Я ничего не могу тебе об этом сказать.

— Он кого-то убил, да?

— Всему своё время. Если он пожелает, то сам тебе всё расскажет.

Аглай оставил меня сидеть неподвижно, скованной неприятными догадками от завуалированного открытия об Азизе. А я, с трудом дожевывая остатки еды, отправилась в свою комнату, и развалившись на кровати, постаралась погрузиться в чтение книг, коих тут было в изобилии — но все мои мысли были только об Азизе.

Я переживала о том, что его могут убить, и не меньше боялась того, что он и сам убийца — Аглай не сказал об этом прямо, но подтвердил мои самые страшные догадки.

Ветер за окном нагнал ещё больше туч, засверкали молнии, и стена дождя окончательно закрыла поступающий в единственное окно полуденный свет.

В комнате стало темно, а на душе — пусто как никогда. Тут же вспомнились слова Азиза о том, что источник любви всегда внутри и нигде больше.

Люблю ли я его теперь, зная страшную правду о нём? Могу ли я любить убийцу?

И если да, то кто тогда я? Получается не такой уж и светлый персонаж, коим видят меня окружающие.

Я потянулась, чтобы включить настольную лампу, случайно задев стопку книг, верхняя из которых тут же повалилась на пол.

«И ты туда же!» — подняв небольшой сборник цитат Юнга, я возмутилась, обнаружив на случайно раскрытой странице фразу о том, что «видения станут ясны только тогда, когда вы сможете заглянуть в своё сердце», которая по смыслу совпадала с недавним пожеланием Аглая.

Ну и что же мне говорит моё сердце?

Стараясь услышать свой внутренний голос среди бушевавшего внутри меня урагана тревожных мыслей и чувств, кое-что я всё же смогла разложить по полочкам.

Первое, это то, что моя жизнь теперь точно не вернётся в прежнее русло, даже если я больше никогда не увижу того, кто изменил меня раз и навсегда.

И, второе — это то, что я совершенно не согласна больше никогда его не увидеть!

Повторив вслух свою последнюю мысль, меня пронзило невероятно сильной тоской от своего бездействия. Я словно осознала себя в своём собственном страшном сне и поняла, что только я могу здесь что-то изменить.

Это мощное осознание послужило толчком к тому, чтобы я, наплевав на все возможные опасности, просто встала и пошла навстречу своей судьбе.

Я совершенно ясно поняла, что не смогу больше сидеть и ждать, пока мне не сообщат что-то вроде: «Ангелина, Азиза больше нет в живых, но тебе теперь ничто больше не угрожает — можешь спокойно возвращаться домой». — Меня всю затрясло от этой перспективы, а моё восприятие будто изменилось — я чуть ли не кожей стала ощущать время. Каждая секунда отдаляла меня от него.

«Не знаю как, но я спасу его!» — Продолжая слушать своё сердце, которое говорило мне идти за Азизом, где бы он сейчас ни был, я решительно распахнула окно и вылезла наружу под проливной дождь.

Во мне было столько уверенности и сил, что, казалось, я горы могу свернуть.

Помимо неисчерпаемой энергии, меня захлестнуло ещё настолько сильными эмоциями, что их невозможно было скрыть — я неслась по лужам вдоль дороги так быстро, как только могла, а крупные капли дождя сливались с моими слезами.

Я не знала куда бежала — я просто хотела успеть. Успеть до того, как его не станет...

И я чувствовала, что делаю всё правильно, пусть даже внешне это выглядело совсем иначе.

Я была уверена, что скоро увижу его, и моя интуиция меня не подвела — через несколько минут в паре метров от меня резко затормозила блестящая чёрная машина.

Азиз

Никто из Рыковских псов на самом деле не охотился за мной — записка отца дала понять, что это всего лишь цирк, который подтверждался ещё тем, что нам всегда так легко удавалось уйти от погони.

Саха прекрасно знал, как негативно я отношусь к насилию, и поэтому так спокойно дал мне тогда пистолет.

Я не мог поверить, что за всем этим стоит именно он, и мне просто необходимо было убедиться в этом лично.

Стоя на коленях на бетонном полу какого-то заброшенного здания и откашливаясь от очередного удара под дых, я упорно делал вид, что ничего не знаю о предательстве Сахиба.

— Где мой отец? — Я выбью из них признание. Надеюсь раньше, чем они из меня дух.

— Не ты тут вопросы задаёшь, — обрубил самый дерзкий из пятерых ублюдков, что стояли сейчас вокруг меня. — Где доки?

— Ты тупой или глухой? Я сказал, что не знаю. Ты мне лучше скажи, что вы сделали с моим отцом?

— Да это ты, кажется, тупой, — козёл, с размаху стукнув меня по лицу кулаком, рассёк мне нижнюю губу, вынудив сплюнуть кровью.

— Погоди наследничка обижать, — услышал я новый голос за своей спиной. — Тут для него мотивация посерьёзнее поймалась, — повернув голову, я с замиранием сердца увидел её.

Постарался придать своему лицу невозмутимый вид, но на этот раз вышло куда хуже, чем в ту ночь в коттедже у Каспия — ещё один незнакомый мне Саховский хрен, держа под локоть промокшую насквозь Ангелину, вёл её к нашему уютному кругу общения.

На вид удивительно спокойная и вроде как даже самодовольная — не похоже, что была какая-то стычка. Неужели сама сбежала из Аглаевского укрытия? Что ж ты, глупышка, меня не послушала...

— Ну что, Азиз, теперь ты готов сотрудничать? — дерзкий продолжил нажимать.

До её появления, я был готов идти до конца, лишь бы убедиться, что мне дадут ещё одну возможность сбежать, чтобы рано или поздно я привёл их к искомому. Мне нужно было это долбанное подтверждение предательства.

Ведь если, прикрываясь именем Рыкова, за документами отца действительно охотится Сахиб, то, значит, его люди ничего серьёзного мне не сделают, по крайней мере, пока он не получит желаемое, что совсем не относится к Ангелине — вот ей могут причинить реальный вред, лишь бы только расшевелить меня. Особенно, если поймут, что она мне небезразлична.

— Ты считаешь, что из-за какой-то случайной девки я подведу отца?

— Я считаю, что если ты сейчас же не сломаешься, то я сломаю её. Пощекочи-ка девчонку, Дэн — обратился дерзкий к тому, что держал Ангелину.

— Не трогай её. Я отдам документы.

— А не врешь? Ещё пару минут назад, ты говорил, что без понятия, где они.

— Отпустите её, и я отвезу вас туда, где они спрятаны.

— Ты не в тех условиях чтобы диктовать правила. Только после того как всё необходимое будет у нас, так уж и быть, отпустим её. А прямо сейчас нам придётся немного

прокатиться, и чтобы всё обошлось без сюрпризов, твоя мотивация поедет с нами.

Всё, сбежать теперь нам точно больше никто не даст, ведь я только что признался, что знаю, где то, что им нужно.

Нас подвели к фургону, который подрезал меня на обратной дороге от дома, нещадно смяв красотке Демида бочину. Я спешил, чтобы предупредить Ангелину о том, что всё куда сложнее, чем я предполагал изначально. Мне нужно было время, чтобы переварить то, что я узнал, и понять, как обыграть Саху. Но мне не дали такой возможности.

Лину посадили в закрытый кузов в сопровождении двух козлов, одного из которых дерзкий назвал Дэном, а сам он разместился рядом с водительским креслом, направив на меня дуло пистолета:

— Вези. И чтобы без фокусов. Одно моё слово, и с дамой больше не будут церемониться.

Ангелина

Моё сердце сжалось при виде страшной картины, что предстала перед моим взором, когда меня привезли в заброшенное здание на окраине города — Азиза били...

Когда Аз пообещал, что отвезёт бандитов в нужное место, я поняла, что он просто старается тянуть время, чтобы меня не обидели. На самом деле он не знает где документы — он дал мне это понять ещё когда нас впервые нагнали у моря. А если бы он нашёл их сегодня, то сейчас бы его не пытали.

Внутри мне было очень страшно, но внешне я этого не показывала. Я готовила себя к подобному сценарию, и нисколько не жалела что оказалась здесь — ведь не появившись я вовремя, его бы уже забили до полусмерти...

Мне оставалось только верить в чудо. Я надеялась, что нам с Азизом снова удастся что-то придумать или разыграть, чтобы появилась возможность побега. Я молила все высшие силы, чтобы они пришли нам на помощь и помогли выбраться из этой ситуации максимально безопасным для нас образом.

Нас вывели на улицу, и перед тем как меня посадили в стоящий неподалёку фургон, я успела увидеть лицо Азиза, в глазах которого застыл вопрос: «Как ты здесь оказалась?»

Окон внутри не было, кузов освещался лишь небольшой тусклой автомобильной лампой. Рядом со мной уселись два устрашающего вида бугая, что недавно схватили меня на улице.

Я не знала, как далеко задумал везти нас Азиз, но как только фургон тронулся с места, я тут же стала судорожно перебирать в своей голове всевозможные варианты нашего спасения.

Я пыталась что-то придумать, но ничего толкового не шло мне на ум. Проситься в туалет? Это не прокатило даже с Азизом, когда мы сматывались из клуба от преследователей, что уж говорить об этих мордах и текущей ситуации.

Что же он задумал? Куда едет? Может, там нас будут ждать его люди, которые нам помогут? Мне очень хотелось верить в такой вариант, но интуиция говорила мне, что это совсем не так.

Азиз будто спешил — машина ехала довольно быстро, а мне так и не удавалось ничего выдумать. Никакого чуда тоже не предвиделось, и тревога стала постепенно вытеснять мой боевой настрой.

А когда машина остановилась, и долгое время ничего не происходило, на меня буквально накатила волна безысходности, растворив последние остатки надежды.

В ожидании ужасной участи моё сердце стало бешено колотиться, и спустя несколько минут или вечность я услышала, как передняя дверь снова хлопнула, и приглушённый голос Азиза следом сообщил:

— Здесь всё что нужно.

— Это ещё надо проверить, — из водительского отсека донёсся голос бандита, и нас снова куда-то повезли.

«Он заготовил какую-то обманку, и у нас есть последний шанс что-то придумать?» — В голове по новой замелькали вероятные разрешения сложившейся ситуации, и ни в одном из них я не могла представить своей роли.

Я спешила спасти Азиза, но, кажется, сделала только хуже. Ведь, когда эти бандиты узнают, что документы ненастоящие, то очень сильно разозлятся, а они и спокойные то не

очень дружелюбные.

Следующая остановка оказалась менее продолжительной.

— Выводите, — кто-то похлопал по борту фургона.

Дверь открылась, и, едва не стуча зубами от страха, я вышла наружу, где меня тут же обдало порывом ветра, что из-за мокрой одежды показался мне очень холодным.

Стоявший неподалёку невозмутимо спокойный Азиз, увидев меня трясущуюся от страха и холода, подошёл ко мне будто только ради того, чтобы накинуть на меня свою ветровку.

— Всё в порядке. Можете отпускать девчонку, — распорядился тот, что избивал Аза в заброшенном здании, а затем обратился ко мне: — Ты свободна, красотка, но советую тебе больше не попадаться мне на глаза.

«Чего? Я не ослышалась?» — В недоумении повертев головой по сторонам, остановила свой взгляд на том, которого, как я думала, сейчас снова должны были ожидать неприятности. Но на непроницаемом выражении лица Азиза не угадывалась ни одна эмоция, а в его бездонных карих глазах я не разглядела ни одного чувства.

С немым вопросом я продолжала смотреть на этого высокого крепкого мужчину-энигму с кровоподтёком под красивыми строго очерченными губами, что добавлял его и без того суровому сейчас образу хладнокровности, и больше не могла не видеть в нём убийцу.

— Ну, давай топай, пока отпускают, что стоишь? — небрежно бросил он мне.

Азиз старался быть равнодушным или он действительно был равнодушен?

Сглотнув ком в горле, я тихо спросила:

— Так ты всё это время знал, где были эти чёртовы документы?

— Да, я знал.

— Ты просто пользовался мной...

— А ты что себе успела напридумывать? Одному мне было бы просто скучно. В общем, спасибо за компанию. Здесь только одна жизнь в ассортименте, лови момент.

— Прощай, Азиз, — с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, едва слышно проговорила я, перед тем как развернуться и уйти.

«Неужели он и правда только играл со мной?» — Что-то внутри меня сопротивлялось поверить в это окончательно, хоть все факты говорили именно об этом.

Страх и непонимание сменились разочарованием и невыносимой обидой, что сжигала моё нутро невыплаканными слезами, и когда бандитский фургон исчез из поля зрения, увезя в неизвестность моего необычного пациента, самого главного учителя в моей жизни, мужчину, которого я полюбила как никого раньше — я, наконец, дала волю своим чувствам.

«Азиз» — пульсировало во мне его имя. Не трудясь обходить лужи, образовавшиеся после затяжного ливня, я рыдала в голос, быстро шагая в сторону остановки общественного транспорта. Хорошо на улице сейчас практически не было прохожих — дождливый вечер субботы рассадил редких прогуливающих по тёплым уютным кафе и ресторанам.

Дождь уже почти не капал, но воздух был сырым и прохладным, и в промокших шортах и футболке мне было очень зябко. Кутаясь в ветровку Азиза, я как последняя мазохистка вдыхала его неповторимый аромат, прямо физически ощущая причинённую мне им душевную боль.

Осколки разбившихся иллюзий невыносимо кололи моё восприятие, и, завидев подъезжающий автобус, в какой-то момент мне даже захотелось запрыгнуть не в него, а под него.

Но этот урок я уже однажды проходила — в особо тяжёлые дни моего отрочества я ясно для себя уяснила, что из-за своей личной боли, какой бы сильной она не была, я не стану причинять её другим. Ведь мой уход, лишив меня возможности чувствовать страдание, передаст эту эстафету моим родным, а я не могу так с ними поступить. Особенно с Алёнкой, от которой зависит ещё такой маленький и незащищённый новый человечек, что живёт сейчас у неё под сердцем.

«Как же я хочу увидеть и обнять свою сестру!» — Это желание зажгло во мне стремление поскорее добраться до её дома. И я, впервые наплевав на правила, проехала зайцем несколько остановок ближе к центру города и там уже стала ловить попутку в нужный мне район.

Милая девушка на миниатюрной серебристой хонде подбросила меня до кубика новостроек, куда Алёна с Артёмом не так давно переехали.

Набрав номер их квартиры на панели домофона, я нажала кнопку вызова и спустя несколько секунд услышала тихий женский голос:

— Слушаю.

— Привет, Алён, это я.

— Ангелина? — запнувшись, с сомнением уточнила она.

— Кто ж ещё? — наигранно бодро воскликнула я. — Открывай давай, а то я тут уже замёрзла!

Увидев свою невысокую, сдобно-румяную и теперь будто светящуюся изнутри сестру, я с непередаваемой радостью обняла её так сильно, словно мы не виделись целую вечность.

— Ну как ты? — в глазах Алёны читалось беспокойство.

«Азиз» — подавив новый поток подступающих слёз, я постаралась спрятать свою грусть в широкой улыбке:

— Как видишь, всё в порядке. Лучше скажи, как ты, а вернее вы? Можно? — Я с

нежностью прикоснулась к её животу, которого ещё не было видно.

— Червячку всего чуть больше месяца, — заулыбалась она в ответ, и сразу же стала серьёзной. — Ангелина, я же вижу, что всё далеко не в порядке. Ты просто обязана мне всё рассказать. Но для начала переоденься во что-нибудь сухое, а то ты будто из того бассейна сразу под наши ливни вынырнула. Поройся там у меня в шкафу, может, найдёшь что-то подходящее, а я пока приготовлю нам что-нибудь вкусненькое.

Погревшись пару минут под тёплым душем, я надела первое попавшееся платье свободного кроя и взяла лежавшую на тумбочке сумочку, которую Алёна забрала из диспансера, где я работала.

Тело согрелось, но холод внутри никуда не делся — оставшийся после расставания с Азизом, он стал анестезией моего сердца, и меня это устраивало — лишь бы только не чувствовать боли.

Взглянула на себя в зеркало: веки были припухшими от недавних рыданий, и на лице в целом читалась глубочайшая тоска. Часто заморгала, легонько похлопав себя по щекам, чтобы мимика немного ожила. Улыбнулась — вышло очень неестественно.

Махнув рукой на все попытки скрыть нескрываемое, я отправилась на кухню, где меня встретили приятные запахи еды, и мой голодный желудок тут же заурчал в предвкушении.

— Артём должен скоро вернуться, но я написала ему, чтобы он ещё заехал за моим любимым чизкейком, а его обычно не так просто найти, — осведомила меня сестра, накладывая в тарелки тушёные овощи, болезненно напоминающие мне о фирменном рагу Азиза. — Так, что пока у нас есть время, давай выкладывай, что за история такая с тобой приключилась.

Расскажи я ей всё по-настоящему, Алёна бы переживала не меньше моего — и за то, что мне пришлось перенести за это путешествие и за то, что случилось со мной после него. И я продолжила ту вымышленную линию повествования, что была заложена ещё при нашем последнем разговоре, когда я находилась в отеле Демида.

Сестра просекла мою неразделённую любовь, и роль причины для неё сыграл Карим, которого она тогда так удачно успела увидеть собственными глазами по видеозвонку у бассейна.

Я сказала, что после произошедшего на моей работе, мне резко захотелось переключиться, и я буквально поехала путешествовать автостопом. Карим попался как раз вовремя, он ехал отдыхать к морю, и согласился отвезти меня туда же. Во время дороги мы познакомились ближе и между нами возникли чувства, которые на фоне гормонального переполоха от пережитого стресса я расценила как любовь...

Я не знала, куда заведут нас эти отношения, поэтому и не могла точно сказать, когда вернусь. А недавно мы с ним сильно поссорились, поэтому я сразу же уехала. А теперь понимаю, что снова ошиблась в выборе мужчины, так что это состояние скоро пройдёт и не стоит из-за этого переживать.

Сестра не поверила рассказу, ведь многие странности моего отъезда так и не были прояснены. Но вытянуть из меня правду она не успела — приехал её муж, коренастый улыбчивый шатен, и мы сразу же засобирались в гости к нашим родителям.

Мама и папа совсем не ожидали увидеть меня сегодня и встретили нас в смятении чувств.

В заблестевших от слёз глазах мамы читались и радость, и растерянность одновременно. А папа смотрел на меня чересчур обеспокоено, прямо как в тот раз, когда я очнулась на

больничной койке после своего первого нервного срыва.

— Доченька! Ну, наконец-то! Мы так переживали... — причитала моя невысокая слегка полная мама, уткнувшись мне в плечо.

— С тех пор как ты выросла, я думал, что больше подобных трюков ты выкидывать не станешь, Ангелина, — с упрёком произнёс мой высокий сухопарый отец, на которого я была похожа больше, чем на мать.

— Простите меня, что так спонтанно уехала и даже не предупредила, и что не выходила на связь. Мне нужно было срочно сменить обстановку и перезагрузиться, иначе бы мне снова снесло крышу.

— Ладно, за ужином всё обсудим. Ира накрой на стол. Пусть девочки тебе помогут, а ты Артём, проходи пока в комнату.

Услышав просьбу своего мужа, мама нехотя выпустила меня из своих объятий:

— Я сама всё сделаю, доченьки, отдыхайте. Лина, ты наверняка, устала с дороги, а тебе, Алёна итак сейчас вдвойне подобной работы хватает в этой дурацкой пекарне.

— Да не стоит напрягаться, мам. Мы уже поели у Алёны дома.

— Ничего не знаю, ужин есть ужин. А тебе, Ангелина, не помешает ещё покушать, а то вон как поправилась на этом своём отдыхе, — иронично заметила мама.

Все разошлись, и мы вновь остались с сестрой наедине.

— Почему мама такого плохого мнения о твоём месте работы? Тебе вроде бы там нравилось.

— Мне и нравилось, пока у нас начальство не сменилось. Эта молодая несмышлёная барышня, которую поставили на время отъезда хозяев, считает, что на такую небольшую пекарню одного повара на смену вполне достаточно. И вот с недавнего времени я с трудом нахожу время даже на простой поход в туалет.

— Может поискать что-то ещё? Тебе ведь сейчас совсем ни к чему такой напряжённый график.

— Я думала об этом, но я в положении, а у нас с Тёмой теперь ещё ипотека, и мне совсем не хочется рисковать. Благо на днях ухожу в отпуск. Ангелина, ты ведь мне не всё рассказала, да?

— Девчонки, пойдёмте кушать! — вовремя донёсся мамин голос.

За столом папа несколько раз наклонялся к маме, чтобы приобнять её, и мой внутренний диссонанс пополнился ещё одним противоречием чувств: мне было приятно видеть их в таком позитивном эмоциональном взаимодействии, и одновременно горько от осознания его причины. Подвергнув их длительному стрессу, я снова заставила их сплотиться, чтобы пережить страшный период моего труднообъяснимого отсутствия.

Родители долго пытали меня всевозможными вопросами, суть которых сводилась к одному не озвученному — действительно ли меня никто не обидел и не угрожает мне сейчас?

Придерживаясь истории, рассказанной Алёне, я успокаивала их любопытство и как могла тушила в их душе ещё тлеющие переживания.

После ужина Артём завёз Алёну домой, и доставил меня в квартиру, которую я снимала на окраине города.

«Азиз» — Оставшись одна, я больше не смогла подавлять мысли о нём.

Пустота моей однушки отзеркалила моё состояние — мне было пусто как никогда. А ещё страшно за Азиза, ведь я не знала, куда его повезли дальше, может быть в последний

путь...

Меня накрыло новой волной рыданий. Мне было настолько плохо, что я стала царапать себе грудную клетку — так сильно мне хотелось выдрать с корнем то, что болело где-то глубоко внутри.

«Азиз»,

«Азиз»,

«Азиз»... — отдавалось его имя в каждом стуке моего сердца, пока я не провалилась в небытие от изнеможения.

Азиз

'Ангелина,

Ангелина,

Ангелина', — крутилось в голове её имя, пока я ехал на встречу с важными людьми столицы, которые обещали, что в случае необходимости всегда готовы прийти мне на помощь.

Более пяти лет ночных кошмаров и горького тянущего чувства вины за отнятую жизнь, пусть даже моя тёмная часть говорила мне, что поделом.

«Кто же знал, Саха, что ты дважды крыса».

Воистину, нет ничего нового под Солнцем — предательство от того, от кого совсем не ждёшь.

Так же я поступил с Ангелиной. По крайней мере, в её глазах всё выглядело именно так.

«Прости меня, Лина, но так было нужно».

Когда я вернулся в страну — отца уже не было в живых. Никто в него не стрелял, он просто был неизлечимо болен, но никому об этом не говорил.

А Сахиб, как выяснилось, уже давно хотел прибрать его бизнес к рукам. И как только подвернулась подходящая возможность, придумал эту историю с Рыковым.

Разыграл погоню, чтобы я сам рано или поздно привел его людей к документам, а потом снова уехал и даже ни о чём бы не подозревал.

Я не знал, в курсе ли те парни на кого работают, и, чтобы избежать с их стороны непредвиденной реакции, старался ничем не выдать, что разнюхал о подставе.

Соврав про то, что я на самом деле уже давно знал, где были документы, я, конечно, сделал Ангелине очень больно, но зато доказал этим козлам, что у нас с ней ничего серьёзного.

И как только Лину отпустили, я по-настоящему выдохнул. Смог спокойно гнуть свою линию до конца, обещая, что выеду за границу, и никто меня здесь больше никогда не увидит.

Моё освобождение стало финальной точкой, подтверждающей, что всё это действительно Саховских рук дело. Каким бы гадом он ни был — убивать меня не входило в его планы.

Сахибу незачем было брать дополнительный грех на душу, ведь он решил, что может обвести меня вокруг пальца, и сейчас уверен, что ему это удалось.

Тогда он не упустил случая, чтобы получить свой рычаг воздействия на нашу семью.

А ведь всё могло сложиться по-другому.

Мне бы не пришлось жить в Европе под чужим именем. Я бы несколько лет подряд не просыпался ночами в холодном поту, а днями — не мучился бы угрызениями совести, пока не отправился на поиски духовного исцеления. И не стал бы тем, кем стал.

Не встретил бы Ангелину...

Всё так, как должно быть.

Но Саха это нисколько не оправдывает. Ему придётся ответить за свою лицемерную двойную игру.

В Индии я не брал денег с людей, приезжающих ко мне за тем же, за чем в своё время

туда приехал и я. Хотя это были и есть одни из самых богатых и влиятельных людей страны.

Не думал, что до этого дойдёт, но пришло время собирать урожай их благодарности.

Сахиб не в курсе, что я всё знаю, и нам легко будет застать его врасплох.

Я никогда не хотел продолжать дело отца. Не столько из-за того, что он крутился в криминальной сфере, сколько из-за того, что он буквально жил ей, совсем отдалившись от своей настоящей семьи.

Мама столько раз хотела забрать меня и куда-нибудь уехать, но всякий раз её что-то останавливало.

Всё детство я думал, что будь моя воля — я бы закрыл все эти грязные клубы. Саха об этом знал, поэтому и не мог допустить, чтобы я распоряжался нажитым отцом после его смерти.

Это стихия Сахиба — мутная тёмная вода для большой акулы, вне которой ему просто не выжить.

Не поступи он так со мной, я бы, может, и сам ему всё оставил. Но теперь Сахе придётся восстановить меня во всех правах.

Ангелина

Не прошло ни одного грёбанного дня, чтобы я не думала о нём.

За время, что мне довелось неразлучно провести вместе с Азизом, я будто срослась с ним, и теперь мне не хватало части себя, причем самой важной — в области сердца ощущалась дыра размером со Вселенную, пустоту которой мог заполнить только он один.

Завтра начиналось лето, и ещё влажный, но уже достаточно жаркий воздух напоминал мне о берегах Каспия.

Люди строили грандиозные планы на предстоящий яркий сезон и были наполнены его предвкушением, а я познавала: насколько невыносимой бывает душевная боль.

На следующий день после возвращения я отправилась навестить подруг, напросившись сначала к одной, а затем к другой в гости — лишь бы только не оставаться наедине с собой. А в прошлый понедельник забрала свою старушку со штрафстоянки и вышла на работу, решив с начальством все оставшиеся вопросы, касательно моего неожиданного отъезда.

Я честно старалась жить своей прежней жизнью, но каждая моя смена теперь была для меня испытанием. Моё сердце замирало всякий раз, когда я проходила мимо палаты, в которой впервые повстречала Азиза.

Я не знала, увижу ли я его когда-нибудь ещё...

«Жив ли ты вообще»? — Находясь в диспансере, вынырнуть из подобных мыслей было практически невозможно.

Фёдор Михайлович подшучивал надо мной — мол, мне бы самой не помешало здесь полечиться.

Моя депрессия действительно была выражена намного ярче, чем у местных пациентов.

Наш главврач констатировал, что отпуск мне совсем не помог. Напомнил о том, что в таких местах не всякий может работать. И посоветовал мне серьёзно подумать о смене места работы.

Сестра со своим мужем уже почти как две недели улетели отдыхать к морю, и когда я рассказала Алёне, что, скорее всего, буду увольняться, она тут же предложила мне пожить у них.

— Только шумные вечеринки не закатывай, у нас там снизу пожилая пара живёт, — шутливо наставляла меня моя старшая сестра по телефону. — Кстати, я же совсем забыла тебе сказать. Перед тем как закинуть в стирку твои промокшие вещи, в которых ты тогда приехала, во внутреннем кармане куртки я нашла чью-то фотографию и какую-то непонятную записку, это всё лежит в верхнем ящике стола в спальне.

Я сначала хотела отказаться от предложения, но услышав её последние слова, внутри меня что-то затрепетало — словно погибшая некогда надежда вновь подала признаки жизни.

«Азиз написал мне записку?! А я даже не догадывалась»... — Любопытство стало жечь меня, и я тут же согласилась:

— Алён, спасибо большое. Думаю, что было бы неплохо начать новую жизнь с нового месяца.

Переезд — это отличная возможность для меня попробовать сменить свой образ жизни, который давил на меня с каждым днем всё больше. Я не планировала задерживаться в квартире Алёны и Артёма больше чем на время их отъезда, предполагая, что сразу же начну

поиски новой работы, но уже в черте города и в какой-нибудь обычной клинике.

Мне не терпелось узнать, что было в куртке Азиза, и после своей смены я сразу же сообщила начальству, что действительно больше не в силах здесь работать. Мне снова пошли навстречу, и в этот же день подписали заявление на увольнение.

Поймав волну воодушевления, я быстро собрала личные вещи в своей съёмной однушке, и, заехав сначала в агентство, чтобы расторгнуть с ними договор на проживание, а затем к родителям за запасным ключом от квартиры Алёны — оказавшись внутри, я тут же ринулась проверять названное сестрой место.

Взгляд первым делом упал на фотографию. На старой потёртой бумаге была запечатлена молодая семья — улыбающаяся женщина держала в руках укутанного в одеяло младенца, а стоящий позади неё мужчина, смахивал кулаком слёзы радости.

На дне ящика остался лежать небольшой свёрнутый лист бумаги. Дрожащими руками развернула его и поднесла к глазам, пытаюсь разобрать размашистый почерк Азиза.

Но прочитав первые пару строк, поняла, что эта записка предназначалась вовсе не мне, а была адресована именно ему.

'Когда врачи поставили мне неутешительный диагноз, я не стал тебе ничего говорить — не хотел, чтобы жалость стала поводом для возобновления нашего с тобой общения.

А сегодня я окончательно слёг без возможности выползти из своей собственной конуры. Приезжала скорая. Заезжал Сахиб. Был под чем-то. Проболтался мне...

Ты не убивал того бродягу, Азиз. Когда Саха приехал, тот был ещё жив. И если бы он сразу отвёз его к нашим лепилам, то его быстро бы поставили на ноги. И ублюдок бы ответил за содеянное, а тебе не пришлось бы уезжать. Но Саха решил поступить иначе. Хоть понятия «кровь за кровь» в нём всегда были выше разумного смысла, это его откровение всё-таки заставило меня в нём усомниться.

Во всяком случае, не зря я стал хранить все ценные бумаги там, где никто из наших не знает. Вспомни ваше любимое место отдыха с мамой, и ты поймёшь, о чём я говорю — да, я интересовался вашими увлечениями, хоть и не имел возможности разделить их с вами.

Когда смерть так близко, начинаешь по-другому смотреть на вещи. И теперь я понимаю, почему ты никогда не хотел иметь ничего общего со мной, а тем более продолжать моё дело.

Я нажил состояние, но потерял семью.

Я сделал твою мать несчастной.

Она не хотела так жить. Я тогда пытался что-то изменить, найти какое-то решение. Я даже построил для неё коттедж у моря. Но только после того как её не стало, до меня дошло, что я всегда только откупался от вас, а самого меня в вашей жизни не было.

Я знаю, что мою душу уже ничем не отмыть, но оставить своему сыну нажитое — это меньшее, что я могу. Распорядись всем этим, пожалуйста, как сам пожелаешь.

Белохалатные всё-таки уговорили меня завтра лечь в больницу, и чувствую я, что оттуда уже не вернусь.

Прости, что не уследил за мамой, прости, что сломал твою судьбу. И прости, что так и не смог сказать тебе всё это лично'.

Азиз же не мог всё это время таскать эту записку и фотографию с собой? Нам столько раз приходилось сбегать вообще без каких-либо вещей и наголо переодеваться друг перед другом, что это было бы просто нереально! Да и зачем?

Он наверняка нашёл всё это в тот день, после того как рано утром уехал от меня. А ничего не сказал, чтобы бандиты не заподозрили, что у него есть какие-то чувства ко мне.

Всё было так или нет? О, как же я хочу его увидеть и поговорить с ним!

Господи, жив ли Азиз вообще? — я сбилась со счёта сколько раз после того вечера, задыхаясь слезами, я задавала этот вопрос безмолвным небесам.

Моё такси очень медленно продвигалось сквозь вечерние пробки, пока на улице темнело слишком быстро.

В нетерпении выскочила за пару кварталов от нужного мне района и срезала по дворам к обнесённой забором многоэтажке. Отодвинула поломанный с одной стороны прут и пробралась к зданию.

Спустилась к знакомой потёртой двери и громко постучала.

Через несколько секунд снизу просунули лист бумаги и карандаш.

Уличные фонари ещё не включили, и я достала смартфон, чтобы подсветить фонариком надпись: «Кому ты снишься?»

Что за чушь?

Вернула всё обратно, и снова постучала, но открывать дверь мне никто не торопился.

Под ногами вновь показалась бумага.

«Кому ты снишься?»

Да откуда ж мне знать, кому я могу сниться?! Надеюсь, что Азизу, где бы он ни был...

Вписываю его имя, но мне снова не открывают.

— Что, не правильно блин?! — со всей силы стукнула ладонью по двери, и прислушалась.

— Эй, «Что? Где? Когда?», фиговы! Мне не до загадок сейчас! Откройте, слышите, мне надо срочно поговорить с Аглаем! Эй! — разозлившись, я пнула дверь ногой, но ответной реакции не последовало и на этот раз.

— Да пошли вы, умники! — В бессилье скатилась вниз на корточки.

Ну и где мне ещё его искать?

Неужели придётся ехать в тот злосчастный клуб к бандитам?

Это слишком опасно, мне ведь тогда ясно дали понять, что лучше к ним больше не соваться.

Может разбить здесь окно, через которое я в тот раз отсюда сбежала, и попробовать забраться внутрь?

Знакомая мне комната располагалась на первом этаже, но дом стоял на высоком фундаменте, и зацепиться там было абсолютно не за что, да и подтянуться я вряд ли бы смогла.

Несмотря на сомнительность успеха данной операции, я подыскала довольно увесистый камень и уже хотела попробовать реализовать свой безумный план, как услышала позади себя спокойный голос Аглая:

— Не надо глупостей. Пойдём со мной.

Сквозь толпу разношёрстного народа, как обычно тусующегося в подвальном зале, мы с Аглаем прошли в пустой кабинет, роскошно отделанный деревом и камнем.

— Что у тебя случилось? — мужчина предложил мне присесть в кресло, отделённое от второго такого же низким столиком с замысловатым дизайном, но нервное напряжение словно вкопало меня в землю.

— У меня ничего. Хотела выяснить, что с Азизом.

— А что с ним не так?

— Он жив?

— Насколько я знаю у него всё хорошо.

Я с облегчением медленно выдохнула и, наконец, села напротив этого человека без возраста, к которому я почему-то снова не смогла обратиться на «ты».

— Тогда почему он пропал? Я долго думала, что безразлична ему, но недавно нашла кое-что, вроде как доказывающее обратное. Где он сейчас?

— Я не могу тебе ничего об этом сказать.

Предполагая подобный ответ, я покивала головой сама себе.

«А на что я рассчитывала? Что Аглай только и ждал меня, чтобы устроить нам встречу?»

— Хорошо. Спасибо. Мне пора, — я поднялась и направилась к выходу.

— Ангелина, — окликнул меня мужчина. — Я передам Азизу, что ты его искала.

— А я больше его не ищу. Мне достаточно знать, что он жив и что у него всё хорошо. Не говорите ему ничего, пожалуйста.

— Хорошо, я не стану. Но даже не сомневаюсь, что он итак уже в курсе. Уверен, что он не оставил тебя без присмотра. Я знаю, что ты важна ему.

Говорят, чтобы забыть человека, нужно избавиться от всего, что о нём напоминает.

Выкинув куртку Азиза ещё несколько месяцев назад, я до сих пор каждый божий натыкалась на какое-нибудь упоминание о нём.

«Я знаю, что ты важна ему»... — слова Аглая всплывающие при этом всякий раз в моей памяти, встречались с мыслями о том, что если бы это действительно было правдой, то Азиз не исчез бы так бесследно из моей жизни, и отдавались тупой болью где-то внутри меня.

Эту боль я похоронила в глубинах своего сердца, я закопала её там под пеплом выплаканных слёз, под сажой выстраданных душевных терзаний.

И теперь я просто была благодарна Азизу пусть за такой непродолжительный, но такой насыщенный период времени, за который он научил меня радоваться жизни, даже когда на грани смерти. Доверять, даже когда совсем не знаешь. И любить, даже когда ненавидишь...

— Как часто ты раньше слышала имя Азиз? — заставив вздрогнуть на последнем слове, вытянула меня из раздумий Инга, моя школьная подруга, с которой я встретила сегодня после трудового дня, проведённого в новой высококласной клинике, куда мне по счастливому стечению обстоятельств удалось устроиться практически сразу же после увольнения.

— Ни разу, — слегка напрягшись, соврала я. — А что?

— Просто сегодня я то и дело встречаю людей с таким именем, хотя оно довольно редкое. Интересно, что бы это значило?

— Редкое, это точно...

Я не рассказывала о нём ни подругам, ни сестре — ей эту историю я собиралась поведать не раньше того, как она родит.

Алёна знала, что я что-то скрываю, и всё пыталась выведать у меня правду, уверяя, что никакая информация ни ей, ни её малышу уже не сможет навредить. Но до декретного отпуска сестре оставался ещё целый месяц, а работать ей там было довольно тяжело, поэтому я решила, что лишние переживания сейчас ей точно ни к чему.

Мне до сих пор всюду встречались напоминания об Азизе, и я уже спокойно на это реагировала, но чтобы моей подруге... Это определённо что-то новое.

В любом случае, это больше не вызывало во мне такого болезненного отклика — сгорев однажды в своих страданиях дотла, я словно феникс переродилась и теперь ощущала необычайную лёгкость.

Я чувствовала себя свободной от всех привязанностей, понимая, что больше никто не способен заставить меня прожить то, что уже раз и навсегда изменило самую мою суть.

Главный вывод, который я извлекла из этого трудного, но пройденного урока моей жизни, заключался в осознании того, что моё счастье зависит только от меня.

Рассчитавшись с официантом, я попрощалась с Ингой и под заинтересованные взгляды мужской половины кафе, что с недавнего времени снова стала ловить на себе, отправилась к ожидающему меня у входа такси.

Подруга звала меня продолжить наш пятничный вечер где-нибудь ещё, ведь я больше не работала посменно, у меня был обычный график, и впереди было целых два выходных, но теперь я проводила их с пользой для себя. Утром я обязательно бегала на стадионе, что располагался неподалёку от моей новой съёмной квартиры, днём изучала курсы по

повышению квалификации, а вечер посвящала себе любимой, устраивая релакс в виде пенной арома-ванны с любимой книгой в руках, или просто смотрела какой-нибудь новый интересный фильм.

В подъездном холле моё внимание сразу же привлёк краешек плотной серой бумаги, торчащий из почтового ящика с номером моей квартиры.

На конверте совсем ничего не было указано и, попав внутрь своего нового жилища, любопытство заставило меня прямо на пороге проверить его содержимое.

Предвкушая догадку о том, кто мог быть загадочным отправителем письма, я дрожащими от волнения руками вскрыла конверт и извлекла из него тонкий матовый картон лилового оттенка.

'Ангел, приглашаю тебя завтра поужинать вместе со мной.

Азазель'

— было выведено очень красивым почерком.

Сердце радостно затрепетало от осознания того, что это послание действительно от него.

«Я смогу его увидеть»! — эта мысль буквально опьянила меня.

Не в силах сопротивляться захлестнувшим меня радостным эмоциям, я заулыбалась до ушей, и, скинув обувь, вприпрыжку добралась дивана, забравшись на него с ногами. Прижала этот кусок бумаги прямо к своему громко стучащему сердцу так крепко, будто в нём была частичка Азиза.

Стараясь дышать как можно глубже и медленнее, я довольно быстро вернула себя в спокойное состояние. И перед глазами сразу же стали мелькать те тяжёлые моменты, которые мне довелось пережить, смиряясь с полным отсутствием Азиза в моей жизни.

После того, как я узнала, что с ним всё в порядке, то ещё очень долгое время мучила себя вопросом — почему он так и не вышел на связь?

Он знал, что я есть в социальных сетях, и уверял, что переписка в них достаточно безопасная — так хоть бы одно личное сообщение, хоть слово бы написал...

И вот написал. Настолько личное сообщение, что теперь я даже знаю, как выглядит его почерк.

Пригласил на ужин — так просто! Как же это в его безумном стиле...

Почему Азиз объявился именно сейчас? Когда я только недавно перестала убиваться по нему, и всё снова стало на свои места, а я вроде как счастлива.

Появись он чуть раньше, и я бы понеслась к нему навстречу сломя голову, словно пёс, обезумевший от долгого ожидания своего хозяина.

Но сегодняшнюю меня больше не ломало при мысли о нём. Образ Азиза в моей голове теперь не жёг мне глаза, заставляя их слезиться.

Зато было спокойное желание увидеть его, просто поговорить, поблагодарить за то, что он был в моей жизни, пусть даже словно падающий в небе метеорит — такой быстрой яркой вспышкой — но который навсегда оставил глубокую борозду на моём сердце.

Где-то с полночи я не могла уснуть, мучаясь сомнениями принимать ли мне это предложение.

Я стала бояться, что увидев Азиза, всё может повториться — вдруг после встречи с ним мы разойдёмся, но теперь уже точно навсегда, а я опять буду страдать. Я не смогу пережить это ещё раз...

Почему он решил снова появиться в моей жизни? Почему молчал всё это время?

Чего он хочет?

А я ведь только исцелилась, задышала спокойно...

Хотя кого я обманываю? Если бы я по-настоящему освободилась от него, разве бы терзалась сейчас подобными мыслями?

На секунду позволила представить себе нашу с ним встречу: как я смотрю в эти бездонные карие глаза, как обнимаю крепкое поджарое тело, и меня будто пронзило электрическим разрядом невероятной мощности, заставив всю меня на мгновение обмереть в сладкой неге послевкусия этой фантазии.

А ведь в скором времени это может стать правдой.

Как же долго я ждала этой возможности — ещё хоть раз увидеться, услышать бархатистый голос...

Я обняла подушку, представляя, что это Азиз, и моё тело ещё больше расслабилось, а сознание стало плавно уплывать в воспоминания о том, как я засыпала в таких тёплых, таких нежных его объятиях.

В зале царит полумрак, несмотря на то, что с красиво отделанного деревянной мозаикой потолка свисают сотни крафтовых ламп разных размеров. На покрытых струящимися бежевыми скатертями круглых столах высятся прозрачные вазы со свежими герберами.

В этом небольшом, но очень уютном ресторане, адрес которого был указан на пригласительной открытке, кроме меня больше не было видно ни одного человека, и я вздрогнула, не ожидая услышать чьи-то шаги так близко за своей спиной.

Улыбнулась, понимая, что это именно Азиз. Сердце зашло в танце, когда его горячие ладони нежно легли мне на плечи. Заставив меня обмякнуть, он обнял меня сзади, и, склонившись к моему уху прошептал:

— Привет, я так рад, что ты пришла.

Почувствовав его сводящий меня с ума аромат, я прикрыла от удовольствия глаза, и повернула голову в его сторону. Жадный взгляд Азиза, представшего передо мной в костюме официанта, безо всяких слов выдал, как сильно он по мне скучал.

— Привет. Ты что здесь работаешь?

— Только сегодня и только для тебя, — игриво ухмыльнулся он и обвёл руками пространство вокруг, — и всё это, кстати, тоже только твоё.

— Что?

— Я же обещал, что куплю тебе ресторан, забыла? — Азиз извлёк из папки с меню какие-то бумаги и протянул их мне.

— Боюсь, что не смогу принять такой подарок, — пробежав глазами текст, я решительно вернула ему правоустанавливающие документы, приложив к ним записку его отца и старую фотографию их семьи. — Это, кстати, тоже твоё.

— Это не подарок, а компенсация.

— Она мне не нужна. А вот моей сестре не помешала бы. Мы заставили Алёну очень сильно понервничать в первые месяцы её беременности. Знаешь, она всегда мечтала работать в подобном месте, и я думаю, что если ты её сюда сможешь устроить, то мы будем с тобой в расчёте.

— Да без проблем. А вы, мисс, чего изволите отведать сегодня?

— Мексиканское рагу по индийскому рецепту, пожалуйста.

В выразительных карих глазах блеснули довольные искорки:

— One moment, please.

Азиз по-настоящему обслужил меня, разложив столовые приборы и расставив тарелки. Разместив в центре стола дымящееся ароматным паром главное блюдо, он разлил по стаканам фруктовый лимонад и сел на стул напротив меня.

Его глаза прямо говорили, что он тосковал по мне не меньше, и лучились такой нежностью, что я буквально чувствовала его желание ещё раз прикоснуться ко мне.

Мне тоже очень хотелось дотронуться до него, чтобы почувствовать, что это больше не выдумка моей фантазии, что это всё по-настоящему — он живой и снова рядом.

«Вот бы обнять его и больше никогда не отпускать».

— Официант, шеф-повар, компаньон. Вечер обещает быть интересным.

— Разве со мной бывает иначе?

«Без тебя всё было иначе».

Рагу оказалось настолько вкусным, что попробовав немного, я не смогла удержаться и съела подряд ещё несколько ложек, хотя планировала приступить к еде только после того, как задам все зависшие между нами вопросы.

Азиз тоже увлёкся трапезой. Медленно пережёвывая пищу, он смотрел на меня испытующим взглядом и не торопился нарушать тишину.

Когда молчаливое напряжение между нами достигло предела, я отложила приборы и первая заговорила:

— Обман иногда спасает жизни.

— Ты это о чём?

— О записке. Ты ведь нашёл её только в последний день, так?

— Да, Лина. Только в тот день я выяснил, где находятся документы, а ещё узнал о предательстве из близкого круга людей.

— Тот мужчина в клубе. Саха. Получается, это он всё замутил?

— Как выяснилось, не только это.

— А ты всё это время считал, что тогда убил того человека, да?

Азиз немного помолчал, смотря, будто сквозь меня, а потом коротко кивнул и негромко заговорил:

— Когда я думал, что убил бродягу, зарезавшего мою мать, Саха приехал на мой звонок так быстро, что я был уверен — он единственный во всём мире, кто по-настоящему беспокоится обо мне. Как же я ошибался...

У моего отца были связи, и то дело сразу же замяли, но Саха убедил его, что мне всё же лучше пожить какое-то время за границей. И меня отправили в Англию, устроили в местную частную школу.

Первое время я был на такой сильной измене, что хотел вернуться, пусть даже бы меня посадили в колонию для малолетних — тогда я был готов на всё, лишь бы только избавиться от душащей меня круглосуточно тяжкой ноши. Я никогда не хотел быть похожим на своего отца, а потому страдал вдвойне. К.ни.го.ед...нет

Но он сделал так, чтобы до восемнадцати лет мои пути никогда не заканчивались аэропортом, а после совершеннолетия я перестал принимать его деньги. Получил стипендию на дальнейшую учёбу, устроился официантом в один популярный ресторатор, а все заработанные деньги откладывал. И уже через несколько лет смог открыть своё собственное кафе.

Так я доказал себе, что тоже могу заниматься бизнесом, только без той грязи, что всё время сопровождала работу отца. Но это не принесло мне желанного освобождения.

В глубине души того мужика за убийство матери я так и не простил, но и не мог смириться с тем, что сделал сам. Не мог принять свою тень.

И когда понял, что больше не могу убежать от себя, я решил, наконец, познакомиться с собой. Узнать на что ещё способен.

Я всё продал, заморозил счета, а сам отправился в Индию.

Не взяв с собой ни копейки, будучи практически нищим, я скитался по разным местам. Брался за любую работу. Скажу честно, это было куда сложнее, чем аскезничать в Европе, ведь там заработанных денег мне едва хватало на еду.

Зато я многому научился. И заполучил такое богатство, с которым не сравнятся никакие деньги — я обрёл себя. Перестав себя судить, я принял свой груз, и освободился от его

тяжести.

— А тебе и не за что судить себя, ведь сложишься всё немного иначе, тот человек мог остаться жив.

— Приди я немного раньше домой, осталась бы жива и мама. Но всё сложилось именно так, Ангелина. И это на самом деле был её выбор. А мой выбор был — долбить её убийцу кулаками, пока не выдохся, а затем оставить его в руках Сахиба.

— Он, получается, дважды тебя подставил.

— Он знал, что я никогда не хотел идти по стопам отца. Однажды я сказал ему при Сахе, что если он когда-то решит оставить мне свой бизнес, то я продам всё и лучше открою что-то полезное. Поэтому Сахиб и не упустил возможности отдалить нас с отцом ещё больше, позволив тогда тому мужику отъехать. А когда внезапно отъехал мой отец, Сахиб не смог найти контрольный пакет документов, вот и затеял всю эту игру.

— Тебе пришлось отдать ему всё из-за меня... Прости.

— Нет, ты как раз появилась очень вовремя. Я тогда ещё не мог смириться с тем, что узнал, и по глупости затянул ситуацию, пытаюсь стянуть с них хоть какое-то подтверждение. Но если бы они просекли, что я в курсе про предательство, то мы бы с тобой точно здесь сейчас не сидели.

— Получается, что абсолютно всё, что произошло с нами — было нужно?

— Да. Оказалось, что Сахиб уже давно перерыл всё в особняке моего отца, сам убеждая меня, что мне там появляться крайне опасно. Если бы не ты, я бы не пошёл ва-банк, так и не узнав всей правды, и тогда ещё неизвестно, чем могла закончиться эта история. Получив своё, Саха, наконец, расслабился, а я, зная, что ты им больше не интересна, смог спокойно всё разрулить.

— И сейчас ему от тебя больше ничего не нужно?

— Мы с ним всё решили. У Сахиба просто не было другого выхода, как только вернуть мне всё обратно. В итоге я, как и хотел, закрыл все заведения, а имущество продал, отдав вырученные средства на благотворительность.

— А ещё ты прикупил ресторан.

— Не на деньги отца. У меня была припасена приличная сумма с продажи кофейни в Англии. О, я же совсем забыл! — Азиз ненадолго отошёл к бару и вернулся с вытянутой бутылкой из красивого чёрного стекла. — Английский «Хэмблдон», — гордо произнёс он, щёлкнув пробкой, будто я разбираюсь в марках шампанского.

— Спасибо, но мне достаточно лимонада, — я подняла свой стакан навстречу его фужеру и предложила тост, — за то, что всё хорошо закончилось?

— За то, что всё только начинается, — загадочно подмигнул он мне.

— Скажу честно, Азиз, я не хотела сегодня приходить.

— Понимаю. Прости, что сделал тебе больно.

— Знаешь, ты не появлялся так долго, что все эти вопросы, которые мы с тобой сегодня обсудили, на самом деле уже давно потеряли свою актуальность.

— Если ты уйдёшь, и не захочешь меня никогда видеть, я пойму. Но знай, что я бы не хотел тебя больше никуда отпускать.

— Я пришла в первую очередь, чтобы поблагодарить тебя. За то, что ты сделал меня настоящей. Впервые в жизни я чувствую себя настолько собой. Я понимаю, что моё счастье не зависит ни от кого, кроме меня самой. Понимаю, что если не буду любить себя по-настоящему, то так и буду гнаться за шлейфом чужой любви ко мне. Это неправильно. Это

нездоровое отношение к себе и к жизни. И я это поняла только благодаря тебе. Эту разницу в мироощущении можно прочувствовать, только познав принципиально новое качество жизни. Отныне моя жизнь бьёт ключом, и я больше никому не позволю лишиться себя этого состояния.

— Я очень рад, Ангелина, что и ты обрела себя. Я в свою очередь тоже хочу тебя поблагодарить. Спасибо за то, что ты появилась в моей жизни и зажгла моё потухшее сердце. С самой первой нашей встречи я знал, что ты можешь сиять так ярко, как сейчас. Приятно видеть тебя такой. Спасибо, что ты пришла сегодня и озарила своим присутствием это место, подсветив мне дорогу вперёд. Пойдешь ли ты со мной по ней дальше? — он протянул свою руку, пригласительно положив её на стол ладонью вверх.

Его пронзительный взгляд в купе с непривычно искренними речами смутили меня, и я замешкалась, совсем не зная, что мне на это ответить. Молча вложила свою руку в его, и Азиз настолько тепло улыбнулся, что мне сразу же дико захотелось обнять его.

Длинные чувственные пальцы ласково проšliсь по моему запястью, и, заметив, как нетерпеливо я заерзала на стуле, он сам подошёл ко мне.

Ничего не говоря, Азиз подхватил меня за талию и усадил прямо на стол. Дикий огонёк блеснул в его потемневших глазах, прежде чем он жадно впился в меня губами.

Жаркая волна вмиг прокатилась по всему моему телу, сильно затуманив сознание. С трудом стараясь прервать наш такой долгожданный поцелуй, мне каким-то образом всё же удалось возмутиться:

— Мы же в ресторане, ты сумашедший!

— Если бы не это, мы бы не познакомились, — усмехнулся Азиз и, как ни в чём не бывало, продолжил сводить и меня с ума своими поцелуями в шею.

Не в силах сдерживать судорожные вздохи, я стыдливо покосилась на входную дверь.

— Здесь кроме нас сегодня больше никого не будет, я об этом позаботился, — заверил он меня хриплым голосом и, отстранившись, сдёрнул официантский фартук, зацепившейся завязкой сорвав ряд пуговиц на своей рубашке. На оголившемся торсе Азиза я увидела неровный белый шрам и осторожно провела по нему пальцем.

— Он напоминал мне о тебе, пока мы были не вместе. — Азиз переключился на молнию моего платья-кардигана, и быстро оголив верхнюю часть, замедлился, заставляя меня покрываться мурашками от каждого его прикосновения губами.

Азиз спустился ниже, заставив меня задышать чаще, и мои пальцы невольно зарылись в его густые чёрные волосы. Я прислонилась губами к его голове, и, упиваясь его запахом, прошептала:

— Я люблю тебя, Азиз.

— Твоё сердце стучит так сильно, будто просится к моему, — он посмотрел на меня и его блестящие от любви глаза засияли ещё ярче. Взяв мою ладонь, он приложил её к своей груди. Наши сердца стучали в унисон. — Я люблю тебя, Ангелина.

С самой первой нашей встречи я уже подсознательно знала, что этот мужчина — именно тот, кто мне нужен. Но я не знала его самого. А сегодня он дал мне ответы на все мучившие меня вопросы, кроме одного — почему он пропадал так долго?

Я шла на эту встречу, не зная, чего мне ждать. Что будет после. Я боялась новой боли. Но теперь я просто уверена, что если мы даже не будем вместе, я больше не стану страдать — сейчас я как никогда ощущала свою полноценность.

И мне было так хорошо от этого чувства завершенности, которое только усиливалось

рядом с таким же самодостаточным мужчиной.

Он не появлялся, потому что ждал, пока я сама дорасту до этого осознания. Теперь я была ему ровней.

Он и я — мы как два корабля, для которых совсем не важно, что за бортом, важно лишь то, что внутри. А внутри нас плещется любовь, и, даря себя друг другу, мы только умножаем её.

Это невероятно сильное чувство просто должно было потопить меня прежнюю, чтобы нынешнюю меня могло бесстрашно нести по волнам к новым берегам и открытиям.

— В чём смысл жизни, Ангелина? — развлекал себя Азиз, закидывая меня философскими вопросами, пока по его настойчивой просьбе я примеряла выбранное мне им платье, короткая пышная юбка которого была удлинена сзади.

В эту пятницу был сокращённый день и, выходя из ворот клиники, я не ожидала увидеть Азиза. Я тогда только достала свой смартфон, собираясь написать ему, что освободилась, как он окликнул меня. Увидев его, я удивлённо вскинула брови и радостно улыбнулась, а он приветливо улыбнулся мне в ответ. Азиз в этот раз заехал за мной не на машине — он стоял рядом с крутого вида спортивным мотоциклом, что был припаркован на обочине у дороги. Он предложил мне поехать где-нибудь, а затем попросил составить ему компанию для похода по магазинам, так как собирался выбрать себе какой-нибудь классный деловой костюм, чтобы соответствовать своему статусу ресторатора, и нового начальника моей сестры по совместительству.

— Эй, не подглядывай! — я стукнула ладошкой по стенке, разделяющей мою примерочную с соседней, из-за которой норовил заглянуть ко мне Азиз. — Я думаю, что у каждого свой смысл.

— Мне просто не терпится тебя в нём увидеть, — наигранно обижено выдохнул он. — А какой смысл у тебя?

— Даже не знаю, наверное, хотеть продолжать эту самую жизнь.

— Можно подробнее?

— Это когда жизнь мотивирует сама себя, за счёт чего вообще существует.

— Зациклила, значит, причину и следствие, — засмеялся Азиз. — Хитро.

— Нет, ну без шуток. Без желания жить ведь все другие смыслы теряют свою актуальность.

— Что именно зажигает это желание жить?

— Мм, это то, что наполняет тебя больше и ярче, чем что-либо. Что-то вроде предназначения в жизни.

— А что зажигает конкретно тебя?

— То, что ты есть на этой земле. — Застегнув последнюю пуговку на корсете я вышла из примерочной.

Азиз переоделся раньше меня и ждал у входа. В его сине-чёрном костюме очень красиво сочетались деловой и спортивный стили.

— Зачем ты попросил меня его примерить?

— Я угадал, что это белое платье с нежным лазурным отливом будет идеально оттенять цвет твоих глаз. В нём ты и впрямь настоящий ангел, — в его влюблённых глазах читался восторг. — А тебе разве не нравится?

— Нравится, но оно такое необычное...

— Мы всё берём, — Азиз протянул карту консультанту.

— Мне не надо, куда в таком можно пойти?

— На нашу с тобой свадьбу, например.

— Чего? — я сомнительно прищурилась.

— Да, Лина, у нас с тобой регистрация уже через, — он взглянул на свои наручные часы, — час!

— Что?! — я открыла от удивления рот. — Но когда ты успел подать заявление и как ты это, блин, сделал без меня?

— Нечего было приглашать меня к себе в гости, — самодовольно ухмыльнувшись, пожал он плечами. — Прости, не удержался, чтобы не украсть твой паспорт. Всё остальное помог уладить ещё один благодарный мне человек, имеющий связи в этой области.

Деловито подперев талию руками, я состроила хитрую мордашку:

— А не думаешь, что я могу быть не согласна?

— А кто неделю назад согласился пойти со мной по дороге жизни? — быстро парировал он.

— Я не знала, что это было предложение.

— Неужели ты ожидала, что оно будет шаблонным? Не забывай, я сам хаос.

— А как же моя семья? Я бы хотела, чтобы они присутствовали на подобном мероприятии.

— Они уже ждут нас, я всех предупредил. Ангелина, я знаю обо всех твоих желаниях наперёд тебя. Просто доверяй мне как раньше, хорошо?

— Ты пригласил моих родных?! Но ведь тебя практически никто не знает... Ты точно псих!

— Вот и познакомимся. Не переживай, если этот псих понравился тебе и твоей сестре, значит понравится и всем остальным. Ну так что, ты готова ехать? Сегодня ещё немного придётся покататься с ветерком. После регистрации нам нужно будет быстро домчать до аэропорта.

— Что ты ещё задумал, мы куда-то полетим?

— Хоть побываешь у настоящего моря.

— Опять украдёшь меня, и Алёнке придётся писать за меня заявление? — я засмеялась.

— На этот раз я уладил вопрос заранее. Твоё начальство не против дать тебе на пару недель отпуск без содержания.

Крайне впечатлённая тем, как он всё продумал, я всё же не удержалась, чтобы не спросить:

— Ну а как же вещи?

Азиз покачал головой, одним лишь взглядом пожурив меня за неисправимость.

— Купим всё необходимое на месте, разве нам привыкать? — он схватил меня на руки, тем самым закрыв поток моих нескончаемых вопросов, и понёс к выходу.

Тёплое сентябрьское солнце уже начинало спускаться с небесной вершины, золотисто-оранжевыми отблесками нежно окрашивая воздушно-белые облака.

Я с непривычки взвизгнула, когда мотоцикл зарычал, и, зажмурившись, прижалась к Азизу сзади, крепко обхватив руками его рельефный торс.

Мы рванули с места, и немного привыкнув к скорости, я открыла глаза — белый шлейф моего платья красиво развевался на ветру.

Меня захватило картиной проносящихся мимо машин и зданий. Всё было таким опасным, но и таким живым — восторг стал постепенно вытеснять страх, и ещё спустя мгновение я снова почувствовала эту волну изобилия жизни, которая всегда сопровождала меня рядом с Азизом.

Это непередаваемое чувство полноты, цельности и единства всего, рождающееся при слиянии парадоксов. Когда объединяются противоречивые чувства, противоречивые смыслы, тогда ощущается и понимается одновременно всё сразу.

Смыслы...

Смысл моей жизни в желании её продолжать. Сейчас я так сильно хотела жить, что буквально пила каждую секунду времени, каждую точку пространства, каждый пронесшийся мимо меня звук и аромат.

И это то, что наполняет больше и ярче, чем что-либо. Это как предназначение в жизни. Так же и с человеком — лишь один мужчина из всех может заставить подчиниться полностью, при этом, вообще не применяя никакой внешней силы — это как внутренний зов, будто вы предназначены только друг другу и больше никому. Идеальное сочетание, стопроцентное попадание в сердце.

С таким мужчиной не нужны вообще никакие смыслы. С таким не обязательно даже быть рядом. Ведь соприкоснувшись единожды, вы раз и навсегда изменяете друг друга.

Это как поймать свой собственный хвост — «гейм овер», игра закончена. Бежать больше незачем — теперь всё есть внутри тебя самого.

Нет больше драм, нам просто хорошо, где бы мы ни были и с кем бы мы ни были.

Но когда мы вместе, время будто перестаёт существовать. Весь мир — всё, что нас окружает — одна нескончаемая симфония, а мы словно проваливаемся между нот, сливаясь воедино с этой мелодией бесконечности.

Ты и я есть на этой планете, ты и я есть в этой вселенной, ты и я есть.

И этого достаточно, чтобы быть счастливыми.

Больше книг на сайте - Knigoed.net